

ISSN 0207-6918
e-ISSN 2310-3701

КАНТОВСКИЙ СБОРНИК

KANTIAN JOURNAL

2022 ■ $\frac{\text{Том}}{\text{Vol.}}$ 41 ■ № 2

ISSN 0207-6918
e-ISSN 2310-3701

КАНТОВСКИЙ СБОРНИК

KANTIAN JOURNAL

2022

$\frac{\text{Том}}{\text{Vol.}}$ 41

№ 2

Калининград
Издательство Балтийского федерального
университета им. Иммануила Канта

Kaliningrad
Immanuel Kant Baltic Federal University
Press

2022

12+

Кантовский сборник. — 2022. — Т. 41, №2. — 166 с.

Kantian Journal, 2022, vol. 41, no. 2, 166 pp.

Интернет-адрес: http://journals.kantiana.ru/kant_collection/
URL: http://journals.kantiana.ru/kant_collection/

Издается с 1975 г.
Выходит 4 раза в год

Published since 1975
A quarterly periodical

Издание зарегистрировано в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-65775 от 20 мая 2016 г.

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.
Certificate of registration ПИ № ФС 77-65775, May 20, 2016

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»
(236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14)

Established by

the “Immanuel Kant Baltic Federal University” Federal Autonomous Educational Institution of Higher Education
(14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236016, Russia)

Адрес редакции:

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6, БФУ им. И. Канта
e-mail: kant@kantiana.ru

Editorial office address:

6 Gaidara st., Kaliningrad, 236001, Russia
e-mail: kant@kantiana.ru

Адрес издателя:

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6, БФУ им. И. Канта

Адрес типографии:

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6, БФУ им. И. Канта

© Балтийский федеральный университет
им. И. Канта, 2022

© Immanuel Kant Baltic Federal University,
2022

Редакционная коллегия

- Дмитриева Нина Анатольевна*, доктор философских наук, доцент, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия);
Московский педагогический государственный университет, Москва (Россия) — главный редактор;
- Чалый Вадим Александрович*, доктор философских наук, доцент, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Калининград (Россия) — заместитель главного редактора;
- Бажанов Валентин Александрович*, доктор философских наук, профессор, Ульяновский государственный университет, Ульяновск (Россия);
Байзер Фредерик С., доктор философии, профессор, Сиракьюсский университет, Сиракьюс (США);
- Белов Владимир Николаевич*, доктор философских наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва (Россия);
- Васильев Вадим Валерьевич*, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия);
Вуд Аллен, доктор философии, профессор, Индианский университет, Блумингтон (США);
Дёрфлинггер Бернд, доктор философии, профессор, Трирский университет, Трир (Германия);
- Зильбер Андрей Сергеевич*, кандидат философских наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия) — ответственный секретарь;
- Калинников Леонард Александрович*, доктор философских наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия);
Кляйнгельд Паулин, доктор философии, профессор, Гронингский университет, Гронинген (Нидерланды);
Конеv Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, Самарский национальный
исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Самара (Россия);
- Копцев Иван Демьянович*, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия);
Круглов Алексей Николаевич, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва (Россия);
Мер Рудольф, доктор философии, Грацский университет им. Карла и Франца, Грац (Австрия);
- Пушкарский Анатолий Геннадьевич*, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия) — ответственный секретарь;
- Разеев Данил Николаевич*, доктор философских наук, доцент, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург (Россия);
Румянцова Татьяна Герардовна, доктор философских наук, профессор, Белорусский государственный университет, Минск (Белоруссия);
Соболева Майя Евгеньевна, доктор философских наук, профессор, Марбургский университет им. Филиппа, Марбург (Германия);
- Сорина Галина Вениаминовна*, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва (Россия);
Тиммерман Йенс, доктор философии, профессор, Сент-Эндрюсский Университет, Сент Эндрюс (Великобритания);
Тремблэй Фредерик, доктор философии, Софийский университет имени Св. Климента Охридского, София (Болгария);
Уоткинс Эрик, доктор философии, профессор, Калифорнийский университет, Сан-Диего (США);
- Чернов Сергей Александрович*, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург (Россия);
- Штарк Вернер*, доктор философии, профессор, Марбургский университет им. Филиппа, Марбург (Германия)

Editorial board

- Prof. Nina A. Dmitrieva*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia); Moscow State Pedagogical University, Moscow (Russia) — Editor-in-chief;
- Prof. Vadim A. Chaly*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia) — Deputy Editor-in-chief;
- Prof. Valentin A. Bazhanov*, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk (Russia);
Prof. Frederick C. Beiser, Syracuse University, Syracuse (USA);
Prof. Vladimir N. Belov, The Peoples' Friendship University of Russia, Moscow (Russia);
- Prof. Sergey A. Chernov*, Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, St. Petersburg (Russia);
Prof. Bernd Dörflinger, University of Trier (Germany);
- Prof. Leonard A. Kalinnikov*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia);
Prof. Pauline Kleingeld, University of Groningen (the Netherlands);
Prof. Vladimir A. Konev, Samara State University, Samara (Russia);
- Prof. Ivan D. Koptsev*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia);
Prof. Alexey N. Krouglov, Russian State University for the Humanities, Moscow (Russia);
Dr Rudolf Meer, University of Graz (Austria);
- Anatoly G. Pushkarsky*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia) — Executive Secretary;
- Prof. Danil N. Razeev*, Saint Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);
Prof. Tatiana G. Rumyantseva, Belarusian State University, Minsk (Belarus);
Prof. Maja E. Soboleva, University of Marburg (Germany);
- Prof. Galina V. Sorina*, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia);
Prof. Werner Stark, University of Marburg (Germany);
Prof. Jens Timmermann, University of St Andrews (UK);
- Dr Frederic Tremblay*, Sofia University "St. Kliment Ohridski", Sofia (Bulgaria);
Prof. Vadim V. Vasilyev, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia);
Prof. Eric Watkins, University of California, San Diego (USA);
Prof. Allen W. Wood, Indiana University Bloomington (USA);
- Dr Andrei S. Zilber*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia) — Executive Secretary

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Философия Канта

- Гёрг Э. Инерция и пространство: Кант и Эйлер 7
- Штининг Г. От математической к критической метафизике природы. Ламберт и Кант 42
- Бабаева А.В., Гусева Л.В., Ким О.М. Семантико-стилистические особенности трактата Канта «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного»: искусство видения и описания объекта 68

Кант: pro et contra

- Фуэнтес Гонсалес С.А. О мысленных экспериментах у Канта и Витгенштейна и проблеме трансцендентальных аргументов 96

Дискуссия

- Углева А.В. Изломанные грани этического универсализма. Комментарий к книге «Универсальность в морали» 122

Рецензии

- Гарсия Л.Ф. Рец. на кн.: Lewin M. Das System der Ideen: Zur perspektivistischen Begründung der Vernunft im Anschluss an Kant und Fichte. Freiburg ; München : Alber, 2021. 378 S. 148

События

- Белов В.Н. Обзор круглого стола «Актуальность философии Германа Когена» 159

CONTENTS

Articles

Kant's Philosophy

- Görg E. Trägheit und Raum: Kant und Euler 7
- Stiening G. Von der mathematischen zur kritischen Metaphysik der Natur.
Lambert und Kant 42
- Babaeva A. V., Guseva L. V., Kim O.M. Semantic and Stylistic Features of
Kant's *Observations on the Feeling of the Beautiful and the Sublime: The Art
of Seeing and Describing an Object*..... 68

Kant: pro et contra

- Fuentes González S.A. Kant and Wittgenstein on Thought Experiments and
the Matter of Transcendental Arguments 96

Discussion

- Ugleva A. V. Broken Facets of Ethical Universalism. Commentary on the
Book *Universality in Morality* 122

Book reviews

- Garcia L.F. Book Review: M. Lewin, *Das System der Ideen: Zur perspektivisti-
schen Begründung der Vernunft im Anschluss an Kant und Fichte*. Freiburg &
München: Alber, 2021, 378 pp. 148

Events

- Belov V.N. Report of the Roundtable "The Relevance of Hermann Cohen's
Philosophy" 159

Ссылки на оригинальные тексты Канта приводятся по изданию: Kant I. *Gesammelte Schriften* (Akademie-Ausgabe). Berlin, 1900 ff. — и оформляются в тексте статьи следующим образом: (AA 07, S. 578), где сначала цифрами указывается номер тома данного издания, а затем дается страница по этому изданию. Ссылки на «Критику чистого разума» оформляются по этому же изданию, например: (A 000) — для текстов из первого издания, (B 000) — для второго издания или (A 000 / B 000) — для фрагментов текста, встречающихся в обоих изданиях.

References to Kant's original texts (I. Kant. *Gesammelte Schriften* (Akademie-Ausgabe), Berlin 1900 ff.) are presented in the following form: *Siglum*, AA (Vol.-Number.), page[s], for example: (*MpVt*, AA 08, p. 264). Siglen index see here: http://www.kant-gesellschaft.de/de/ks/Hinweise_Autoren_2018.pdf (pp. 3-6). References to the *Critique of Pure Reason* are given as follows: (*KrV*, A 000) for the texts of the first edition, (*KrV*, B 000) for the texts of the second edition, and (*KrV*, A 000 / B 000) for fragments present in both editions.

УДК 1(091):117

ИНЕРЦИЯ И ПРОСТРАНСТВО:
КАНТ И ЭЙЛЕРЭ. Гёрг¹

Натурфилософия Канта в «Метафизических началах естествознания» обнаруживает сильное влияние «Принципов» Ньютона. Однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что на проект Канта повлияли и другие мыслители, в том числе Леонард Эйлер. Его работы оказали большое влияние на Канта, причем в связи с его взглядами не только на пространство и инерцию, но и на отношение между метафизикой и естествознанием в целом. Несмотря на то что физика Эйлера основывалась на работах Ньютона, его взгляды на фундаментальные аспекты отличались от ньютоновских, что привело к важнейшим изменениям в классической механике. Я рассматриваю влияние Эйлера на творчество Канта и сосредоточиваю свое внимание на позиции Эйлера по двум запутанным вопросам – проблеме инерции и проблеме пространства. Я объясняю, что и Эйлер, и Кант прошли через формирование этих фундаментальных понятий. После краткого освещения различий между Кантом и Ньютоном (1) я рассматриваю становление важных частей натурфилософии Эйлера, касающихся вышеупомянутых вопросов, и показываю, что он, опровергая вольфианство, стал сторонником необходимости абсолютного пространства, но при этом отрицал существование внутренней силы инерции (2). После этого я демонстрирую, как знакомство Канта с работами Эйлера привело к решающим изменениям кантовской натурфилософии в частности и его философской системы в целом. С этой целью я анализирую пересмотр Кантом теории пространства и инерции, разработанной в его докритических сочинениях. Основываясь на этом, я показываю влияние данных идей на «Метафизические начала естествознания» (3).

Ключевые слова: Кант, Ньютон, Эйлер, абсолютное пространство, инерция, сила инерции, закон инерции, натурфилософия

¹ Рурский университет Бохума, Германия, 44801, Бохум, Университетсштрассе, д. 150. Поступила в редакцию: 03.08.2021 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-1

TRÄGHEIT UND RAUM:
KANT UND EULERE. Görg¹

Kant's natural philosophy in the Metaphysical Foundations of Natural Science is heavily influenced by Newton's Principia. However, a closer look makes it clear that Kant's project has also been influenced by other thinkers. One of these thinkers is Leonard Euler. His work was of great influence for Kant, not only with regards to his view on space and inertia but on the relation between metaphysics and natural science in general. Even though Euler's Physics built on Newton's work, he differs from him in fundamental regards, leading to crucial developments inside classical mechanics. Here I will discuss the influence of Euler on the work of Kant and focus on Euler's view on the two entangled problems of inertia and space. It will become clear that both Euler and Kant went through a development concerning these fundamental notions. After shortly highlighting the differences between Kant and Newton (1), I shall go through the development of important parts of Euler's natural philosophy concerning the above mentioned themes. I intend to demonstrate that he, through his refutation of Wolffianism, became an advocate for the necessity of absolute space but also denied the existence of an internal force of inertia (2). After that I will show how Kant's reading of Euler led to crucial changes of his natural philosophy in particular and his philosophical enterprise in general. I therefore analyze Kant's revision of his theory of space and inertia in his precritical writings. Building upon that, I will show the influence of these thoughts on his Metaphysical Foundations (3).

Keywords: Kant, Newton, Euler, absolute space, inertia, force of inertia, law of inertia, natural philosophy

¹ Ruhr-University Bochum. Universitätsstraße 150, Bochum, 44801, Germany. Received: 03.08.2021.
doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-1

1. Кантовские и ньютоновские основания закона инерции

Влияние И. Ньютона на кантовскую натурфилософию, особенно на его «Метафизические начала естествознания», подчеркивалось неоднократно. В качестве примера можно привести книгу М. Фридмана «Кант и точные науки». Название главы «Метафизические основания ньютоновской науки» (Friedman, 1992, p. 136–164) является программным для интерпретации Фридмана. Однако, акцентируя влияние Ньютона на кантовский проект создания оснований механики, можно упустить из виду важность других мыслителей для этого проекта. Так, между натурфилософскими основаниями ньютоновских «Принципов» и «Метафизических начал естествознания» обнаруживаются глубокие различия, как это подробно описал, в частности, Э. Уоткинс (Watkins, 1997; 1998; 2012).

Различия между «Принципами» Ньютона и «Метафизическими началами естествознания» Канта можно проиллюстрировать тремя аксиомами. Среди законов, названных Кантом, можно обнаружить только один, который также упоминается и Ньютоном². «Законы механики» Канта включают в себя сохранение материи, закон инерции и равенство импульсов двух взаимодействующих тел. Из них только закон инерции встречается у Ньютона. Кантовская формулировка гласит: «Второй закон механики. Всякое изменение материи имеет внешнюю причину. (Всякое тело находится в состоянии покоя или движения в том же направлении и с той же скоростью, если оно не вынуждено внешней причиной оставить это свое состояние.)» (AA 04, S. 543; Кант, 1994а, с. 345).

² Фридман иногда слишком интенсивно проводит параллели между законами Ньютона и Канта. Так, он утверждает, что вторая ньютоновская аксиома содержится в третьем законе Канта (Friedman, 1992, p. 228). Недопустимость таких параллелей показана, в частности, Уоткинсом (Watkins, 1997) и Каррьером (Carrier, 1992).

1. Die Grundlagen des Trägheitsgesetzes bei Kant und Newton

Der Einfluss Newtons auf Kants Naturphilosophie, insbesondere die *Metaphysische[n] Anfangsgründe der Naturwissenschaften* (weiterhin MAN), ist immer wieder hervorgehoben worden. Exemplarisch sei hier auf Michael Friedmans *Kant and the Exact Sciences* verwiesen. Der Titel des Kapitels „*Metaphysical Foundations of Newtonian Science*“ (Friedman, 1992, S. 136-164) ist für Friedmans Lesart programmatisch. Der Fokus auf den Einfluss Newtons auf Kants Projekt einer Fundierung der Mechanik übersieht jedoch die Bedeutung anderer Denker für das Kantische Projekt. So fallen tiefgreifende Unterschiede zwischen den naturphilosophischen Grundlagen der Newtonschen *Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica* und den MAN auf, was u.a. von Watkins (Watkins, 1997; 1998; 2012) herausgearbeitet wurde.

Exemplarisch lassen sich die Differenzen zwischen Newtons *Principia* und Kants MAN anhand der drei Axiome aufzeigen. So findet sich unter den von Kant genannten Gesetzen nur eines, dass auch von Newton genannt wird:² Kants ‚Gesetze der Mechanik‘ beinhalten die Materieerhaltung, das Trägheitsgesetz und die Gleichheit der Impulse zweier wechselwirkender Körper. Bei Newton findet sich von diesen dreien nur das Trägheitsgesetz. Kants Formulierung lautet: „*Zweites Gesetz der Mechanik*. Alle Veränderung der Materie hat eine äußere Ursache. (Ein jeder Körper beharrt in seinem Zustand der Ruhe oder Bewegung, in derselben Richtung und mit derselben Geschwindigkeit, wenn er nicht durch eine äußere Ursache genötigt wird, diesen Zustand zu verlassen)“ (MAN, AA 04, S. 543).

² Friedman parallelisiert z.T. zu stark zwischen den Gesetzen Newtons und Kants. So argumentiert er, dass das zweite Newtonsche Axiom in Kants drittem Gesetz enthalten sei (Friedman, 1992, S. 228). Die Unzulässigkeit dieser Parallelisierung wird u.a. von Watkins (1997) und Carrier (1992) gezeigt.

Заклученная в скобки часть закона является прямым переводом из «Принципов» Ньютона (Pollok, 1997, S. 146). Однако кантовский закон инерции и закон инерции Ньютона основаны на разных фундаментальных предположениях. Кант утверждает, что всякое изменение материи имеет внешнюю причину. Тело находится в состоянии покоя, если оно не вынуждено внешней причиной оставить это свое состояние. Инерция для него является свойством тел, Кант отвергает внутреннюю силу инерции. В этом заключается различие между Кантом и Ньютоном. Ньютон пишет еще до своих аксиом в третьем определении «Принципов»: «Врожденная сила материи есть присущая ей способность сопротивления, по которой всякое отдельно взятое тело, поскольку оно предоставлено самому себе, удерживает свое состояние покоя или равномерного прямолинейного движения» (Ньютон, 1989, с. 25). Таким образом, согласно Ньютону, существует сила, присущая телам, которая обеспечивает движение тела по закону инерции, то есть по прямой и равномерно.

В другом месте «Принципов» Ньютон еще раз рассматривает силу инерции как внутреннюю силу тел. Хотя он отвергает гравитацию как силу, присущую телу, это не относится к силе инерции. Ньютон пишет: «Однако я отнюдь не утверждаю, что тяготение существенно для тел. Под врожденною силою я разумею единственно только силу инерции. Она неизменна. Тяжесть при удалении от Земли уменьшается» (Там же, с. 504). Это различие в обосновании закона инерции между Кантом и Ньютоном объясняется влиянием Леонарда Эйлера. Эйлер также стремится ограничить понятие силы понятием внешней причины. Это уточняющее описание понятия силы как внешней силы стало важным шагом в развитии классической механики. Цель моей статьи — выяснение в этой связи степени влияния Эйлера на Канта. При этом я сосредоточу внимание не только на его критике силы инерции, но и на

Bei dem eingeklammerten Teil des Gesetzes handelt es sich um eine direkte Übersetzung aus Newtons *Principia* (Pollok, 1997, S. 146). Nichtsdestotrotz basiert das Trägheitsgesetz bei Kant und Newton auf unterschiedlichen Grundannahmen. Kant redet davon, dass die Veränderung der Materie eine äußere Ursache hat. Der Körper beharrt ohne *äußere* Kräfte in seinem Zustand. Trägheit ist für Kant eine Eigenschaft der Körper, eine innere Trägheitskraft lehnt er ab. Hier besteht eine Differenz zwischen Kant und Newton. Dieser schreibt noch vor seinen Axiomen in der dritten Definition der *Principia*: „*Die vis insita der Materie ist die Fähigkeit [der Materie], sich zu widersetzen, infolge deren jeder Körper, quantum in se est, in seinem Zustand entweder des Ruhens oder Sich-geradlinig-gleichförmig-Bewegens verharret*“ (Newton, 1999, S. 23). Nach Newton gibt es also eine den Körpern innewohnende Kraft, die dafür sorgt, dass ein Körper sich gemäß dem Trägheitsgesetz, d.h. geradlinig und gleichförmig, bewegt.

An einer anderen Stelle der *Principia* geht Newton nochmals auf die Trägheitskraft als innere Kraft der Körper ein. Während er die Gravitation als essenzielle körperinhärente Kraft ablehnt, gilt dies nicht für die Trägheitskraft. Er schreibt: „Allerdings behaupte ich auf gar keinen Fall, daß die Schwere für die Körper wesentlich sei. Unter der *vis insita* verstehe ich nur die Trägheitskraft. Diese ist unveränderlich. Die Schwere aber läßt sich dadurch verringern, daß man sich von der Erde entfernt“ (Newton, 1999, S. 511). Diese Differenz in der Fundierung des Trägheitsgesetzes zwischen Kant und Newton ist auf den Einfluss Eulers zurückzuführen. Auch Euler will den Begriff der Kraft auf den einer äußeren Ursache beschränken. Diese Spezifizierung des Kraftbegriffs auf eine äußere Kraft ist ein wichtiger Schritt in der Entwicklung der klassischen Mechanik. Ziel meines Aufsatzes ist es, den dahingehenden Einfluss Eulers auf Kant herauszuarbeiten. Dabei werde ich den Fokus neben sei-

его обосновании независимо существующего пространства. Обе концепции тесно переплетаются у Эйлера и Канта. Кроме того, я постараюсь показать, как критика философии своего времени со стороны Эйлера повлияла на критическую философию Канта в целом.

2. Закон инерции и пространство у Эйлера

Работа Эйлера имеет первостепенное значение для развития классической механики. Во многих местах он опирается на «Принципы» Ньютона, но зачастую выходит за их рамки. В том что касается концепции пространства и инерции, можно отметить развитие по сравнению с Ньютоном. Ньютоновское понятие силы существенно отличается от того, что понимается под силой сегодня. Как уже стало ясно, Ньютон предполагает, что существует сила, присущая телам, — сила инерции. Это предположение и оказало влияние на его формулировку второй аксиомы, которая считается сердцем классической механики. Обычно она выражается в виде уравнения $F = m \cdot a$. Интересно, однако, что этот закон не встречается в «Принципах» Ньютона³. Вторая же аксиома Ньютона гласит: «Изменение количества движения пропорционально приложенной движущей силе и происходит по направлению той прямой, по которой эта сила действует» (Там же, с. 40).

В систематическом виде это соотношение можно формализовать как $F \sim \Delta p$ (Westfall, 1971, p. 345). Данную формулировку можно наблюдать вплоть до исследования Ньютоном силы инерции: если тело А сталкивается с телом В, тело А *передает* часть своей силы инерции на тело В⁴. Сила инерции одного тела передается другому телу. Одна из многочисленных заслуг

³ В такой формулировке закон восходит к «Механике» Эйлера 1736 г.

⁴ Об этой реконструкции генезиса ньютоновской концепции силы см.: (Westfall, 1971, S. 344–345; Kutschmann, 1983, S. 23–24).

нер Kritik der Trägheitskraft auch auf sein Plädoyer für einen unabhängig existierenden Raum legen. Beide Konzeptionen sind bei Euler und Kant dicht miteinander verwoben. Zudem werde ich zu zeigen suchen, wie Eulers Kritik an der Philosophie seiner Zeit Kants kritische Philosophie insgesamt beeinflusst hat.

2. Das Trägheitsgesetz und Raum bei Euler

Eulers Werk ist von zentraler Bedeutung für die Entwicklung der klassischen Mechanik. An zahlreichen Stellen baut er auf Newtons *Principia* auf, geht jedoch in vielem darüber hinaus. Mit Bezug auf die Raum- und Trägheitskonzeption lässt sich dabei gegenüber Newton eine Entwicklung feststellen. Newtons Kraftbegriff unterscheidet sich in manchem von dem, was heute unter Kraft verstanden wird. Wie bereits deutlich wurde, geht Newton davon aus, dass es eine den Körpern innewohnende Kraft gibt, die Trägheitskraft. Dies hat auch Auswirkungen auf seine Formulierung des zweiten Axioms, das als Herzstück der klassischen Mechanik gilt. Dieses wird zumeist mit der Gleichung $F = m \cdot a$ wiedergegeben. Interessanterweise findet sich dieses Gesetz jedoch so in Newtons *Principia* nicht.³ Newtons zweites Axiom lautet hingegen: „Die Änderung einer Bewegung[sgröße] ist der eingepprägten Bewegungskraft proportional und erfolgt entlang der Geraden, entlang welcher diese Kraft eingepragt wird“ (Newton, 1999, S. 33).

Systematisch lässt sich dieser Zusammenhang als $F \sim \Delta p$ formalisieren (Westfall, 1971, S. 345). Zurückzuführen ist diese Formulierung auf Newtons Auseinandersetzung mit der Trägheitskraft: Stößt ein Körper A den Körper B, so *prägt* der Körper A dem Körper B einen Teil seiner Trägheitskraft *ein*.⁴ Die Trägheitskraft des ei-

³ Das Gesetz geht in dieser Formulierung auf Eulers *Mechanica* von 1736 zurück.

⁴ Für diese Rekonstruktion der Genese des Newtonschen Kraftbegriffes vgl. Westfall (1971, S. 344–345) und Kutschmann (1983, S. 23–24).

Эйлера заключается в том, что он привел понятие силы к той форме, которая имеет место сегодня. По его мнению, силы всегда являются внешними силами, и не существует такого понятия, как сила, имманентная телу.

Однако Эйлер не всегда однозначен в своем отказе от силы инерции и периодически признает это понятие, а иногда даже использует его сам. К решительному отказу от него он пришел только благодаря знакомству с немецкой схоластикой. Чтобы проследить это становление, далее я рассмотрю три краеугольных камня формирования эйлеровской концепции инерции и, кроме того, представлю тесно связанное с ней развитие эйлеровской концепции пространства. Моя цель — показать, что Эйлер критически относился к идее силы инерции на ранней стадии, но не отвергал это понятие полностью и иногда использовал его сам. Таким образом, он колебался в своих взглядах. Полный отказ от силы инерции произошел только в результате его противостояния с монадистами — последователями Лейбница и Вольфа. Здесь очевидны параллели с его отношением к абсолютному пространству. Хотя Эйлер вводит это понятие в своих ранних работах, он остается в стороне от философских дебатов об онтологии пространства. Только его противостояние с монадистами в конце 1740-х гг. привело к четкому позиционированию и требованию создать новую философию, ориентированную на установленные основы механики. Чтобы разобраться в этом, я сначала проанализирую работу «*Mechanica sive motus scientia analytice exposita*» (далее — «Механика») 1736 г. (2.1). Затем я прослежу развитие идей Эйлера в 1740-х гг. и рассмотрю его работу о несовместимости мысли и материи «*Enodatio quaestionis utrum materiae facultas cogitandi tribui possit necne*»⁵ 1746 г. (см.: Euler, 2018), а также работу «*Réflexions sur l'espace et*

nen Körpers geht auf den anderen Körper über. Eine der vielen Errungenschaften Eulers ist es nun, den Kraftbegriff auf die heute übliche Form gebracht zu haben. Kräfte sind nach ihm immer *äußere* Kräfte, eine körperimmanente Kraft gibt es nicht.

Jedoch ist Euler in seiner Ablehnung einer Trägheitskraft nicht immer eindeutig und akzeptiert den Begriff zwischenzeitlich, bzw. verwendet ihn mitunter sogar selbst. Zu einer entschiedenen Ablehnung des Begriffes der Trägheitskraft kommt es erst durch seine Auseinandersetzung mit der deutschen Schulphilosophie. Um diese Entwicklung nachzuvollziehen, werde ich im Folgenden drei Eckpunkte der Eulerschen Entwicklung mit Bezug auf seine Trägheitskonzeption untersuchen und zusätzlich die eng damit verknüpfte Entwicklung der Raumkonzeption bei Euler darstellen. Mein Ziel ist es dabei zu zeigen, dass Euler schon früh die Vorstellung einer Trägheitskraft kritisch sieht, den Begriff jedoch nicht gänzlich ablehnt, sondern ihn mitunter selbst verwendet. Er ist in seiner Position also schwankend. Zur endgültigen Ablehnung einer Trägheitskraft kommt es erst durch seine Auseinandersetzung mit den Monadisten, d.h. mit den Anhängern Leibniz' und Wolffs. Hier werden Parallelen zu seiner Haltung zum absoluten Raum deutlich. Obwohl Euler in seinen frühen Schriften einen absoluten Raum einführt, hält er sich aus den philosophischen Debatten um die Ontologie des Raumes heraus. Erst seine Auseinandersetzung mit den Monadisten führt hierbei am Ende der vierziger Jahre des achtzehnten Jahrhunderts zu einer eindeutigen Positionierung und zur Forderung nach einer neuen Philosophie, die sich an den etablierten Grundlagen der Mechanik orientiert. Um dies herauszuarbeiten, werde ich zunächst die Schrift *Mechanica sive motus scientia analytice exposita* (nachfolgend *Mechanica*) von 1736 analysieren (2.1). Daraufhin werde ich die Entwicklung Eulers in den vierziger Jahren nachverfolgen und auf sei-

⁵ «Решение вопроса: можно ли отнести способность мыслить к материи или нет» (лат.). — *Примеч. ред.*

le temps» (далее — «Размышления о пространстве и времени»⁶) 1748 г. (2.2). Наконец, я обращаюсь к его поздним размышлениям в работе «Theoria motus corporum solidorum seu rigidorum» 1765 г. (далее — «Теория движения твердых тел») и в «Письмах к немецкой принцессе» 1768 г. (2.3). Наконец, основываясь на своих выводах, я сформулирую критику позиции Уоткинса, который не видит антилейбницевской направленности размышлений Эйлера.

2.1. Сила инерции и пространство в «Механике» Эйлера

В своей «Механике» 1736 г. Эйлер берет на вооружение многочисленные понятия ньютоновских «Принципов» и подвергает их пересмотру. Двадцатидевятилетний Эйлер во многом все еще близок к позиции Ньютона. Так, он предполагает, что существует сила инерции, присущая телам: «Сила инерции — это присущая всем телам (вложенная во все тела) способность или пребывать в покое или же равномерно продолжать движение по прямому направлению» (Эйлер, 1938, с. 76). При этом, однако, Эйлер подчеркивает, что сила инерции является пассивным принципом и, как это позднее делает Кант (AA 04, S. 549; Кант, 1994а, с. 352), открыто возражает кеплеровскому представлению о силе инерции (*vis inertiae*) как об активной силе:

Кеплер первый ввел этот термин и применил его к той силе, имеющейся во всех телах, которая противодействует всему тому, что пытаются изменить их состояние; и действительно, этот термин «инерция» более соответствует этой идее противодействия, чем той идее косности... Я предпочитаю пользоваться своим определением скорее, чем определением Кеплера, так как еще неизвестно, каким образом тела противодействуют воздействующим на них силам (Эйлер, 1938, с. 76–77).

⁶ Издание цитируется по немецкому прижизненному переводу: (Euler, 1763). — Примеч. ред.

ne Schrift zur Unvereinbarkeit von Denken und Materie *Enodatio quaestionis utrum materiae facultas cogitandi tribui possit necne* (Euler, 1746a) sowie auf *Réflexions sur l'espace et le temps* (nachfolgend *Reflexionen über Raum und Zeit*) (Euler, 1763) von 1748 eingehen (2.2). Abschließend werde ich seine späten Überlegungen in der *Theoria motus corporum solidorum seu rigidorum* von 1765 (nachfolgend *Theoria motus*) und den *Briefen an eine deutsche Prinzessin* von 1768 untersuchen (2.3). Abschließend werde ich ausgehend von meinen Ergebnissen die Haltung Watkins' kritisieren, der die antileibnizianische Stoßrichtung der Eulerschen Überlegungen nicht sieht.

2.1. Trägheitskraft und Raum in Eulers *Mechanica*

In seiner *Mechanica* von 1736 greift Euler zahlreiche Konzepte der Newtonschen *Principia* auf und unterzieht sie einer Revision. Der 29jährige Euler ist dabei in vielem noch dicht an der Position Newtons angesiedelt. So geht er davon aus, dass es eine den Körpern innewohnende Trägheitskraft gibt: „Die Kraft der Trägheit ist jene allen Körpern inwohnende Fähigkeit, entweder in Ruhe zu verharren, oder ihre Bewegung gleichförmig in gerader Linie fortzusetzen“ (Euler, 1848, S. 25). Dabei unterstreicht Euler jedoch, dass es sich bei der Kraft der Trägheit um ein passives Prinzip handelt und wendet sich dabei, wie später auch Kant (MAN, AA 04, S. 549), direkt gegen Keplers Vorstellung einer *vis inertiae* als aktiven Kraft:

Kepler hat zuerst diese Benennung aufgestellt und er bezeichnet damit die jedem Körper eigenthümliche Kraft, allem zu widerstehen, was seinen Zustand zu verändern strebt. Zwar passt das Wort Trägheit besser zu dieser Idee des Widerstandes, als zur obigen des Beharrens [...]. Ich wollte lieber diese, als Kepler's Erklärung anwenden, weil man noch nicht weiss, auf welche Weise die Körper den antreibenden Kräften widerstehen (Euler, 1848, S. 25).

Позже Эйлер также вводит величины, изменяющие движение, — силы (Эйлер, 1938, с. 92). Он осознает противоречие между концепцией силы, *сохраняющей* движение, и силы, *производящей* движение. Эйлер пишет:

Тело подобного рода, раз оно находится в состоянии покоя, должно вечно пребывать в покое; если же оно имело движение, оно вечно должно двигаться с той же скоростью по прямому направлению. Оба эти закона наиболее удобно можно представить под именем закона *сохранения состояния*. Отсюда вытекает, что сохранение состояния является существенным свойством всех тел и что все тела, пока они остаются таковыми, имеют стремление или способность навсегда сохранять свое состояние, а это есть не что иное, как *сила инерции*. Правда, не очень удачно причине этого сохранения дано имя *силы*, так как она неоднородна с другими собственно так называемыми силами, каковы, например, сила тяжести, и с ними не может сравниваться. В эту ошибку обычно попадали многие и прежде всего метафизики, обманутые двусмысленностью этого слова. Так как всякое тело по своей природе пребывает в том же состоянии или покоя или движения, то если тело не следует этому закону... это нужно приписать действию внешних сил (Эйлер, 1938, с. 36–37).

Итак, в «Механике» уже имеет место определенная критика идеи силы инерции, хотя эта критика и не получает здесь дальнейшего развития. Это будет сделано Эйлером в более поздних работах. Что касается пространства, он вводит абсолютное пространство в самом начале своей работы, однако подчеркивает, что эта концепция — всего лишь математическая точка зрения и что он полностью исключает метафизические дискуссии об абсолютном пространстве. Он пишет: «*Место* есть часть неизмеримого или бесконечного пространства, в котором находится весь мир» (Эйлер, 1938, с. 41). И далее:

То, что мы говорили здесь о безграничном и неизмеримом пространстве, должно рассматриваться как чисто математические выраже-

Спäter führt Euler (1848, S. 33) auch Kräfte als bewegungsändernde Größen ein. Der Spannung zwischen der Konzeption einer bewegungserhaltenden und einer bewegungserzeugenden Kraft ist er sich dabei bewusst. Euler schreibt:

Wenn nämlich ein derartiger Körper sich einmal in Ruhe befindet, muss er beständig in derselben verharren; hat er aber einmal eine Bewegung, so muss er beständig mit derselben Geschwindigkeit geradlinig fortgehen. Beide Gesetze kann man bequem unter der Benennung *der Erhaltung des Zustandes* begreifen. Es folgt hieraus, dass die Erhaltung des Zustandes eine wesentliche Eigenschaft aller Körper ist und dass diese die Kraft oder das Vermögen besitzen, beständig in ihrem Zustande zu verharren. Diess ist nichts anderes, als die *Kraft der Trägheit*. Weniger passend legt man der Ursache dieser Erhaltung die Benennung *Kraft* bei, weil sie nicht mit andern eigentlich so genannten Kräften, wie z. B. der Schwere gleichartig ist und nicht mit ihnen verglichen werden kann. In diesem Irrthum pflegen sich viele, besonders die Metaphysiker zu befinden, indem sie durch die zweideutige Benennung betrogen werden. Da also jeder Körper vermöge seiner Natur in demselben Zustande der Ruhe oder Bewegung beharret, muss man es äusseren Kräften zuschreiben, wenn der Körper dieses Gesetz nicht befolgt [...] (Euler, 1848, S. 5-6).

Somit findet sich in der *Mechanica* bereits eine dezidierte Kritik an der Vorstellung der Trägheitskraft, auch wenn sie nicht weiter ausgearbeitet wird. Diese Kritik wird von Euler in späteren Schriften ausgebaut. Bezüglich des Raumes führt Euler gleich zu Beginn seiner Schrift den absoluten Raum ein. Er betont jedoch, dass es sich bei dieser Konzeption lediglich um eine mathematische Setzung handelt und er die metaphysischen Diskussionen um den absoluten Raum vollkommen ausklammert. Er schreibt: „Der *Ort* ist ein Theil des unermesslichen oder unendlichen Raumes, in welchem die ganze Welt sich befindet“ (Euler, 1848, S. 8). Und weiter:

Das, was wir über den unendlichen Raum und seine Grenzen gesagt haben, muss rein mathematisch gedacht werden. Stehen diese Vor-

ния. Хотя это, по-видимому, противоречит метафизическим спекуляциям, тем не менее оно хорошо подходит для нашей цели. Ведь мы не утверждаем, что есть подобного рода бесконечное пространство, — такое, что оно имеет точные и неизменные границы; но, не заботясь о том, есть ли такое пространство или нет, мы требуем только одного, чтобы тот, кто хочет исследовать вопрос об абсолютном движении и абсолютном покое, представил себе такое пространство... (Эйлер, 1938, с. 42).

То есть молодого Эйлера не занимают дебаты об онтологических основаниях пространства, подобные тем, которые вели Лейбниц и Кларк в начале XVIII в. Далее станет ясно, что Эйлер в последующие десятилетия отказывается от своего «онтологического агностицизма». Причина заключается в его несогласии с монадистами.

2.2. Развитие идей Эйлера в 1740-е годы

В 1740-е гг. Эйлер написал ряд философских трудов. Возможно, это связано с его противостоянием с вольфианцами в Берлинской академии (Pulte, 1989; Goldenbaum, 2004). Его неприятие философии Лейбница и Вольфа можно понять и с точки зрения университетской политики, и с религиозной точки зрения, поскольку он считает, что учение о монадах в конечном итоге ведет к атеизму⁷. Далее я изложу позицию Эйлера по отношению к инерции и пространству на основе двух его работ: «Enodatio quaestionis utrum materiae facultas cogitandi tribui possit necne» 1746 г., где приведены аргументы против вольфианцев и в пользу принципиальной несовместимости материи и одушевленности, и «Размышления о пространстве и времени» 1748 г., в которой, исходя из закона инерции, он делает вывод о необхо-

⁷ Резкая критика Эйлером «приверженцев монадологии» может быть проиллюстрирована отрывком из «Писем к немецкой принцессе». Здесь он пишет: «Монадисты — весьма опасные люди» (Эйлер, 2002, с. 290, № 132). Об этом см. также: (Görg, 2018, S. 105).

stellungen auch mit den metaphysischen Speculationen scheinbar im Widerspruch, so können wir sie doch mit Recht zu unserm Zweck anwenden. Wir behaupten nämlich nicht, dass es einen derartigen unendlichen Raum mit festen unendlichen Grenzen gebe, kümmern uns auch nicht um ihr Dasein, sondern wir verlangen nur, dass derjenige, welcher die absolute Ruhe oder Bewegung betrachten will, sich einen solchen Raum vorstelle [...] (Euler, 1848, S. 9).

D.h. der junge Euler kümmert sich nicht um die Debatten zur ontologischen Grundlagen des Raumes, wie sie bspw. von Leibniz und Clarke zu Beginn des achtzehnten Jahrhunderts geführt wurden. Es wird im Folgenden deutlich werden, dass Euler seinen ‚ontologischen Agnostizismus‘ in den nächsten Jahrzehnten ablegt. Grund ist seine Auseinandersetzung mit den Monadisten.

2.2. Eulers Entwicklung in den vierziger Jahren

In den vierziger Jahren verfasste Euler eine Reihe philosophischer Schriften. Dies ist wohl auf seine Auseinandersetzung mit den Wolffianern an der Berliner Akademie zurückzuführen (s. Pulte, 1989; Goldenbaum, 2004). Seine Ablehnung der Leibniz-Wolffschen Philosophie ist dabei sowohl hochschulpolitisch zu verstehen als auch religiös bedingt, da er glaubt, dass die Monadenlehre letztlich zum Atheismus führe.⁵ Im Folgenden werde ich die Haltung Eulers zur Trägheit und zum Raum anhand zweier Schriften darstellen: *Enodatio quaestionis utrum materiae facultas cogitandi tribui possit necne* von 1746, in der Euler gegen die Wolffianer und für die prinzipielle Unvereinbarkeit von Materie und Beseeltheit argumentiert, und *Reflexionen über Raum und Zeit* von 1748, in der er ausgehend vom Trägheitsgesetz auf die notwendige Existenz des Raumes

⁵ Eulers scharfe Kritik der ‚Monadisten‘ lässt sich exemplarisch an einer Passage aus den Briefen an eine deutsche Prinzessin verdeutlichen. Dort schreibt er: „Welche gefährliche Leute sind doch die Monadisten!“ (Euler, 1986, S. 152, Nr. 132; siehe dazu auch Görg, 2018, S. 105).

димом существовании пространства. В обеих работах Эйлер действует одинаково: начинает с установленных основ механики, с которыми согласны все, включая вольфианцев, далее рассматривает философские вопросы. Такой подход, как станет ясно позже, оказал большое влияние на критический проект Канта.

В работе 1746 г. Эйлер пытается показать, что материя в принципе не может быть одушевленной. Он отстаивает картезианское различие между мыслью и материей. Его цель — продемонстрировать, что мышление противоречит уже известным свойствам материи — протяженности, непроницаемости и *силе* инерции. И хотя, возможно, имеют место и другие свойства, эти три являются теми, которые признают все. Он пишет о силе инерции:

Я понимаю, что силу инерции первым открыл Кеплер, а затем объяснил Ньютон, который вывел из нее принципы всей механики. Поскольку разум, как и опыт, учит нас, что каждое тело, находящееся в состоянии покоя, должно оставаться в состоянии покоя, если только оно не приведено в движение внешним источником, необходимо, чтобы причина этого постоянства содержалась в каждом теле. ...Мы признаем силу сохранения состояния, благодаря которой все тела способны сохранять свое неизменное состояние либо покоя, либо равномерного прямолинейного движения. Это называется силой инерции (Euler, 2018, p. 3–4).

Открыто ссылаясь на Кеплера и Ньютона, Эйлер, таким образом, признает здесь *силу инерции*⁸. Исходя из этого, он делает вывод, что одушевленность тел можно исключить: поскольку сила инерции присуща всем телам, душа не может быть телесной, ибо душе присуща сила постоянного изменения. Оба свойства, однако, не могут быть одновременно ча-

⁸ Даже если понимание Эйлером силы инерции как сохраняющейся силы естественным образом отличается от кеплеровского. В этом месте я выражаю благодарность анонимному рецензенту за замечание.

schließt. In beiden Schriften geht er auf gleiche Weise vor: Ausgehend von den etablierten Grundlagen der Mechanik, hinsichtlich welcher sich alle einig sind, auch die Wolffianer, werden philosophische Fragestellungen behandelt. Dieses Vorgehen hat, wie später deutlich werden wird, großen Einfluss auf das kritische Projekt Kants.

In seiner Schrift von 1746 versucht Euler zu zeigen, dass Materie prinzipiell nicht beseelt sein kann. Er vertritt darin die cartesianische Unterscheidung von Denken und Materie. Sein Ziel ist es zu zeigen, dass Denken im Widerspruch zu den bereits bekannten Eigenschaften der Materie steht. Diese Eigenschaften sind Ausdehnung, Undurchdringlichkeit und die Trägheitskraft. Auch, wenn es weitere Eigenschaften geben mag, sind diese drei genannten Eigenschaften doch solche, die von allen akzeptiert werden. Er schreibt über die Trägheitskraft:

I understand that the force of inertia was discovered first by Kepler, but then explained by Newton, who derived from it the principles of all mechanics. Since reason as well as experience teaches us that every body at rest must remain constantly at rest unless set in motion from an external source, it is necessary that the reason for this constancy be contained in every body. [...] we recognize a force of conservation of state, by which all bodies are capable of continuing their same state, either of rest or of uniformly straight motion. This is called the force of inertia (Euler, 1746a, S. 3-4).

Mit expliziter Referenz auf Kepler und Newton tritt Euler hier also *für* eine Trägheitskraft ein.⁶ Von dieser ausgehend schließt Euler darauf, dass eine Beseeltheit der Körper ausgeschlossen werden kann: Da allen Körpern die Trägheitskraft innewohnt, kann die Seele nicht körperlich sein, denn der Seele wohnt eine Kraft der beständigen Änderung inne. Beide Eigenschaften kön-

⁶ Auch wenn Eulers Verständnis der Trägheitskraft als erhaltender Kraft natürlich von Keplers abweicht. Ich danke hier dem anonymen Rezensenten für den Hinweis.

стью одной и той же вещи. Итак, поскольку сила инерции присуща всем телам, одушевленных тел быть не может, поэтому существует принципиальное различие между телами и душами.

Несмотря на ранее высказанную в «Механике» критику в отношении понятия силы инерции, Эйлер сам использует термин в этом месте. В параграфе 2.3 станет ясно, что в 1750-х гг. это поменяется.

В работе «Размышления о пространстве и времени» 1748 г. Эйлер обращается к вопросу о существовании пространства. В центре критики ньютоновской механики со стороны немецких схоластов была идея абсолютного пространства, существующего независимо от тел. Эта концепция подвергалась нападкам, в частности, со стороны Лейбница и, вслед за ним, со стороны вольфианцев. В противовес Ньютону эти мыслители предложили реляционистскую теорию пространства, которая усматривала в пространстве связь существующих тел⁹. Хотя Эйлер и критикует ньютоновскую натурфилософию по другим пунктам, здесь он доказывает существование абсолютного, ньютоновского пространства. Отправной точкой в этом месте снова являются основания механики: на вопрос о том, существует ли независимое от тел пространство, следует ответить, спросив, необходимо ли такое пространство для оснований механики, а точнее, для закона инерции. В самом начале он пишет: «Принципы механики уже настолько основательно закреплены, что было бы неправильным желать усомниться в их истинности» (Euler, 1763, S. 1). Под принципами механики он понимает закон инерции. Рассуждения Эйлера можно резюмировать следующим образом: закон инерции как принцип механики не может быть обоснован релятивизмом. Если рассматривать тело, находящееся

⁹ Я предполагаю, что дискуссии о природе пространства, которые велись между Ньютоном, Кларком и Лейбницем в начале XVIII в., известны. Краткое изложение см.: (Carrier, 2009).

nen aber nicht zugleich Teil ein und derselben Sache sein. Da die Trägheitskraft nun allen Körpern innewohnt, kann es keine beseelten Körper geben, weshalb ein prinzipieller Unterschied zwischen Körpern und Seelen besteht.

Trotz seiner zuvor geäußerten Kritik an dem Begriff der Trägheitskraft in der *Mechanica*, verwendet Euler also an dieser Stelle den Terminus selbst. Im Abschnitt 2.3 wird deutlich werden, dass sich dies in den fünfziger Jahren ändert.

In *Reflexionen über Raum und Zeit* von 1748 geht Euler auf die Frage nach der Existenz des Raumes ein. Ein zentraler Kritikpunkt der deutschen Schulphilosophie an der Newtonschen Mechanik war die Vorstellung eines unabhängig von den Körpern existierenden absoluten Raumes. Diese Konzeption wurde insbesondere von Leibniz und ihm nachfolgend von den Wolffianern angegriffen. Gegen Newton führten diese Denker eine relationalistische Raumtheorie ein, die im Raum die Relation der existierenden Körper sah.⁷ Obwohl Euler die Newtonsche Naturphilosophie in anderen Punkten kritisiert, argumentiert er hier für die Existenz eines absoluten, Newtonschen Raumes. Ausgangspunkt sind auch hier wieder die Grundlagen der Mechanik: Die Frage, ob es einen unabhängig von den Körpern existierenden Raum gibt, muss durch die Frage beantwortet werden, ob für die Grundlagen der Mechanik, hier genauer für das Trägheitsgesetz, ein solcher Raum notwendig ist. Gleich zu Beginn schreibt er: „Die Grundsätze der Mechanik sind schon so gründlich befestigt, daß man unrecht handeln würde, wenn man an ihrer Wahrheit zweifeln wollte“ (Euler, 1763, S. 1). Unter den Grundsätzen der Mechanik versteht er das Trägheitsgesetz. Eulers Überlegungen lassen sich wie folgt zusammenfassen: Das Trägheitsgesetz als Grundsatz der Mechanik ist

⁷ Ich setze hier die Diskussionen um die Natur des Raumes, wie sie zwischen Newton, Clarke und Leibniz am Anfang des achtzehnten Jahrhunderts geführt wurden, als bekannt voraus. Für eine Zusammenfassung vgl. Carrier (2009).

в состоянии покоя в воде, которая не течет, релятивист должен будет объяснить покой тела с точки зрения его усилий, направленных на то, чтобы оставаться рядом с окружающими телами. Однако, согласно Эйлеру, это объяснение перестает быть достаточным, как только вода начинает течь: «Механика же ясно и четко показывает нам, что тело следует за течением воды только в той мере, в какой его ударяют частицы воды, и что, следовательно, это есть внешняя сила, которая приводит тело в движение» (Euler, 1763, S. 7–8). По мнению Эйлера, релятивистская теория пространства, не рассматривающая место как часть пространства, а стремящаяся определить его через местоположение, по этой причине несостоятельна.

Первостепенно здесь то значение, которое Эйлер придает закону инерции как критерию принятия решений в вопросах метафизики: закон имеет аксиоматический характер и поэтому может рассматриваться как критерий решения онтологических вопросов. Итак, если у признанной метафизики его времени возникают проблемы с концепцией пространства, то необходима новая метафизика, которая будет руководствоваться сложившимся естествознанием:

Первые понятия, которые мы формируем о вещах вне себя, обычно настолько туманны и неопределенны, что очень опасно делать из них выводы, на которые можно было бы положиться. Тогда всегда большим преимуществом будет, если уже известны некоторые другие выводы, а именно те, к которым должны стремиться первоосновы метафизики, и это будут выводы, в соответствии с которыми следует направлять и определять первые понятия метафизики (Euler, 1763, S. 2–3).

Эти рассуждения оказали большое влияние на отношения физики и метафизики и на философию Канта (Cassirer, 1999, S. 477).

Что касается 1740-х гг., следует отметить, что Эйлер отказывается от своего онтологическо-

nicht relational begründbar. Betrachtet man einen Körper, der in nicht fließendem Wasser ruht, so müsste ein Relationalist die Ruhe des Körpers anhand dessen Bestrebung erklären, in der Nähe der umliegenden Körper zu bleiben. Diese Erklärung reicht jedoch nach Euler nicht mehr aus, sobald das Wasser zu fließen anfängt: „Die Mechanik aber, zeigt uns klar und offenbar, daß der Körper dem Strom des Wassers nur in so fern folgt, als er durch die Theilchen des Wassers getroffen wird, und daß es folglich eine fremde Kraft ist, welche den Körper in Bewegung setzt“ (Euler, 1763, S. 7-8). Eine relationale Theorie des Raumes, die den Ort nicht als Teil des Raumes ansieht, sondern diesen über die Lage zu bestimmen sucht, greift daher nach Euler zu kurz.

Zentral ist hier die Bedeutung, die Euler dem Trägheitsgesetz als Entscheidungskriterium hinsichtlich Fragen der Metaphysik beimisst: Das Gesetz hat axiomatischen Charakter und kann damit als Entscheidungskriterium für ontologische Fragen gelten. Wenn die etablierte Metaphysik seiner Zeit also Probleme mit der Raumkonzeption hat, so bedarf es einer neuen Metaphysik, welche durch die etablierte Naturwissenschaft angeleitet wird:

Die ersten Begriffe, so wir uns von Dingen ausser uns machen, sind gemeinlich so dunkel und so unbestimmt, daß es sehr gefährlich ist, Schlüsse daraus zu ziehen, daraus man sich gewiß verlassen könnte. Es ist dannenhero allezeit ein grosser Vortheil, wenn man schon anders woher einige Schlüsse weis, und zwar solche, wohin die ersten Gründe der Metaphysik abzielen müssen, und das werden die Schlüsse seyn, darnach man die ersten Begriffe der Metaphysik richten und bestimmen mus (Euler, 1763, S. 2-3).

Diese Überlegungen waren von großem Einfluss für das Verhältnis von Physik und Metaphysik und für die Philosophie Kants (Cassirer, 1999, S. 477).

Mit Bezug auf die vierziger Jahre ist festzuhalten, dass Euler seinen ontologischen Agnos-

го агностицизма в отношении пространства и все больше вовлекается в философские дебаты¹⁰. Закон инерции имеет для него аксиоматический характер. Далее будет показано, что Эйлер полностью отвергает понятие силы инерции в 1750-х гг. и тем самым прокладывает путь для современного понятия силы.

2.3. Поздние взгляды Эйлера на силу инерции и пространство

Наконец, следует рассмотреть более поздние взгляды Эйлера на инерцию и пространство. Стало ясно, что Эйлер, хотя и критикует понятие *силы* инерции на ранних этапах, иногда сам это понятие использует. В законе инерции он видит основания механики и критерий решения философских вопросов. В 1750 г. происходит явный разрыв с понятием силы инерции в работе «Recherches sur l'origine des forces»¹¹ (Watkins, 1997, p. 329–330; Pulte, 1993, S. 44–46). Далее я собираюсь проанализировать сформировавшиеся взгляды в работах «Письма к немецкой принцессе» и «Теория движения твердых тел» и сформулировать окончательную оценку Эйлером вопроса о *силе* инерции и пространстве. В «Письмах...» Эйлер затрагивает, среди прочего, вопрос о природе тел¹². Он начинает с протяженности тел как центрального компонента. Однако одной протяженности недостаточно.

¹⁰ Это также можно показать на примере работы «Мысли в отношении элементов тела» (Euler, 1942), с которой он под псевдонимом участвует в конкурсе Академии, сформулировавшей вопрос о существовании монад. Здесь он также доказывает существование *силы* инерции.

¹¹ «Исследование о происхождении сил». — *Примеч. ред.*

¹² Здесь я опираюсь на «Письма к немецкой принцессе», хотя они не могли повлиять на отказ Канта от силы инерции в 1758 г. (письма появились между 1768 и 1774 гг.). Вполне вероятно, что Кант при написании «Механики» в «Метафизических началах естествознания» опирался не только на «Механику» Эйлера, но и на «Письма к немецкой принцессе», поскольку и Эйлер, и Кант подчеркивают, что только внешние причины могут изменить состояние тела, а также приписывают душе особый статус.

tizismus hinsichtlich des Raumes aufgibt und sich vermehrt in philosophische Debatten einmischte.⁸ Das Trägheitsgesetz hat dabei einen axiomatischen Charakter für Euler. Im Folgenden wird deutlich werden, dass er den Begriff der Trägheitskraft in den fünfziger Jahren gänzlich verwirft und so dem modernen Kraftbegriff den Weg ebnet.

2.3. Eulers späte Haltung zu Trägheitskraft und Raum

Zuletzt soll Eulers spätere Haltung zur Trägheit und zum Raum untersucht werden. Es ist deutlich geworden, dass Euler zwar früh den Begriff der Trägheitskraft kritisch sieht, ihn aber mitunter selbst verwendet. Im Trägheitsgesetz sieht er dabei die Grundlage der Mechanik und ein Entscheidungskriterium für philosophische Fragen. 1750 kommt es zum deutlichen Bruch mit der Trägheitskraft in der Schrift *Recherches sur l'origine des forces* (Watkins, 1997, S. 329-330; Pulte, 1993, S. 44-46). Im Folgenden will ich die ausgearbeitete Haltung in den Werken *Briefe an eine deutsche Prinzessin* und *Theoria Motus* analysieren und Eulers finale Einschätzung der Frage nach Trägheitskraft und Raum herausarbeiten. In den *Briefen an eine deutsche Prinzessin* geht Euler u.a. auf die Natur der Körper ein.⁹ Er beginnt bei der Ausdehnung der Körper als zentralem Bestandteil. Die Ausdehnung alleine reicht jedoch noch nicht aus. Zusätzlich bedarf es noch

⁸ Dies ließe sich auch durch die Schrift *Gedancken von den Elementen der Körper* zeigen (Euler, 1746b), mit der er sich unter einem Pseudonym in die Preisfrage der Akademie nach der Existenz der Monaden einschaltet. Auch hier vertritt er die Existenz einer Trägheitskraft.

⁹ Ich greife hier auf die *Briefe an eine deutsche Prinzessin* zurück, obwohl diese Kants Abwendung von der Trägheitskraft 1758 nicht beeinflusst haben können (die Briefe erschienen zwischen 1768 und 1774). Dass Kant beim Abfassen der „Mechanik“ der MAN neben Eulers *Mechanica* auch auf die *Briefe an eine deutsche Prinzessin* zurückgriff, ist wahrscheinlich, da Euler wie auch Kant betonen, dass lediglich äußere Ursachen den Zustand des Körpers verändern können, aber auch der Seele dabei einen Sonderstatus zuschreiben.

Помимо нее существует необходимость в непроницаемости. В качестве третьего и последнего свойства Эйлер упоминает инерцию. «Следовательно, это — свойство, заложенное в самой природе тел. И благодаря этому свойству они стремятся сохранить одно и то же состояние, будь то покой или движение. Это свойство, которым наделены все тела, называется *инерцией*; оно столь же присуще всякому телу, как протяженность и непроницаемость; и поэтому невозможно представить себе тела, лишенного инерции» (Эйлер, 2002, с. 155–156, № 74).

Если сравнить свойства, перечисленные Эйлером, с теми, о которых шла речь в рассмотренной выше работе 1746 г., то можно заметить, что при всех прочих неизменных свойствах *сила инерции* заменяется на инерцию как состояние. Он явно ограничивает понятие силы понятием *внешней причины*:

Когда тело находится в покое и вне его нет ничего, что могло бы на него воздействовать, то это тело будет всегда оставаться в покое; если же оно начало двигаться, то причина этого движения будет вне его, ибо в самом теле не заключается ничего, что способно было бы привести его в движение.

Поэтому, когда мы видим, что тело, находившееся в покое, начинает двигаться, мы можем быть уверены, что причиной этого движения явилась какая-нибудь внешняя сила, поскольку в самом теле нет ничего, что могло бы привести его в движение... (Эйлер, 2002, с. 149, № 71).

Таким образом, Эйлер приходит к важному терминологическому уточнению понятия силы: силы всегда являются внешними силами¹³. Если раньше он периодически сам использовал понятие инерционной силы, хотя иногда и критически, то теперь полностью его

¹³ «Всякая перемена направления или скорости движущегося тела требует приложения силы. Эти силы, следовательно, находятся всегда вне тела, изменившего свое состояние...» (Эйлер, 2002, с. 156, № 74). Эйлер также осознает, что здесь речь идет о понятийной спецификации силы. См.: (Эйлер, 2002, с. 160, № 76).

der Undurchdringlichkeit. Als dritte und letzte Eigenschaft nennt Euler die Trägheit. „Diese allen Körpern eigene und ihnen wesentliche Eigenschaft, durch welche sie in ihrem Zustande, er mag Bewegung oder Ruhe seyn, zu bleiben suchen, heißt die *Trägheit*, und kommt allen Körpern eben so nothwendig als die Ausdehnung und die Undurchdringlichkeit zu; so daß ein Körper ohne Trägheit etwas unmögliches seyn würde“ (Euler, 1986, S. 80, Nr. 74).

Vergleicht man die von Euler angeführten Eigenschaften mit der oben diskutierten Schrift von 1746, so fällt auf, dass bei allen sonst gleichbleibenden Eigenschaften die *Trägheitskraft* durch die Trägheit als Zustand ersetzt wird. Den Begriff der Kraft schränkt er explizit auf den der *äußeren Ursache* ein:

Wenn ein Körper einmal in Ruhe ist, und es ist nichts außer ihm, das auf ihn wirkt, so wird der Körper immer in Ruhe bleiben; und wenn er anfänge sich zu bewegen, so müßte die Ursache seiner Bewegung außer ihm seyn; in dem Körper selbst ist nichts, das ihn in Bewegung zu setzen im Stande sey. Also, wenn wir sehen, daß ein Körper, der in Ruhe gewesen ist, sich zu bewegen anfängt: so können wir sicher schließen, daß diese Bewegung durch eine äußere Kraft verursacht worden ist; weil in ihm selbst nichts ist, was die Ursache von der Bewegung seyn könnte [...] (Euler, 1986, S. 77, Nr. 71).

Euler kommt somit zu einer wichtigen terminologischen Spezifikation des Kraftbegriffs: Kräfte sind immer äußere Kräfte.¹⁰ Während er den Begriff der Trägheitskraft zuvor mitunter noch selbst verwendete, wenn auch mitunter kritisch, lehnt er ihn nun gänzlich ab. Der Grund für Eulers eindeutige Positionierung ist, wie im Falle des Raumes, erneut sein Konflikt mit den

¹⁰ „Jede Aenderung in Richtung und Geschwindigkeit der Bewegung erfordert eine Vermehrung oder Verminderung der Kräfte. Diese Kräfte sind allemal außerhalb des Körpers, dessen Zustand verändert wird [...]“ (Euler, 1986, S. 80, Nr. 74). Dass es hier um eine begriffliche Spezifizierung der Kraft geht, ist auch Euler bewusst (vgl. Euler, 1986, S. 82, Nr. 76).

отвергает. Причиной такой однозначной точки зрения Эйлера становится, как и в случае с пространством, его конфликт с монадистами, поскольку последние приписывают телам психические свойства (Эйлер, 2002, с. 160–161, № 76). В «Письмах к немецкой принцессе» он отвечает критикам закона инерции. После рассмотрения последователей Аристотеля пишет:

Другие наши противники более опасны, ибо — это знаменитые вольфианцы. Они не нападают прямо на наш закон и даже обнаруживают почтительное к нему внимание, но предлагают другие законы, прямо ему противоречащие. Они утверждают, что всякое тело по своей природе постоянно стремится изменить свое состояние. Иными словами, когда оно в покое, оно силится прийти в движение, а когда оно движется, то беспрестанно стремится переменить скорость и направление. <...> Следовательно, эти ученые, отстаивая одновременно и истинный закон движения, и свое абсурдное мнение, сами себе противоречат и тем самым опровергают собственные научные взгляды.

Итак, неопровержимо, что наш закон находит свое надежное обоснование в самой природе вещей и все противоречащее ему должно быть изгнано из подлинной науки. Тот же закон позволяет нам избавить науку от множества обманчивых представлений (Эйлер, 2002, с. 154–155, № 73).

Эйлер основательно возражает последователям Вольфа и пытается показать, что идея монад, которые, по мнению монадистов, обладают врожденной силой, и закон инерции находятся в противоречии друг с другом. Предполагая, что существует сила, присущая телам, которая обеспечивает изменение состояния тела, монадисты противоречат сами себе (Эйлер, 2002, с. 160, № 76)¹⁴. По мнению Эйлера, точка зрения монадистов открывает путь

¹⁴ См. об этом следующее замечание: «Следовательно, эти ученые, отстаивая одновременно и истинный закон движения, и свое абсурдное мнение, сами себе противоречат и тем самым опровергают собственные научные взгляды» (Эйлер, 2022, с. 154, № 73).

Монадистам, да diese den Körpern seelische Eigenschaften zuschreiben (Euler, 1986, S. 82, Nr. 76). In seinen *Briefen an eine deutsche Prinzessin* geht er auf Kritiker des Trägheitsgesetzes ein. Nachdem er die Aristoteliker behandelt hat, schreibt er:

Die anderen sind fürchterlicher, da es die berühmten Wolfischen Philosophen sind. Sie erklären sich nicht gerade zu gegen unsern Satz, für den sie im Gegentheile viel Achtung bezeugen; aber sie behaupten andere Sätze, die jenem gerade entgegen stehen. Sie sagen, jeder Körper wende, vermöge seiner Natur, beständig eine Bemühung an, seinen Zustand zu verändern; das heißt, wenn er in Ruhe ist, so bemühe er sich seine Geschwindigkeit und Richtung beständig zu verändern. [...] Indem also diese Philosophen das wahre Principium der Bewegung und ihren ungereimten Satz zugleich behaupten wollen: so widersprechen sie sich selbst und werfen ihr eigenes System über den Haufen. Es bleibt also ausgemacht, daß unser Satz in der Natur der Körper auf das festeste gegründet sey; und daß also alles, was ihm widerspricht, aus der wahren Philosophie verbannt werden müsse. Und eben dieser Grundsatz setzt uns in den Stand die Philosophie von einer Menge falscher Einbildungen zu reinigen (Euler, 1986, S. 79, Nr. 73).

Euler argumentiert ausführlich gegen die Anhänger Wolffs und versucht zu zeigen, dass die Vorstellung der Monaden, denen ja nach Vorstellung der Monadisten eine Kraft innewohnt, und das Trägheitsgesetz im Widerspruch zueinander stehen. Indem die Monadisten davon ausgehen, dass den Körpern eine Kraft innewohnt, die dafür sorgt, den Zustand des Körpers zu *verändern*, widersprechen sie sich selbst (Euler 1986, S. 82, Nr. 76).¹¹ Die Haltung der Monadisten ebnet damit, so Euler, dem Materialismus den Weg, denn

¹¹ Man vgl. hierzu auch die folgende Bemerkung: „Indem also diese Philosophen das wahre Principium der Bewegung und ihren ungereimten Satz behaupten wollen: so widersprechen sie sich selbst und werfen ihr ganzes System über den Haufen“ (Euler, 1986, S. 79, Nr. 73).

к материализму, поскольку если телам приписываются динамические принципы, на основе которых они изменяются, то принципиальное различие между телами и душами оказывается под угрозой¹⁵. Напротив, согласно Эйлеру, тела и души безусловно разделены. Чтобы удостовериться в этом разделении, он с этого момента полностью отказывается от понятия силы инерции: «Поэтому я полагаю, что инерцию, которая и является этим свойством, ошибочно было бы рассматривать как силу (как это делают некоторые ученые) и называть ее *силой инерции*» (Там же). Силы могут быть вызваны только другими телами или душами. Эйлер уже ранее критически относился к силе инерции, но противостояние с монадистами приводит его к сведению понятия силы до понятия изменения состояния и, таким образом, к отказу от силы инерции, присущей телу: «Ибо если понимать под словом “сила” все, что способно изменить состояние тела, то стремление пребывать в одном и том же состоянии является свойством, скорее противоположным силе» (Там же). Только душа обладает внутренними силами, тогда как тела инертны и не имеют внутренних сил.

Аналогично в работе «Теория движения твердых тел» Эйлер однозначно аргументирует против использования понятия *сила инерции*¹⁶. На его взгляд, масса материи берет на

внн den Körpern dynamische Prinzipien zugeschrieben werden, aufgrund derer sie sich verändern, so ist die prinzipielle Unterscheidung zwischen Körpern und Seele in Gefahr.¹² Demgegenüber sind nach Euler Körper und Seelen unbedingt getrennt. Um diese Trennung sicherzustellen, lehnt er nun den Begriff der Trägheitskraft gänzlich ab: „Es ist also ein bloßer Mißbrauch, wenn einige Schriftsteller der Trägheit, die diese Eigenschaft ist, den Namen Kraft beylegen, und sie die *Kraft der Trägheit* nennen“ (ebd.). Kräfte können immer nur von anderen Körpern oder von Seelen bewirkt werden. Euler hatte schon früher eine kritische Haltung zur Trägheitskraft, die Auseinandersetzung mit den Monadisten führt ihn jedoch zu einer Beschränkung des Kraftbegriffes auf den der Zustandsänderung und damit zu einer Ablehnung der körperimmanenten Trägheitskraft: „Denn wenn man einmal unter Kraft, die Ursache einer Veränderung in dem Zustande eines Körpers versteht: so ist die Eigenschaft, die diesen Zustand zu erhalten sucht, vielmehr das entgegengesetzte der Kraft“ (ebd.). Nur der Seele kommen innere Kräfte zu, während die Körper träge sind und keine inneren Kräfte aufweisen.

Ähnlich argumentiert Euler auch in seinem Werk *Theoria Motus* nun klar gegen die Verwendung des Begriffes *Trägheitskraft*.¹³ Dabei über-

¹⁵ «Сторонники этой теории хотели таким путем отнести элементы материи к категории существ, в которую входят духовные субстанции и сознание, способные, без всякого сомнения, к изменению своего состояния» (Эйлер, 2002, с. 161, № 76).

¹⁶ «Иногда применяют выражение “сила инерции”, так как сила есть нечто, противодействующее изменению состояния. Но если под силой понимать какую-то причину, изменяющую состояние тела, то здесь ее нужно понимать совсем не в этом смысле: проявление инерции в высшей степени отлично от того, какое свойственно, как это будет показано ниже, обычным силам. Поэтому для избежания какой-либо путаницы на этой почве мы опустим слово “сила” и будем рассматриваемое свойство тел называть просто инерцией» (Эйлер, 1938, с. 337). Здесь необходимо также смотреть его нападки на философов, под которыми, конечно, следует понимать представителей немецких схоластов (Там же, с. 358–360).

¹² „Die Absicht seiner Anhänger ist, die Elemente der Körper in eben die Klasse von Dingen zu bringen, zu denen die Seelen und die Geister gehören, die ohne Widerspruch eine Kraft haben ihren Zustand zu verändern“ (Euler, 1986, S. 82, Nr. 76).

¹³ „Man sagt bisweilen Kraft der Trägheit, weil Kraft etwas ist, was der Aenderung des Zustandes entgegenwirkt. Wenn aber die Kraft durch eine beliebige Ursache, welche den Zustand der Körper verändert, er klärt wird, so kann man sie hier keinesweges in dieser Bedeutung annehmen. Ihre Weise weicht sicher im höchsten Grade von derjenigen ab, nach welcher, wie wir künftig zeigen werden, Kräfte wirken. Damit nun hieraus keine Verwirrung hervorgehe, werden wir das Wort Kraft fortlassen und diese Eigenschaft der Körper einfach Trägheit nennen“ (Euler, 1853, S. 43). Man vgl. hier auch seine Angriffe gegen die Philosophen, worunter natürlich die Vertreter der deutschen Schulphilosophie zu verstehen sind (Euler, 1853, S. 53-55).

себя задачу силы инерции (также см.: Эйлер, 1938, с. 358–360; Эйлер, 2002, с. 154–155, № 73): «Массой тела, или количеством материи, называется величина заключенной в теле инерции, вследствие которой тело стремится сохранить свое состояние и противодействовать всякому его изменению. <...> Таким образом, о количестве материи судят по инерции» (Эйлер, 1938, с. 383–384).

Формулируя в процессе спора об инерции с философами своего времени важное уточнение понятия силы, Эйлер также более четко разрабатывает проблему пространства. В первой главе «Теории движения твердых тел» он полностью отказывается от абсолютного пространства и занимается только описанием движения тел по отношению друг к другу. Само пространство между тем является абстракцией органов чувств:

Однако понятие пространства мы можем воспринять лишь с помощью абстракции: для этого мы должны мысленно удалить все тела, и уже то, что, по нашему представлению, после этого остается, мы называем пространством.

Мы, следовательно, полагаем, что после удаления тел их протяжение все-таки остается, — представление, которое философами по многим основаниям оспаривается. Далее, этот вопрос как будто нельзя было бы еще считать разрешенным, пока не будет построена и схожая идея движения (Там же, с. 266).

Как и в своих «Размышлениях о пространстве и времени», Эйлер здесь утверждает, что пространство основано на законе инерции (Там же, с. 326–327). Однако с этого момента Эйлер четко формулирует необходимый «сдвиг», который представляет собой абсолютное пространство: хотя тела даны нам через органы чувств, мы должны абстрагироваться от пространства. В то же время это ставит перед философией новые задачи:

Итак, место есть нечто такое, что не зависит от тел, и оно не представляет собой только чистого понятия нашего разума. Однако како-

нимт gemäß Euler die Masse einer Materie die Aufgabe der Trägheitskraft (vgl. auch Euler, 1853, S. 53-55; 1986, S. 79, Nr. 73): „Die Masse eines Körpers oder die Menge seiner Materie nennt man die Grösse der Trägheit, welche sich in dem Körper befindet und vermöge welcher er das Bestreben hat, sowohl in seinem Zustande zu verharren, als auch jeder Veränderung zu widerstehen. [...] Nach der Trägheit wird daher die Menge der Materie beurtheilt“ (Euler, 1853, S. 69).

Während Euler aufgrund seiner Auseinandersetzungen mit den Philosophen seiner Zeit bezüglich der Trägheit zu einer wichtigen Spezifizierung des Kraftbegriffs kommt, arbeitet er zudem das Problem des Raumes deutlicher heraus. Im ersten Kapitel der *Theoria Motus* verzichtet Euler gänzlich auf einen absoluten Raum. Es geht ihm nur darum, die Bewegung der Körper zueinander zu beschreiben. Der Raum selbst ist jedoch eine Abstraktion von den Sinnen:

Wir können aber die Bedeutung dieses Raumes nur durch Abstraction auffassen, indem wir im Geiste alle Körper aufheben und dasjenige, was alsdann nach unserer Vorstellung übrig bleibt, den Raum nennen. Wir nehmen demnach an, dass, nachdem alle Körper fortgenommen sind, ihre Ausdehnung noch übrig bleibe; eine Auffassung, welche die Philosophen mit vielen Gründen zu bekämpfen pflegen. Es scheint ferner diese Frage nicht eher abgeschlossen werden zu können, bevor nicht eine entsprechende Idee der Bewegung aufgestellt worden ist (Euler, 1853, S. 3-4).

Wie bereits in seinen *Reflexionen zu Raum und Zeit*, argumentiert Euler hier für einen Raum auf Basis des Trägheitsgesetzes (Euler, 1853, S. 37). Nun arbeitet Euler jedoch den notwendigen ‚Sprung‘, den der absolute Raum darstellt, deutlich heraus: Während uns die Körper durch die Sinne gegeben werden, müssen wir hinsichtlich des Raumes abstrahieren. Dies stellt die Philosophie jedoch vor neue Aufgaben:

Der Ort ist daher etwas, was von den Körpern abhängt und eben so wenig ein reiner Begriff des Verstandes, was er aber ausserhalb

ва его реальная природа вне нашего разума, я не решился бы определить, хотя мы и должны признать за ним какую-то реальность. И если философы делят все реально существующее на определенные классы и указывают, что место не может быть отнесено ни к какому из них, то я скорее позволил бы себе полагать, что это разделение на классы произведено ими неправильно, так как они недостаточно исследовали относящиеся сюда вопросы (Там же, с. 361 – 362).

Здесь Эйлер развивает онтологическое особое положение пространства, еще одна идея, которая стала путеводной для философии Канта (Speiser, 1986, S. XXX).

Относительно взглядов Эйлера можно сказать, что, отвергая точку зрения немецких схоластов, он пересмотрел фундаментальные представления о физике. Это важный шаг в развитии классической механики. Однако тот факт, что Эйлер развивал свои взгляды в процессе критического неприятия точки зрения немецких схоластов, иногда не получает должного внимания в исследованиях. В заключение я хотел бы выразить критику относительно точки зрения Уоткинса (Watkins, 1997, p. 328), который подчеркивает влияние Лейбница и Вольфа на Эйлера¹⁷. И характеристика Эйлера как ньютонианца¹⁸, данная Фрид-

¹⁷ Вместе с Пульте я рассматриваю взгляды Эйлера под влиянием Декарта, Ньютона и Лейбница, причем влияние Лейбница следует характеризовать как самое незначительное (см.: Pulte, 1989, S. 110).

¹⁸ Чтобы показать, насколько ошибочна характеристика Эйлера как ньютонианца, давайте еще раз укажем на другие различия между Ньютоном и Эйлером. Например, в работе «Enodatio quaestionis utrum materiae facultas cogitandi tribui possit necne», рассмотренной выше, Эйлер также критикует существование гравитационной силы, характерной для тел. Эта критика гравитации как основной силы тел появляется в нескольких местах. В своем неопубликованном «Введении к теории природы» он пишет, например: «Гравитация возникает из-за неравномерного давления эфира, которое становится все больше и больше на большем расстоянии от Земли... Те, кто объясняет гравитацию силой притяжения Земли, основывают свое мнение главным образом на этом, потому что иначе невозможно указать причину этой силы. Но поскольку мы показали, что все тела окружены эфиром и испытывают давле-

des letztern für eine Reellität besitze, möchte ich nicht zu bestimmen wagen, wenn wir nicht auch in ihm einige Reellität anerkennen müssen. Wenn aber die Philosophen alle Reellität in bestimmte Klassen theilen und wäñnen, dass der Ort auf keine von ihnen bezogen werden könne; so möchte ich lieber glauben, dass diese Klassen fälschlich von ihnen aufgestellt worden sind, indem sie die darauf zu beziehenden Dinge nicht hinreichend erkannt hatten (Euler, 1853, S. 56).

Hier arbeitet Euler die ontologische Sonderstellung des Raumes heraus, eine weitere Überlegung, die wegweisend für die Philosophie Kants ist (Speiser, 1986, S. XXX).

Mit Bezug auf die Position Eulers lässt sich feststellen, dass er, durch seine Ablehnung der deutschen Schulphilosophie grundlegende Konzeptionen der Physik revidiert. Dies ist ein wichtiger Schritt in der Entwicklung der klassischen Mechanik. Dass Euler seine Position in kritischer Ablehnung zu der deutschen Schulphilosophie entwickelt, wird jedoch in der Forschung mitunter nicht richtig gesehen. Abschließend möchte ich dahingehend die Haltung Watkins kritisieren (Watkins, 1997, S. 328), der die Leibniz-Wolffsche Prägung Eulers betont.¹⁴ Sowohl Friedmans (1992, S. 16) Charakterisierung von Euler als Newtonianer¹⁵ als auch Watkins Einordnung

¹⁴ Mit Pulte (1989, S. 110) sehe ich Euler unter dem Einfluss von Descartes, Newton und Leibniz, wobei der Einfluss Leibniz als am geringste anzusehen ist.

¹⁵ Um zu zeigen, wie irreführend die Charakterisierung Eulers als Newtonianer ist, sei hier nochmal auf andere Differenzen zwischen Newton und Euler hingewiesen. So kritisiert Euler bspw. in seiner oben besprochenen Schrift *Enodatio quaestionis utrum materiae facultas cogitandi tribui possit necne* auch die Existenz einer den Körpern eingepprägten Gravitationskraft. Diese Kritik der Gravitation als essenzielle Kraft der Körper taucht an mehreren Stellen auf. In seiner unveröffentlichten *Anleitung zur Naturlehre* schreibt er z.B.: „Die Schwere entsteht aus dem ungleichen Druck des Aethers, welcher in einer grössern Entfernung von der Erde immer grösser wird; [...]. Diejenigen, welche die Schwere einer anziehenden Kraft der Erde zueignen, gründen ihre Meinung hauptsächlich darauf, weil sonst keine Ursache dieser Kraft angezeigt werden könnte. Da wir aber gewiesen, dass alle Körper rings herum mit Aether umgeben sind und von desselben elastischer Kraft gedrückt werden, so haben wir nicht nöthig die Ursache der Schwere anderwärts zu

маном (Friedman, 1992, p. 16), и классификация Уоткинса не соответствуют действительности. Возражение Уоткинсу, как уже стало ясно, состоит в том, что Эйлер развивает и оттачивает свои взгляды на пространство и инерцию именно в противостоянии с позицией Вольфа¹⁹: Однако Уоткинс справедливо подчеркивает, возражая ньютоновской интерпретации Фридмана, что закон инерции Эйлера вытекает из закона достаточной причины: «Эйлер пытается вывести один из законов движения Ньютона — а именно закон инерции — из более примитивного принципа, поскольку и в “Механике и научном анализе...”, и в “Размышлениях о пространстве и времени” Эйлер, как и Вольф, обосновывает закон инерции на основе принципа достаточного основания...» (Watkins, 1997, p. 330). Однако с расположением в таком порядке, сделанным Уоткинсом в этом фрагменте, можно согласиться лишь отчасти. Хотя Эйлер в своем доказательстве закона инерции ссылается на тезис о достаточной причине, этот тезис имеет здесь скорее иллюстративное значение. В более поздних публикациях, таких как «Теория движения твердых тел», это становится еще более очевидным, чем в «Механике». Эйлер пишет:

Это положение обыкновенно формулируется применительно к любому телу. Оно само по себе кажется настолько ясным, что как будто и не нуждается в каком-либо доказательстве. Однако, для того чтобы еще яснее убедиться в его правильности, рассмотрим точку или элемент тела. Если последний в некоторый момент времени находится в состоянии абсолютного покоя, то он в этом состо-

ние его упругой силы, нам не нужно искать причину гравитации в другом месте» (Euler, 1862, S. 542). По этой причине я не считаю удачной характеристику Эйлера как ньютонианца. Если учесть критику силы инерции, представленную в 2.3, то можно сказать, что Эйлер в конечном итоге хочет вообще отказаться от сил как фундаментальных сущностей.

¹⁹ Это не означает, что в других местах работы Эйлера на него не повлияли Лейбниц и Вольф. Уоткинс справедливо упоминает закон непрерывности, который у Эйлера имеет лейбнизовское происхождение.

greifen zu kurz. Gegen Watkins ist einzuwenden, wie deutlich wurde, dass Euler seine Haltungen zum Raum und zur Trägheit gerade in der Auseinandersetzung mit der Position Wolffs herausarbeitet und schärft.¹⁶ Zwar unterstreicht Watkins zurecht gegen Friedmans newtonianische Lesart, dass das Trägheitsgesetz von Euler durch das Gesetz vom zureichenden Grund hergeleitet wird: „Euler attempts to derive one of Newton’s laws of motion — namely, his law of inertia — from a more primitive principle, for in both his *Mechanica sive motus scientia analytica* [...] and his *Reflexions sur l’espace et les temps*, Euler, like Wolff, argues for the law of inertia on the basis of the principle of sufficient reason [...]“ (Watkins, 1997, S. 330). Watkins Einordnung dieser Passage ist jedoch nur bedingt zuzustimmen. Zwar greift Euler in seinem Beweis des Trägheitsgesetzes auf den Satz vom zureichenden Grund zurück, jedoch hat der Satz vom zureichenden Grund hier eher illustratorische Bedeutung. Dies wird in späteren Veröffentlichungen wie der *Theoria motus* noch deutlicher als in der *Mechanica*. Euler schreibt:

Man pflegt diesen Grundsatz in Betreff jedes beliebigen Körpers auszusprechen und er scheint von selbst so zu sein, dass er keines Beweises bedarf. Damit man aber seine Kraft noch deutlicher einsehe, betrachte man einen Punkt oder ein Element eines Körpers; befindet sich dieses einmal in absoluter Ruhe so muss es be-

suchen“ (Euler, 1862, S. 542). Obwohl er die Gültigkeit des Gravitationsgesetzes anerkennt, versucht Euler, die Wechselwirkung zwischen den Körpern lediglich über Stoß bzw. Druck zu erklären. Man vgl. hierzu auch Eulers vorsichtiger Ausführungen in den *Briefen an eine deutsche Prinzessin*, insb. Brief 79 (Euler, 1986, S. 84-85). Aus diesem Grund halte ich die Charakterisierung Eulers als Newtonianer nicht für treffend. Bezieht man die in 2.3 dargestellte Kritik der Trägheitskraft mit ein, so lässt sich sagen, dass Euler schlussendlich auf Kräfte als fundamentale Entitäten gänzlich verzichten will.

¹⁶ Das heißt nicht, dass es im Werk Eulers nicht an anderer Stelle durch Leibniz-Wolffs beeinflusst ist. Watkins nennt zu Recht das Gesetz der Kontinuität, das bei Euler leibnizianischen Ursprungs ist.

янии должен оставаться вечно. В самом деле, ведь нет никакого основания, в силу которого он скорее стал бы двигаться в одном направлении, чем во всех остальных направлениях. А так как действие каких бы то ни было внешних сил здесь исключено, то он и не сможет двигаться ни в каком направлении (Эйлер, 1938, с. 329).

Тезис о достаточной причине лишь иллюстрирует здесь действие закона инерции. Сам закон инерции имеет для Эйлера аксиоматический характер. Эйлер утверждает, что он «лежит в основе всей науки механики» (Эйлер, 2002, с. 150, № 71). Это сопровождается многочисленными фрагментами, в которых становится очевидной глубокая неприязнь Эйлера к философии Лейбница и Вольфа, например, в «Размышлениях о пространстве и времени», которые явно направлены против Лейбница и Вольфа, а также в многочисленных фрагментах в «Письмах к немецкой принцессе». В «Размышлениях...» Эйлер использует закон инерции в качестве отправной точки для нападок на всеобщность положения о тождестве неразличимого, который, согласно Лейбницу, следует из положения о достаточном основании. Он пишет: «Поэтому я не знаю, является ли этот принцип настолько общим, как принято считать» (Euler, 1763, S. 13). Центральная идея «Размышлений о пространстве и времени» заключается именно в том, что метафизические положения и спекуляции должны быть адаптированы к основаниям механики. Уоткинс, следовательно, ошибается, когда видит в философии Лейбница и Вольфа основу взглядов Эйлера на закон инерции.

3. Сила инерции и проблема пространства у Канта

Кант продолжает развивать проблему пространства и силы инерции. Как и для Эйлера, для Канта вопросы пространства и силы инерции тесно взаимосвязаны. Далее я затрону во-

ständig in dieser verharren. Da nämlich in demselben kein Grund vorhanden ist, warum es eher nach der einen, als nach allen Richtungen sich zu bewegen anfangen sollte und da jede äussere Ursache der Bewegung aufgehoben wird; so wird es nach keiner Richtung eine Bewegung beginnen können (Euler, 1853, S. 38-39).

Der Satz vom zureichenden Grund verdeutlicht hier nur die Gültigkeit des Trägheitsgesetzes. Das Trägheitsgesetz selbst hat für Euler axiomatischen Charakter. Er nennt es den „Grund der ganzen Mechanik“ (Euler, 1986, S. 77, Nr. 71). Dies geht einher mit zahlreichen Stellen, an denen Eulers tiefe Abneigung gegen die Philosophie Leibniz' und Wolffs deutlich wird, wie bspw. in den *Reflexionen über Raum und Zeit*, die sich klar gegen Leibniz und Wolff richten, aber auch an zahlreichen Stellen der *Briefe an eine deutsche Prinzessin*. In den *Reflexionen über Raum und Zeit* nutzt Euler das Trägheitsgesetz als Ausgangspunkt, um die Allgemeinheit des Satzes von der Identität des Ununterscheidbaren, der ja nach Leibniz aus dem Satz vom zureichenden Grund folgt, anzugreifen. Er schreibt: „So weis ich nicht, ob dieser Grundsatz so allgemein ist, wie man gedenkt“ (Euler, 1763, S. 13). Zentraler Gedanke der *Reflexionen über Raum und Zeit* ist ja gerade, dass metaphysische Sätze und Spekulationen sich den Grundlagen der Mechanik anzupassen haben. Demnach irrt Watkins, wenn er die Leibniz-Wolffsche Philosophie als Grundlage der Haltung Eulers zum Trägheitsgesetz ansieht.

3. Trägheitskraft und Raumproblematik bei Kant

Kant macht hinsichtlich des Raumes und der Trägheitskraft eine Entwicklung durch. Wie für Euler sind auch für Kant die Fragen nach Raum und Trägheitskraft eng verknüpft. Im Folgen-

прос развития взглядов Канта и влияние Эйлера. При этом важно провести различие между отдельными фазами в размышлениях Канта и определить наиболее важные моменты. До 1756 г. Кант предполагал, что существует сила инерции, но в 1758 г., вероятно, под влиянием Эйлера, отверг ее в работе «Новая теория движения и покоя». В «Механике» в «Метафизических началах естествознания» он во многом опирается на рассуждения, изложенные в этом труде, однако расширяет их, благодаря чему влияние Эйлера становится еще более очевидным. Большое значение для формирования идей Канта имеет также работа о пространстве 1768 г., в которой он доказывает, с явной ссылкой на Эйлера, существование абсолютного пространства, а всего два года спустя уже отстаивает позицию трансцендентального идеализма. Здесь необходимо сделать выбор. Поэтому сначала я рассмотрю раннюю докритическую фазу, то есть до 1756 г. (3.1), а затем исследую последующую докритическую фазу, с 1758 по 1768 г. (3.2). При этом я сосредоточусь на его «Новой теории движения и покоя», поскольку к центральным идеям об отрицании силы инерции и о теории движения Кант вновь возвращается в критической фазе. В заключение я проанализирую «Механику» в «Метафизических началах естествознания» (3.3). Основное внимание здесь будет уделено кантовской критике силы инерции и влиянию Эйлера на критический проект. Подробное обсуждение кантовской теории пространства критической фазы представлено не будет.

3.1. Ранний докритический период Канта (до 1756 г.)

Кант уже в своих ранних трудах восхищался Эйлером. Посылая свою работу «Мысли об истинной оценке живых сил» Эйлеру, Кант называет его в сопроводительном письме «тем лицом, которое прежде других обладает способностью в самых запутанных моментах механи-

ден werde ich die Entwicklung Kants darstellen und auf den Einfluss Eulers eingehen. Dabei gilt es, unterschiedliche Phasen in Kants Denken zu unterscheiden und Schwerpunkte zu setzen. Bis 1756 geht Kant von der Existenz einer Trägheitskraft aus, lehnt sie aber, wohl unter dem Einfluss Eulers, in seiner Schrift *Neuer Lehrbegriff der Bewegung und der Ruhe* (weiterhin *NLBR*) von 1758 ab. In der „Mechanik“ seiner *MAN* greift er in vielem auf die Überlegungen dieser Schrift zurück, erweitert sie jedoch, wobei die Einflüsse Eulers noch deutlicher werden. Von großer Bedeutung für Kants Entwicklung ist zudem die Schrift *Von dem ersten Grunde des Unterschiedes der Gegenden im Raume* von 1768, in der er, mit expliziter Referenz auf Euler, für die Existenz eines absoluten Raumes argumentiert und nur zwei Jahre später bereits die Position des transzendentalen Idealismus vertritt. Hier gilt es eine Auswahl zu treffen. Daher gehe ich zunächst auf die frühe vorkritische Phase, d.h. bis 1756, ein (3.1), um dann die darauf folgende vorkritische Phase, 1758 bis 1768, zu untersuchen (3.2). Dabei werde ich den Schwerpunkt auf seine *NLBR* setzen, da zentrale Überlegungen Kants zur Ablehnung der Trägheitskraft und zur Bewegungslehre von ihm in der kritischen Phase wieder aufgegriffen werden. Zuletzt werde ich auf die „Mechanik“ der *MAN* eingehen (3.3). Hier soll Kants Kritik der Trägheitskraft im Mittelpunkt stehen und der Einfluss Eulers auf das kritische Projekt. Eine ausführliche Diskussion der von Kant vertretenen Raumtheorien in der kritischen Phase findet nicht statt.

3.1. Kants frühe vorkritische Phase (bis 1756)

Schon der frühe Kant ist ein Bewunderer Eulers. So schickt er seine *Gedanken von der wahren Schätzung der lebendigen Kräfte* an Euler und nennt ihn in seinem Anschreiben „diejenige Per-

ки вывести человеческий рассудок из затянувшегося заблуждения и сомнения...» (из письма Канта Эйлеру, см.: Fischer, 1985, S. 218)²⁰. Однако в ранних работах Канта не обнаруживается более глубокое взаимодействие с Эйлером. Это демонстрируют многочисленные различия между его рассуждениями и работами Эйлера, например совершенно иное представление о пространстве в этот период времени. Кант, вероятно, обращается к работам Эйлера больше из-за его известности и меньше из-за сходства их взглядов на натурфилософию.

Кантовские взгляды как на пространство, так и на закон инерции почти диаметрально противоположны его более поздней точке зрения. Что касается пространства, Кант придерживается релятивистской концепции пространства, которая стремится объединить ньютоновские идеи о действии гравитации с концепцией пространства в рамках взглядов Лейбница. Так, в его первой работе пространство исследуется как совокупность субстанций, воздействующих друг на друга. Действие этих субстанций происходит в соответствии с квадратом обратного расстояния (AA 01, S. 23-24, Кант, 1994б, с. 68–69). Хотя Кант здесь далек от своей критической теории пространства, важно не рассматривать его как лейбницианца. Кант во многом движется в фарватере схоластов, но принимает релятивизм скорее некритически.

Кроме того, интересно, что в этой работе содержится также и отрицание общей значимости закона инерции:

Таким образом, правило свободного и беспрепятственного продолжения движения будет действовать не вообще, а только начиная с определенной степени скорости и далее; при этом все меньшие степени движения будут поглощать себя и исчезать, пока при бесконечно малой степени движение не будет длиться лишь мгновение и требовать постоянной замены извне. Поэтому правило Ньютона в его не-

²⁰ Это письмо отсутствует в немецком академическом собрании сочинений И. Канта.

sohn, die vor andern im Besitze sind, in dem verwikeltesten Punkte[n] der Mechanik den menschlichen Verstand aus einem langwierigen Irrthume und Zweifel hinauszureißen [...]“ (Brief von Kant an Euler, nach Fischer, 1985, S. 218).¹⁷ Jedoch kann für den jungen Kant eine tiefergehende Auseinandersetzung mit Euler ausgeschlossen werden. Dies wird durch zahlreiche Differenzen zwischen seinen Ausführungen und dem Werk Eulers deutlich, wie bspw. die zu diesem Zeitpunkt vollkommen unterschiedliche Raumkonzeption. Kant scheint sich an Euler eher wegen dessen großen Namens und weniger wegen der Übereinstimmungen in ihren naturphilosophischen Positionen zu wenden.

Sowohl seine Position zum Raum als auch seine Haltung zum Trägheitsgesetz sind seinen späteren Haltungen nahezu diametral entgegengesetzt. Bezüglich des Raumes vertritt Kant eine relationalistische Raumkonzeption, die Newtonianische Überlegungen zur Wirkung der Gravitation mit einer Leibnizianisch geprägten Raumkonzeption zu verbinden sucht. So ist wird in seiner Erstlingsschrift der Raum als Gesamtheit der aufeinander wirkenden Substanzen gesehen. Die Wirkung dieser Substanzen geschieht gemäß dem inversen Abstandsquadrat (GSK, AA 01, S. 23-24). Obwohl Kant hier weit von seiner kritischen Raumtheorie entfernt ist, ist es wichtig, ihn nicht als Leibnizianer zu sehen. Vielmehr bewegt Kant sich zwar im Fahrwasser der Schulphilosophie, übernimmt den Relationalismus aber eher unkritisch.

Weiterhin findet sich in dieser Schrift interessanterweise auch eine Ablehnung der allgemeinen Gültigkeit des Trägheitsgesetzes:

Also wird die Regel der freien und unverminderten Fortsetzung der Bewegung nicht überhaupt, sondern nur von einem gewissen Grade Geschwindigkeit an gelten, unter demselben werden alle kleinere Grade der Bewegungen sich von selber aufzehren und verschwinden,

¹⁷ Der Brief findet sich nicht in der *Akademie-Ausgabe*.

пределенном значении не применимо к телам природы: *Corpus quodvis pergit in statu suo, vel quiescendi, vel movendi, uniformiter, in directum, nisi a causa externa statum mutare cogatur*²¹ (AA 01, S. 155²²; об этом см.: Watkins, 2012, p. 430).

Хотя Кант и критикует здесь закон инерции, следует отметить, что это всего лишь мнение очень молодого Канта. Уже в последующих работах он отказывается от многих соображений. В 1756 г., например, Кант попытался доказать существование инерционной силы в работе «Физическая монадология»: «Сила инерции во всяком элементе имеет определенную величину, которая в различных элементах может быть весьма различна» (AA 01, S. 485; Кант, 1994д, с. 329).

В противном случае, по мнению Канта, тела можно было бы остановить самым незначительным сопротивлением. Он видит при этом в силе инерции массу тела. Он пишет: «Ведь масса тела есть не что иное, как количество силы инерции, посредством которой тела сопротивляются движению или, приведенные в движение, способны к известному натиску движения» (AA 01, S. 486; Кант, 1994д, с. 330).

До этого момента натурфилософия Канта все еще характеризуется различными противоположными взглядами. Сначала он критикует общую значимость закона инерции, а затем, в 1756 г., вводит силу инерции с помощью «доказательства». Более глубокое осознание проблемы пространства, а также отказ от понятия силы инерции, имеет место только в последующий период.

²¹ «Всякое тело продолжает удерживаться в своем состоянии покоя или равномерного прямолинейного движения, пока и поскольку оно не понуждается приложенными силами изменить это состояние» (Ньютон, 1989, с. 39). — Примеч. ред.

²² В опубликованном русском переводе трактата «Мысли об истинной оценке живых сил» (Кант, 1994б) отсутствуют параграфы со 127-го по 162-й. — Примеч. пер.

bis bei unendlich kleinem Grade die Bewegung nur einen Augenblick dauert und einer immerwährenden Ersetzung von draußen nöthig hat. Daher gilt Newtons Regel in seiner unbestimmten Bedeutung nicht von den Körpern der Natur: *Corpus quodvis pergit in statu suo, vel quiescendi, vel movendi, uniformiter, in directum, nisi a causa externa statum mutare cogatur* (GSK, AA 01, S. 155).¹⁸

Obwohl Kant an dieser Stelle das Trägheitsgesetz kritisiert, ist festzuhalten, dass es sich lediglich um Momentaufnahmen des sehr jungen Kant handelt. Schon in den darauffolgenden Schriften widerruft er zahlreiche Überlegungen. So versucht er 1756 in der *Monadologia Physica* die Existenz einer Trägheitskraft zu beweisen: „Die Trägheitskraft ist in einem jeden Element von bestimmter Größe, diese wird in den verschiedenen ganz verschieden sein können“ (*MoPh*, AA 01, S. 485; Kant, 1968, S. 553).

Andernfalls, so Kant, würden Körper durch den kleinsten Widerstand gestoppt werden können. Dabei sieht er in der Trägheitskraft die Masse des Körpers. Er schreibt: „Denn die Masse der Körper ist nur die Größe ihrer Trägheitskraft, mit der sie entweder einer Bewegung widerstehen oder, mit einer gegebenen Geschwindigkeit bewegt, eine bestimmte Gewalt der Bewegung besitzen“ (*MoPh*, AA 01, S. 486; Kant, 1968, S. 555).

Die Naturphilosophie Kants ist bis zu diesem Punkt noch durch verschiedene gegenläufige Überlegungen geprägt. Zunächst kritisiert er die allgemeine Gültigkeit des Trägheitsgesetzes, um dann 1756 die Trägheitskraft anhand eines ‚Beweises‘ einzuführen. Ein tiefergehendes Problembewusstsein für die Raumfrage, aber auch eine Ablehnung der Trägheitskraft, findet erst in der darauffolgenden Zeit statt.

¹⁸ Vgl. hierzu Watkins (2012, S. 430).

3.2. Кантовский поздний докритический период (с 1758 г.)

Отказ Канта от силы инерции и его закон противодействия имеют центральное значение для «Механики» в «Метафизических началах естествознания». Их можно проследить в работе «Новая теория движения и покоя» 1758 г. Параллели между формулировками Канта в «Метафизических началах естествознания» и взглядами Эйлера позволяют предположить, что Кант, критикуя силу инерции, находится под его влиянием²³. Хотя Кант и «доказал» существование силы инерции в 1756 г., сейчас он ее отвергает и критикует. Он пишет по этому поводу: «...Ясно само собой, что упомянутая сила инерции придумана без всякой нужды...» (AA 02, S. 20; Кант, 1994в, с. 375). Таким образом, по сравнению с 1756 г. Кант коренным образом изменил свой взгляд на силу инерции. В этот период у него также сформировалось понимание проблемы пространства, основанное на проблематике теории движения. Отправной точкой стала космология, которую он разработал во «Всеобщей естественной истории» в 1755 г. Движение тела может быть зафиксировано только относительно других тел. Теперь, однако, референтное тело, с которым соотносится «данное» движение, может быть свободно выбрано, потому что каждое тело можно рассматривать как часть еще более широкой системы тел. Однако само пространство не может быть использовано в качестве точки отсчета для движения из-за его однородности:

Теперь я начинаю понимать, что в выражениях *движение* и *покой* мне чего-то не хватает. Я всегда должен понимать их не в абсолютном, а в относительном смысле. Я никогда не должен говорить, что тело находится в состоянии покоя, не прибавляя, по отношению

²³ Об этом см.: (Pollok, 2000, S. 385). Таким образом, в кантовских формулировках обнаруживаются параллели со взглядами Эйлера (AA 04, S. 549; Кант, 1994а, с. 352; Эйлер, 1938, с. 76). См. также рассуждения в 3.3.

3.2. Kants späte vorkritische Phase (von 1758 an)

Kants Ablehnung der Trägheitskraft und sein Gesetz der Gegenwirkung sind von zentraler Bedeutung für die „Mechanik“ der MAN. Sie lassen sich zurückführen auf die Schrift *Neuer Lehrbegriff der Bewegung und der Ruhe* aus dem Jahr 1758. Parallelen zwischen Kants Formulierungen in den MAN und Eulers Formulierungen lassen darauf schließen, dass Kant in seiner Kritik an der Trägheitskraft durch Euler beeinflusst ist.¹⁹ ‚Bewies‘ Kant die Existenz einer Trägheitskraft noch 1756, wird diese nun abgelehnt und kritisiert. Er schreibt dazu: „[S]o leuchtet ein, dass diese Trägheitskraft ohne Noth erdacht sei [...]“ (NLBR, AA 02, S. 20). Kant hat demnach seine Haltung zur Trägheitskraft gegenüber 1756 grundlegend verändert. Er entwickelt in dieser Zeit zudem, ausgehend von Problemen der Bewegungslehre, ein Bewusstsein für die Raumproblematik. Ausgangspunkt ist die von ihm in der *Allgemeinen Naturgeschichte* 1755 entwickelte Kosmologie. Die Bewegung eines Körpers kann immer nur mit Bezug auf andere Körper angegeben werden. Nun kann der Bezugskörper, auf den sich die ‚respektive‘ Bewegung bezieht, jedoch frei gewählt werden, denn jeder Körper kann als Teil eines noch weiteren Systems an Körpern gesehen werden. Der Raum selbst kann dabei jedoch aufgrund seiner Homogenität nicht als Bezugsrahmen der Bewegung verwendet werden:

Jetzt fange ich an einzusehen, daß mir in dem Ausdrücke der Bewegung und Ruhe etwas fehlt. Ich soll ihn niemals in absolutem Verstande brauchen, sondern immer respective. Ich soll niemals sagen: Ein Körper ruht, ohne dazu zu

¹⁹ Vgl. hierzu Pollok (2000, S. 385). So zeigt Kant in seinen Formulierungen Parallelen zu Euler (MAN, AA 04, S. 549; Euler, 1848, S. 25). Siehe hierzu auch die Überlegungen in 3.3.

к каким именно телам оно находится в покое, и никогда не должен говорить, что оно движется, не указывая в то же время те предметы, по отношению к которым оно изменяет свое положение. И если бы я даже захотел представить себе математическое пространство, свободное от каких бы то ни было предметов, как некое вместилище тел, то и это мне нисколько не помогло бы. Ибо каким образом я могу отличить часть этого пространства и различные места в нем, коль скоро они не заняты ничем телесным? (AA 02, S. 17; Кант, 1994в, с. 372).

Однородное пространство не может быть основой концепции движения, но оно и не должно ею быть. Движение всегда должно рассматриваться таким образом, чтобы обоим телам приписывалась одинаковая величина движения. Модернизируя это, можно сформулировать намерение Канта сконструировать движение в системе центра тяжести, то есть в системе, в которой обоим телам приписываются одинаковые импульсы. То есть применяется

$$p_A = -p_B.$$

Это означает следующее:

$$v_A m_A = -v_B m_B.$$

Рука об руку с этой концепцией движения развивается критика силы инерции. Кант отвергает силу, присущую телу, которой обмениваются тела во время взаимодействия, например во время удара. Если бы мы попытались объяснить взаимодействие материи на основе силы инерции, это означало бы предположение о *qualitas occulta*²⁴. Развивая поставленную Ньютоном проблему объяснения тяготения между телами, Кант пишет:

Однако этой цели она [сила инерции] служит лишь в том смысле, в каком ньютоновская сила притяжения, присущая материи, служит для объяснения великих движений мироздания, а именно только в качестве закона общего, установленного с помощью опыта явления, причина которого остается неизвестной

setzen, in Ansehung welcher Dinge er ruhe, und niemals sprechen, er bewege sich, ohne zugleich die Gegenstände zu nennen, in Ansehung deren er seine Beziehung ändert. Wenn ich mir auch gleich einen mathematischen Raum leer von allen Geschöpfen als ein Behältniß der Körper einbilden wollte, so würde mir dieses doch nichts helfen. Denn wodurch soll ich die Theile desselben und die verschiednen Plätze unterscheiden, die von nichts Körperlichem eingenommen sind? (NLBR, AA 02, S. 17).

Der homogene Raum kann nicht das Fundament der Bewegungskonzeption sein, er muss es aber auch nicht. Bewegung muss immer so gesehen werden, dass beiden Körpern die gleiche Bewegungsgröße zugeschrieben werden muss. Modernisierend lässt sich sagen, dass Kant die Bewegung im Schwerpunktsystem konstruieren will, d.h. in dem System, in dem beiden Körpern die gleichen Impulse zugeschrieben werden. D.h. es gilt:

$$p_A = -p_B.$$

Dies bedeutet weiter:

$$v_A m_A = -v_B m_B.$$

Hand in Hand mit dieser Bewegungskonzeption geht eine Kritik der Trägheitskraft. Eine körperinhärente Kraft, die bei der Interaktion zwischen den Körpern, bspw. beim Stoß, ausgetauscht wird, lehnt er ab. Würde man nämlich die Interaktion von Materie anhand einer Trägheitskraft zu erklären suchen, so hieß dies, eine *Qualitas occulta* anzunehmen. In Anlehnung an Newtons Problem, die Gravitation zwischen den Körper zu erklären, schreibt Kant:

Gleichwohl dient diese angenommene Kraft ungemein geschickt dazu alle Bewegungsgesetze sehr richtig und leicht daraus herzuleiten. Aber hiezu dient sie nur eben so, wie die Newtonische Anziehungskraft aller Materie zu Erklärung der großen Bewegungen des Weltbaues, nämlich nur als das Gesetz einer durch die Erfahrung erkannten allgemeinen Erscheinung, wovon man die Ursache nicht weiß, und welche

²⁴ «Скрытое качество» (лат.). — Примеч. пер.

и которое, стало быть, не следует слишком поспешно сводить к некоей внутренней силе природы, действующей в указанном направлении (AA 02, S. 20; Кант, 1994в, с. 376).

Предполагать наличие силы инерции, присущей телам, значит ссылаться на нечто, что в любом случае всегда должно оставаться для нас неизвестным. Приписывая обоим телам одинаковое движение, Кант считает проблему решенной, поскольку взаимодействие между телами больше не нужно объяснять на основе силы, присущей телам. В дополнение к своей физической критике силы инерции Кант также заявляет, что у него есть метафизические возражения против концепции силы инерции, но он не будет здесь подробно на них останавливаться. Хотя Кант и не развивает здесь свою метафизическую критику, можно предположить, что это рассуждения, сходные с теми, которые Кант излагает в «Метафизических началах естествознания» в 1786 г. (см. об этом п. 3.3).

Изменение взглядов Канта на силу инерции можно интерпретировать как часть более глубокого сдвига в осознании проблемы. Если до 1756 г. Кант еще развивал свои идеи в русле философии Лейбница и Вольфа, то теперь он осознает проблематику движения, а также проблематику силы инерции.

Основательный поворот касательно теории пространства происходит в 1768 г.²⁵ В противовес Лейбницу и Вольфу Кант пытается показать, что пространство существует независимо от отношений тел. При этом он прямо ссылается на работу Эйлера 1748 г. Он пишет:

Всем известно, сколь тщетны были усилия философов раз и навсегда решить этот вопрос посредством отвлеченнейших суждений метафизики; я не знаю ни одной попытки

²⁵ Влияние Эйлера на кантовскую работу о пространстве подробно обсуждалось мною в другом месте, поэтому здесь я кратко изложу суть кантовской работы и стоящие за этим рассуждения. См.: (Görg, 2018, S. 132–136).

folglich man sich nicht übereilen muß sogleich auf eine dahin zielende innere Naturkraft zu schieben (NLBR, AA 02, S. 20).

Eine den Körpern innewohnende Trägheitskraft anzunehmen, bedeutet auf etwas zu referieren, dass uns ohnehin immer unbekannt bleiben muss. Indem nach Kant beiden Körpern die gleiche Bewegung zugeschrieben werden muss, sieht er das Problem als gelöst, denn die Interaktion zwischen Körpern muss nicht mehr anhand einer den Körpern innewohnenden Kraft erklärt werden. Neben seiner physikalischen Kritik an der Trägheitskraft gibt Kant an, auch metaphysische Einwände gegen die Konzeption einer Trägheitskraft zu haben, diese hier jedoch nicht näher zu beleuchten. Auch wenn Kant seine metaphysische Kritik hier nicht ausführt, ist anzunehmen, dass es sich um ähnliche Überlegungen handelt, wie sie Kant 1786 in den *MAN* darlegt (vgl. dazu 3.3).

Kants Haltungsänderung hinsichtlich der Trägheitskraft kann als Teil einer tiefergehenden Verschiebung im Problembewusstsein gedeutet werden. Bewegte sich Kant bis 1756 noch im Fahrwasser der Leibniz-Wolffschen Philosophie, wird ihm nun die Bewegungsproblematik, aber auch die Problematik einer Trägheitskraft, klar.

Bezüglich der Raumtheorie kommt es 1768 zu einer tiefgreifenden Wende.²⁰ Gegen Leibniz und Wolff versucht Kant zu zeigen, dass der Raum unabhängig von den Relationen der Körper existiert. Dabei referiert er direkt auf Eulers Schrift von 1748. Er schreibt:

Jedermann weiß, wie vergeblich die Bemühungen der Philosophen gewesen sind, diesen Punkt vermittelt der abgezogensten Urtheile der Metaphysik einmal außer allen Streit zu setzen, und ich kenne keinen Versuch dieses gleichsam a posteriori auszuführen (nämlich

²⁰ Der Einfluss Eulers auf Kants Raumschrift wurde von mir an anderer Stelle ausführlich diskutiert, weshalb ich Kants Schrift und die dahinterstehende Überlegungen hier kürzer fasse (vgl. Görg, 2018, S. 132-136).

вывести это так сказать *a posteriori* (а именно посредством других неопровержимых положений, которые сами, правда, лежат вне метафизики, однако, если применять их *in concreto*, могут послужить пробным камнем их правильности), кроме статьи знаменитого Эйлера-старшего в «Истории Королевской академии наук» в Берлине от 1748 г. Эта статья, однако, не вполне достигает своей цели, потому что она лишь показывает, как трудно придать самым общим законам движения определенное значение, когда принимают только то понятие пространства, которое возникает из абстракции от отношений действительных вещей между собой. Статья обходит не меньшие трудности, остающиеся при применении упомянутых законов, когда их хотят представить *in concreto* в соответствии с понятием абсолютного пространства. Доказательство, которое я здесь ищу, должно дать убедительный довод не знатокам механики, как это имел в виду Эйлер, а самим геометрам, дабы они с обычной для них очевидностью могли обосновать действительность признаваемого ими абсолютного пространства (AA 02, S. 378; Кант, 1994г, с. 269 – 270).

Фридман интерпретирует это как дистанцирование Канта от аргументации Эйлера (Friedman, 1992, p. 207). Однако все обстоит иначе: Кант считает, что метафизика вынуждена отвечать на вопрос о существовании пространства. Следует интерпретировать его попытку метафизически показать существование пространства таким образом, что он заимствует для философии рабочую задачу Эйлера: основополагающие законы естественных наук могут служить руководством, в каком направлении должна развиваться метафизика. Не ограничиваясь аргументацией Эйлера, Кант пытается доказать существование пространства: два инконгруэнтных аналога различаются не в отношении их частей, а в связи с их отношением к пространству, поэтому пространство должно быть больше, чем отношение объектов.

Основываясь на своей работе о пространстве, Кант уже в 1770 г. отстаивает позицию

vermitteltst anderer unleugbaren Sätze, die selbst zwar außer dem Bezirke der Metaphysik liegen, aber doch durch deren Anwendung *in concreto* einen Probestein von ihrer Richtigkeit abgeben können), als die Abhandlung des berühmten Eulers des Ältern in der Historie der K. Akad. d. W. zu Berl. vom Jahr 1748, die dennoch ihren Zweck nicht völlig erreicht, weil sie nur die Schwierigkeiten zeigt, den allgemeinsten Bewegungsgesetzen eine bestimmte Bedeutung zu geben, wenn man keinen andern Begriff des Raumes annimmt als denjenigen, der aus der Abstraction von dem Verhältniß wirklicher Dinge entspringt, allein die nicht mindere Schwierigkeiten unberührt läßt, welche bei der Anwendung gedachter Gesetze übrig bleiben, wenn man sie nach dem Begriffe des absoluten Raumes *in concreto* vorstellen will. Der Beweis, den ich hier suche, soll nicht den Mechanikern, wie Herr Euler zur Absicht hatte, sondern selbst den Meßkünstlern einen überzeugenden Grund an die Hand geben, mit der ihnen gewöhnlichen Evidenz die Wirklichkeit ihres absoluten Raumes behaupten zu können (GUGR, AA 02, S. 378).

Friedman (1992, S. 207) deutet dies als Distanzierung Kants von Eulers Argumentation. Das Gegenteil ist jedoch der Fall: Kant sieht die Metaphysik in Zugzwang, die Frage nach der Existenz des Raumes zu beantworten. Man muss seinen Versuch, die Existenz des Raumes metaphysisch aufzuzeigen, so deuten, dass er den Arbeitsauftrag Eulers an die Philosophie annimmt: Die grundlegenden Gesetze der Naturwissenschaft können eine Orientierung geben, in welche Richtung sich die Metaphysik entwickeln muss. Über Eulers Argumentation hinaus versucht Kant die Existenz des Raumes zu beweisen: Zwei inkongruente Gegenstücke unterscheiden sich nicht hinsichtlich der Relation ihrer Teile, sondern hinsichtlich ihres Verhältnisses zum Raum, weshalb der Raum mehr sein muss als die Relation der Gegenstände.

Ausgehend von seiner Raumschrift vertritt Kant schon 1770 die Position des Transzendenta-

трансцендентального идеализма в отношении пространства и времени. Далее мы будем рассматривать не эту позицию, как она представлена в «Критике чистого разума», а его рассуждения в «Метафизических началах естествознания».

3.3. Инерция и проблема движения в «Метафизических началах естествознания»

Кантовские «Метафизические начала естествознания» 1786 г. преследовали цель вывести основы естествознания, главным образом механики, из критической философии. Это осуществляется в четырех основных разделах, которые ориентируются на таблицу категорий, или систему принципов, «Критики чистого разума». Данный проект можно рассматривать отчасти как реализацию «рабочей задачи» применительно к философии, сформулированной Эйлером в 1748 г. Если метафизику Лейбница и Вольфа нельзя согласовать с установленными основаниями физики, то эта метафизика должна быть заменена метафизикой, которая учитывает эти основания. Зарекомендовавшая себя наука может служить ориентиром. Во втором издании «Критики чистого разума» Кант задается вопросом, как возможно чистое естествознание, и разрабатывает на этой основе свою собственную систему, при этом влияние Эйлера на критический проект Канта становится очевидным. Однако кантовская работа «Метафизические начала естествознания» выходит за рамки объяснения того, как возможно естествознание: в ней ставится задача вывести основания естествознания из критической системы. Это означало бы важный успех для его системы. Согласно взглядам Канта, естествознание базируется на метафизическом фундаменте, который может быть выведен из критической системы:

len Idealismus hinsichtlich des Raumes und der Zeit. Im Folgenden soll nicht diese Position, wie sie auch in der *Kritik der reinen Vernunft* (weiterhin *KrV*) vertreten wird, behandelt werden, sondern seine Überlegungen aus den *MAN*.

3.3. Die Trägheit und das Bewegungsproblem in den Metaphysischen Anfangsgründe der Naturwissenschaft

Kants *Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft* von 1786 haben das Ziel, die Grundlagen der Naturwissenschaft, hauptsächlich der Mechanik, aus der kritischen Philosophie herzuleiten. Dies geschieht in vier Hauptstücken, die sich an der Kategorientafel, bzw. dem System der Grundsätze der *KrV* orientieren. Dieses Projekt kann in Teilen als Umsetzung des von Euler formulierten ‚Arbeitsauftrages‘ an die Philosophie von 1748 gesehen werden. Wenn die Leibniz-Wolffsche Metaphysik nicht mit den etablierten Grundlagen der Physik in Übereinstimmung zu bringen ist, dann muss die Metaphysik ersetzt werden durch eine Metaphysik, die diesen Grundlagen Rechnung trägt. Dabei kann die etablierte Wissenschaft als Orientierung dienen. Kant fragt in der zweiten Ausgabe der *KrV* danach, wie reine Naturwissenschaft möglich sei und entwickelt davon ausgehend sein eigenes System, wodurch der Einfluss Eulers auf Kants kritisches Projekt deutlich wird. Kants *MAN* gehen jedoch noch darüber hinaus, indem sie zu erklären suchen, wie Naturwissenschaft möglich sei: Hier sollen die Grundlagen der Naturwissenschaft aus dem kritischen System hergeleitet werden. Dies wäre ein wichtiger Erfolg für sein System. Gemäß Kants Vorstellung basiert die Naturwissenschaft auf einem metaphysischen Fundament, dass aus dem kritischen System deduziert werden kann:

Все натурфилософы, которые хотели применять математический метод при решении своих задач, всегда пользовались (хотя и бессознательно) и должны были пользоваться метафизическими принципами, несмотря на то что вообще-то они торжественно оберегали свою науку от посягательств метафизики. Без сомнения, они понимали под метафизикой иллюзию, будто можно придумывать разные возможности по своему усмотрению или играть такими понятиями, которые, быть может, вовсе нельзя изобразить в созерцании и которые не имеют никакого иного подтверждения своей объективной реальности, кроме отсутствия внутреннего противоречия. Всякая подлинная метафизика черпается из самого существа мыслительной способности и из-за того, что не заимствуется из опыта, вовсе не есть фикция; она охватывает чистые акты мышления, стало быть априорные понятия и основоположения, единственно которые приводят многообразное [содержание] эмпирических представлений в закономерную связь, позволяющую этому многообразному стать эмпирическим познанием, т. е. опытом. Вот почему математические физики никак не могли обойтись без метафизических принципов, в том числе и таких, которые а priori делают применимым к внешнему опыту понятие их истинного предмета, т. е. материи; таковы понятия движения, наполнения пространства, инерции и т.п. Признание всех этих понятий подчиненными чисто эмпирическим основоположениям они справедливо считали несообразным и с той аподиктической достоверностью, которую они хотели придать своим законам природы, а потому предпочитали постулировать свои основоположения, не исследуя их априорных источников (AA 04, S. 472; Кант, 1994а, с. 254–255).

Решающее значение для проекта Канта имеет выведение трех законов механики. Кант извлекает их, применяя принципы «Критики чистого разума» к понятию материи. Для кантовской критики силы инерции и для его теории движения решающее значение имеют второй и третий законы. Закон инерции он выводит из применения принципа порождения (принцип временной последовательности согласно закону причинности во втором издании), а за-

Alle Naturphilosophen, welche in ihrem Geschäfte mathematisch verfahren wollten, haben sich daher jederzeit (obschon sich selbst unbekannt) metaphysischer Principien bedient und bedienen müssen, wenn sie sich gleich sonst wider allen Anspruch der Metaphysik auf ihre Wissenschaft feierlich verwahrten. Ohne Zweifel verstanden sie unter der letzteren den Wahn, sich Möglichkeiten nach Belieben auszudenken und mit Begriffen zu spielen, die sich in der Anschauung vielleicht gar nicht darstellen lassen, und keine andere Beglaubigung ihrer objectiven Realität haben, als daß sie blos mit sich selbst nicht im Widerspruche stehen. Alle wahre Metaphysik ist aus dem Wesen des Denkungsvermögens selbst genommen und keinesweges darum erdichtet, weil sie nicht von der Erfahrung entlehnt ist, sondern enthält die reinen Handlungen des Denkens, mithin Begriffe und Grundsätze a priori, welche das Mannigfaltige empirischer Vorstellungen allererst in die gesetzmäßige Verbindung bringt, dadurch es empirisches Erkenntniß, d. i. Erfahrung, werden kann. So konnten also jene mathematische Physiker metaphysischer Principien gar nicht entbehren und unter diesen auch nicht solcher, welche den Begriff ihres eigentlichen Gegenstandes, nämlich der Materie, a priori zur Anwendung auf äußere Erfahrung tauglich machen, als des Begriffs der Bewegung, der Erfüllung des Raums, der Trägheit, u.s.w. Darüber aber blos empirische Grundsätze gelten zu lassen, hielten sie mit Recht der apodiktischen Gewißheit, die sie ihren Naturgesetzen geben wollten, gar nicht gemäß, daher sie solche lieber postulirten, ohne nach ihren Quellen a priori zu forschen (MAN, AA 04, S. 472).

Von zentraler Bedeutung für das Projekt Kants ist dabei die Herleitung von drei Gesetzen der Mechanik. Diese gewinnt Kant, indem er die Grundsätze der *KrV* auf den Begriff der Materie anwendet. Für Kants Kritik der Trägheitskraft und seine Bewegungslehre sind das zweite und das dritte Gesetz entscheidend. Das Trägheitsgesetz leitet er aus der Anwendung des Grundsatzes der Erzeugung (in der B-Ausgabe der Grundsatz der Zeitfolge nach dem Gesetz der Kausali-

кон противодействия материи — из принципа одновременности согласно закону взаимодействия. И хотя Кант теперь выводит эти законы из критической философии, его размышления демонстрируют явные параллели с работой 1758 г. В целом Кант неоднократно возвращается в «Метафизических началах естествознания» к рассуждениям докритической фазы. Возможно, это связано с тем, что натурфилософия в это время уже не была как прежде в центре его исследований²⁶.

Здесь он также выступает против силы инерции и считает ее ненужной из-за закона взаимодействия. Влияние Эйлера на размышления Канта становится очевидным на основе параллелей в формулировках (см. об этом п. 2.2). Кант, как и Эйлер, ссылается на Кеплера как на создателя силы инерции:

Таково, следовательно, конструирование сообщения движения... В угоду ему другие ввели в естествознание особую силу материи под названием *силы инерции* (*vis inertiae*), какое впервые употребил Кеплер (AA 04, S. 549; Кант, 1994а, с. 352).

Следовательно, название *сила инерции* (*vis inertiae*), несмотря на славное имя того, кто ввел его в употребление, должно быть совершенно изгнано из естествознания... (AA 04, S. 550; Кант, 1994а, с. 354).

Параллели между формулировками Эйлера и Канта позволяют предположить, что Кант находится здесь под влиянием Эйлера, как и в 1758 г. (см. пояснения в п. 2.1 и Pollok, 2000, S. 385). Более того, можно также предположить, что Кант при написании «Механики» в «Метафизических началах естествознания» в дополнение опирался на «Письма к немецкой принцессе». Это становится ясно из дополнительных аргументов, выдвигаемых Кантом. Еще в 1758 г. Кант указал, что ссылка на силу инерции для

тät) her und das Gesetz der Gegenwirkung der Materien aus dem Grundsatz des Zugleichseins nach dem Gesetz der Wechselwirkung. Obwohl Kant diese Gesetze nun aus der kritischen Philosophie herleitet, zeigen seine Überlegungen starke Parallelen zu seiner Schrift von 1758. Generell greift Kant in den *MAN* immer wieder auf Überlegungen aus der vorkritischen Phase zurück. Dies mag damit zusammenhängen, dass die Naturphilosophie zu dieser Zeit nicht mehr so sehr in seinem Forschungsfokus lag wie zuvor.²¹

Auch hier argumentiert er gegen eine Trägheitskraft und hält sie aufgrund des Gesetzes der Wechselwirkung für unnötig. Der Einfluss Eulers auf Kants Überlegungen wird anhand von Parallelen in den Formulierungen deutlich (vgl. dazu 2.2). So referiert Kant, wie auch Euler, auf Kepler als Urheber der Trägheitskraft:

Dies ist also die Construction der Mittheilung der Bewegung [...] welchem zu Gefallen andere eine besondere Kraft der Materie dem von Kepler zuerst angeführten Namen Trägheitskraft (*vis inertiae*) in der Naturwissenschaft einführten [...] (*MAN*, AA 04, S. 549).

Die Benennung der Trägheitskraft (*vis inertiae*) muß also unerachtet des berühmten Namens ihres Urhebers aus der Naturwissenschaft gänzlich weggeschafft werden [...] (*MAN*, AA 04, S. 550).

Die Parallelen zwischen Eulers Formulierungen und denen Kants lassen darauf schließen, dass Kant hier, wie auch 1758, durch Euler beeinflusst ist (vgl. die Ausführungen in 2.1 und Pollok, 2000, S. 385). Zudem ist aber auch anzunehmen, dass Kant beim Abfassen der „Mechanik“ der *MAN* zusätzlich auf die *Briefe an eine deutsche Prinzessin* zurückgegriffen hat. Dies wird an den zusätzlichen Argumenten deutlich, die Kant nun anführt. Bereits 1758 hatte Kant angegeben, dass eine Referenz auf die Träg-

²⁶ См. об этом у М. Кюна: «Закончив написание этой рукописи, он перешел к другим делам» (Кюн, 2021, с. 416).

²¹ Vgl. hierzu Kühn (2003, S. 351): „Sobald er das Manuskript abgeschlossen hatte, wandte er sich anderen Themen zu.“

объяснения взаимодействия тел будет равносильна введению «скрытого качества», поэтому от нее следует отказаться. Он также упоминал о наличии других метафизических возражений против силы инерции, но не останавливался на них подробно. В этом фрагменте «Метафизических начал естествознания» он усматривает в инерции материи ее безжизненность:

Единственно этот механический закон следует называть законом *инерции* (*lex inertiae*)... *Инерция* материи есть и означает не что иное, как *безжизненность* материи самой по себе. *Жизнь* означает способность *субстанции* определять себя к деятельности, исходя из *внутреннего принципа*, способность *конечной субстанции* определять себя к изменению и способность *материальной субстанции* определять себя к движению или покою как перемене своего состояния. Но мы не знаем никакого другого внутреннего принципа субстанции, который побуждал бы ее изменять свое состояние, кроме *желания*, и вообще никакой другой внутренней деятельности, кроме *мышления*... Эти определяющие основания и деятельность не относятся, однако, к представлениям внешних чувств, а следовательно, не относятся и к определениям материи как материи. Стало быть, всякая материя как таковая *безжизненна* (AA 04, S. 544; Кант, 1994а, с. 346).

Здесь Кант выступает против виталистической концепции материи. Материя по своей природе инертна, и единственный внутренний принцип субстанции, мышление, не является предметом физики, которая в конце концов имеет дело с определениями материи в пространстве. Поэтому изменение материи всегда должно иметь *внешнюю* причину, так как в самой материи нет ничего, что могло бы изменить ее состояние. Изменение в движении тела может происходить только через пространственно-временную связь с другими телами. «Но причина эта [изменения движения] не может быть внутренней, ибо материя не имеет чисто внутренних определений и определяющих оснований. Стало быть, вся-

heidskraft zur Erklärung der Wechselwirkung zwischen Körpern dem Einführen einer *Qualitas occulats* gleichkäme, weshalb auf sie zu verzichten sei. Auch hatte er erwähnt, weitere metaphysische Einwände gegen die Trägheitskraft zu haben, diese aber nicht weiter ausgeführt. Hier in den *MAN* sieht er in der Trägheit der Materie ihre Leblosigkeit:

Dieses mechanische Gesetz muss allein das Gesetz der *Trägheit* (*lex inertiae*) genannt werden werden [...]. Die *Trägheit* der Materie ist und bedeutet nichts anders, als ihre *Leblosigkeit*, als Materie an sich selbst. *Leben* heißt das Vermögen einer *Substanz* sich aus einem *inneren Prinzip* zum Handeln, einer *endlichen Substanz* sich zur Veränderung, und einer *materiellen Substanz* sich zur Bewegung oder Ruhe, als Veränderung ihres Zustandes, zu bestimmen. Nun kennen wir kein anderes inneres Prinzip einer Substanz, ihren Zustand zu verändern, als das *Begehren*, und überhaupt keine andere innere Tätigkeit, als das *Denken* [...]. Diese Bestimmungsgründe aber und Handlungen gehören gar nicht zu den Vorstellungen äußerer Sinne und also auch nicht zu den Bestimmungen der Materie als Materie. Also ist Materie als solche *leblos* (*MAN*, AA 04, S. 544).

Кантwendet sich hier gegen eine vitalistische Materieauffassung. Материя ist intrinsisch inert, und das einzige innere Prinzip einer Substanz, das Denken, ist nicht Gegenstand der Physik, die es ~~doch~~ mit den Bestimmungen der Materie im Raum zu tun hat. Die Veränderung der Materie muss daher immer eine *äußere* Ursache haben, denn in der Materie selbst ist nichts, was ihren Zustand verändern könnte. Die Veränderung der Bewegung eines Körpers kann nur über die raumzeitliche Relation zu anderen Körpern geschehen. „Die Ursache [der Bewegungsänderung] aber kann nicht innerlich sein, denn die Materie hat keine schlechthin innere Bestimmungen und Bestimmungsgründe. Also ist alle Veränderung einer Materie auf äußere Ursachen

кое изменение материи основано на внешней причине...» (AA 04, S. 544; Кант, 1994а, с. 345). Кант подчеркивает, что изменения происходят под воздействием *внешних* причин. Он также указывает на особый статус души. Это ограничение силы *внешними* причинами встречается и у Эйлера, который в «Письмах к немецкой принцессе», возражая монадистам, обращает внимание на то, что силы представляют собой *внешние* причины²⁷, а также на то, что материю, таким образом, необходимо полностью отличать от души (см.: Эйлер, 2002, с. 148–157, № 71–74). Это позволяет предположить, что Кант при написании «Механики» в «Метафизических началах естествознания» также опирался на «Письма к немецкой принцессе», хотя он и основывает свои рассуждения на критической философии: силы могут действовать только через пространственно-временные отношения и не являются внутренними состояниями.

Итак, Кант расширяет концепцию движения, согласно которой движения всегда должны рассматриваться в системе центра тяжести: система центра тяжести должна рассматриваться как абсолютное пространство — в 1758 г. этого рассуждения у Канта еще не было. В четвертом разделе, в «Феноменологии», абсолютное пространство называется у Канта «не более чем *идея*» (AA 04, S. 559; Кант, 1994а, с. 363). Каждая система центра тяжести должна рассматриваться как часть более широкой системы тел. Поскольку существует не бесконечное число тел, мы никогда не приходим к конечному абсолютному пространству, поэтому оно остается точкой назначения. Как цитируется в п. 3.2, Кант пишет о размышлениях Эйлера о пространстве и времени, что эта работа «не вполне достигает своей цели» (AA 02, S. 378; Кант, 1994г, с. 269),

²⁷ «Когда состояние тела меняется, причину этого никогда не следует искать внутри самого тела: причина находится всегда вовне. Таково истинное представление, которое мы должны себе составить о силе» (Эйлер, 2002, с. 157, № 74).

gegründet [...]» (MAN, AA 04, S. 544). Кант betont, dass Veränderung durch *äußere* Ursachen erfolgt. Ebenso betont er den Sonderstatus der Seele. Diese Beschränkung der Kraft auf *äußere* Ursachen findet sich auch bei Euler, der in den *Briefen an eine deutsche Prinzessin* gegen die Monadisten betont, dass Kräfte äußere Ursachen seien²², aber auch, dass die Materie daher vollkommen von der Seele zu unterscheiden sei (vgl. Euler, 1986, S. 77-80, Nr. 71-74). Dies legt nahe, dass Kant beim Abfassen der „Mechanik“ der MAN auch die *Briefe an eine deutsche Prinzessin* herangezogen hat, wenn er auch seine Überlegungen aus der kritischen Philosophie heraus begründet: Kräfte können nur über raumzeitliche Relationen wirken und sind keine inneren Zustände.

Die Bewegungskonzeption, nach der Bewegungen immer im Schwerpunktsystem zu betrachten sind, wird von Kant nun aber noch erweitert: Das Schwerpunktsystem ist als absoluter Raum zu betrachten, eine Überlegung, die sich 1758 bei Kant noch nicht fand. Im vierten Hauptstück, der Phänomenologie, nennt Kant den absoluten Raum eine ‚*bloße Idee*‘ (MAN, AA 04, S. 559). Jedes Schwerpunktsystem muss als Teil eines umfassenderen Systems an Körpern gesehen zu werden. Da es eine nicht-endliche Anzahl an Körpern gibt, kommen wir niemals bei einem letzten absoluten Raum an, er bleibt demnach ein Zielpunkt. Wie in 3.2 zitiert, schreibt Kant über Eulers Reflexionen über Raum und Zeit, dass diese Schrift „ihren Zweck nicht völlig erreicht“ (GUGR, AA 02, S. 378), da sie „die nicht mindere Schwierigkeiten unberührt läßt, welche bei der Anwendung gedachter Gesetze übrig bleiben, wenn man sie nach dem Begriffe des absoluten Raumes *in concreto*

²² „So oft der Zustand eines Körpers verändert wird, muß man die Ursache davon nicht im Körper, sondern außer ihm suchen; und diese Ursache ist eben das was man Kraft nennt“ (Euler, 1986, S. 80, Nr. 74).

так как она «обходит не меньшие трудности, остающиеся при применении упомянутых законов, когда их хотят представить in concreto в соответствии с понятием абсолютного пространства» (AA 02, S. 378; Кант, 1994г, с. 270). Эта проблема применения законов движения к абсолютному пространству в силу его однородности решается в 1786 г. третьим законом механики, состоящим в том, что абсолютное пространство рассматривается в механике как система центра тяжести, а в феноменологии — как идея всеобъемлющей системы центра тяжести.

Вывод

На вопрос о том, существует ли сила инерции, присущая телам, Эйлер и Кант отвечают отрицательно. Однако оба мыслителя изначально не отвергают силу инерции. Хотя Эйлер критикует силу инерции в самом начале, он иногда сам использует это понятие. Как и во взглядах на абсолютное пространство, он позиционирует себя в этом вопросе только в контексте своего спора с монадистами. Сила инерции становится свойством инерции, а понятие силы ограничивается внешними причинами. Это уточнение понятий является новаторским для развития классической механики. Кант в ранних работах предполагает существование силы инерции, а также отстаивает релятивистскую теорию пространства. Только к концу 1750-х гг., вероятно, под влиянием Эйлера, он осознает проблему теории пространства и движения и отвергает силу инерции. Эйлеровская критика философии своего времени также оказала существенное влияние на критический проект Канта, ставившего цель вывести из своей критической философии возможность естествознания. Кантовскую заключительную критику силы инерции и его собственную концепцию движения, таким образом, можно среди прочего соотнести с его критическим рассмотрением трудов Эйлера.

vorstellen will“ (GUGR, AA 02, S. 378). Dieses Problem der Anwendung der Bewegungsgesetze auf den absoluten Raum aufgrund von dessen Homogenität wird nun 1786 durch das dritte Gesetz der Mechanik gelöst, indem der absolute Raum in der Mechanik als Schwerpunktsystem und in der Phänomenologie als Idee eines umfassenden Schwerpunktsystems gesehen wird.

Fazit

Die Frage, ob es eine den Körpern innewohnende Trägheitskraft gibt, wird sowohl von Euler als auch von Kant verneint. Beide Denker lehnen die Trägheitskraft jedoch nicht von vornherein ab. Während Euler schon früh die Trägheitskraft kritisiert, verwendet er den Begriff mitunter selbst. Ähnlich wie hinsichtlich des absoluten Raumes, positioniert er sich zu dieser Frage erst im Rahmen seiner Auseinandersetzung mit den Monadisten. Aus der Trägheitskraft wird die Eigenschaft der Trägheit, und der Kraftbegriff wird auf äußere Ursachen beschränkt. Diese Begriffsspezifizierung ist wegweisend für die Entwicklung der klassischen Mechanik. Der frühe Kant geht von der Existenz einer Trägheitskraft aus und vertritt zudem eine relationalistische Raumtheorie. Erst gegen Ende der fünfziger Jahre des achtzehnten Jahrhunderts entwickelt er, wohl unter dem Einfluss Eulers, ein Problembewusstsein für die Raum- und Bewegungstheorie und lehnt eine Trägheitskraft ab. Eulers Kritik an der Philosophie seiner Zeit hat aber auch einen wichtigen Einfluss auf das kritische Projekt Kants, der die Möglichkeit der Naturwissenschaft aus seiner eigenen, kritischen Philosophie herleiten will. Seine endgültige Kritik der Trägheitskraft und seine eigene Bewegungskonzeption lassen sich dabei u.a. auf seine Auseinandersetzung mit den Schriften Eulers zurückführen.

Список литературы

- Кант И. Метафизические начала естествознания // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994а. Т. 4. С. 247–372.
- Кант И. Мысли об истинной оценке живых сил // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994б. Т. 1. С. 51–82.
- Кант И. Новая теория движения и покоя // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994в. Т. 1. С. 369–382.
- Кант И. О первом основании различия сторон в пространстве // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994г. Т. 2. С. 267–276.
- Кант И. Физическая монадология // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994д. Т. 1. С. 313–332.
- Кюн М. Кант: биография. М. : Дело (РАНХиГС), 2021.
- Ньютон И. Математические начала натуральной философии / [пер. с лат. и коммент. А. Н. Крылова, под ред. Л. С. Полака]. М. : Наука, 1989.
- Эйлер Л. Основы динамики точки. М. ; Л. : НТИ-НИИП-СССР, 1938.
- Эйлер Л. Письма к немецкой принцессе о разных физических и философских материях. СПб. : Наука, 2002.
- Carrier M. Kant's Relational Theory of Absolute Space // Kant-Studien. 1992. Bd. 83, H. 4. P. 399–416.
- Carrier M. Raum-Zeit. Berlin : De Gruyter, 2009.
- Cassirer E. Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit // Gesammelte Werke. Bd. 3.2 / hrsg. von B. Recki. Hamburg : Meiner, 1999.
- Euler L. Vernünfftige Gedanken von dem Raume, dem Orth, der Dauer und der Zeit / übers. von G. H. Schwan. Quedlinburg : bey G. H. Schwans Wittwe, 1763.
- Euler L. Anleitung zur Natur-Lehre, worin die Gründe zu Erklärung aller in der Natur sich ereignenden Begebenheiten und Veränderungen festegesetzt werden // Leonhardi Euleri opera postuma mathematica et physica. Tomus Alter, quae Academiae Scientiarum Petropolitanae obtulerunt ejusque auspiciis ediderunt auctoris pronepotes P. H. Fuss et N. Fuss. Petropoli : Eggers et Socios ; Lipsiae : Voss, 1862.
- Euler L. Gedancken von den Elementen der Körper, in welchem das Lehr-Gebäude von den einfachen Dingen und Monaden geprüft, und das wahre Wesen der Körper entdeckt wird // Leonhardi Euleri opera omnia sub auspiciis societatis scientiarum naturalium helveticae. Series 3: Opera physica, miscellanea, epistolae, Vol. 2: Rechenkunst / ed. E. Hoppe, K. Matter, J. J. Burckhardt. Lipsiae ; Berolini : B. G. Teubner; Turici ; Lipsiae : Orell Füssli, 1942. P. 347–366.

Literatur

- Carrier, M., 1992. Kant's Relational Theory of Absolute Space. *Kant-Studien*, 83(4), S. 399-416.
- Carrier, M., 2009. *Raum-Zeit*. Berlin: De Gruyter.
- Cassirer, E., 1999. Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit. In: E. Cassirer, 1999. *Gesammelte Werke*. 3.2. Hg. von B. Recki. Hamburg: Meiner.
- Euler, L., 1746a. *A solution to the problem of whether or not the faculty of thought can be attributed to matter, based on principles of mechanics*. Übersetzt von J. McAlhany, 2018. Available at: The Euler Archive <<https://scholarlycommons.pacific.edu/cgi/viewcontent.cgi?filename=0&article=1089&context=euler-works&type=additional>> (accessed 6 December 2021).
- Euler, L., 1746b. *Gedancken von den Elementen der Körper, in welchem das Lehr-Gebäude von den einfachen Dingen und Monaden geprüft, und das wahre Wesen der Körper entdeckt wird*. In: *Leonhardi Euleri opera omnia sub auspiciis societatis scientiarum naturalium helveticae. Series 3: Opera physica, miscellanea, epistolae, Volume 2: Rechenkunst*. Ed. E. Hoppe, K. Matter, J. J. Burckhardt, Genevae 1942. Lipsiae et Berolini: B. G. Teubner; Turici et Lipsiae: Orell Füssli, pp. 347-366.
- Euler, L., 1763. *Vernünfftige Gedancken von dem Raume, dem Orth, der Dauer und der Zeit*. Übers. von G. H. Schwan. Quedlinburg: bey G. H. Schwans Wittwe.
- Euler, L., 1848. *Mechanik oder analytische Darstellung der Wissenschaft von der Bewegung. Erste Theil*. Hg. von J. P. Wolfers. Greifswald: Koch's Verlagshandlung.
- Euler, L., 1853. *Mechanik oder analytische Darstellung der Wissenschaft von der Bewegung. Dritter Theil: Theorie der Bewegung fester und starrer Körper*. Hg. von J. P. Wolfers. Greifswald: Koch's Verlagshandlung.
- Euler, L., 1862. *Anleitung zur Natur-Lehre, worin die Gründe zu Erklärung aller in der Natur sich ereignenden Begebenheiten und Veränderungen festegesetzt werden*. In: *Leonhardi Euleri opera postuma mathematica et physica. Tomus Alter, quae Academiae Scientiarum Petropolitanae obtulerunt ejusque auspiciis ediderunt auctoris pronepotes P. H. Fuss et N. Fuss. Petropoli: Eggers et Socios; Lipsiae: Voss*.
- Euler, L., 1986. *Briefe an eine deutsche Prinzessin über verschiedene Gegenstände aus der Physik und Philosophie*. Hg. von A. Speiser. Braunschweig: Vieweg.
- Fischer, H.-P., 1985. Kant an Euler. *Kant-Studien*, 76(2), S. 214-219.

Euler L. A Solution to the Problem of Whether or Not the Faculty of Thought Can Be Attributed to Matter, Based on Principles of Mechanics / transl. by J. McAlhany // The Euler Archive, 2018. URL: <https://scholarlycommons.pacific.edu/cgi/viewcontent.cgi?filename=0&article=1089&context=euler-works&type=additional> (дата обращения: 06.12.2021).

Fischer H.-P. Kant an Euler // Kant-Studien. 1985. Bd. 76, H. 2. S. 214–219.

Friedman M. Kant and the Exact Science. Cambridge : Harvard University Press, 1992.

Goldenbaum U. Appell an das Publikum. Die öffentliche Debatte in der deutschen Aufklärung 1687–1796. Berlin : Akademie, 2004.

Görg E. Raum, Gott, Gravitation. Eine Untersuchung zum Verhältnis von Wissenschaft und Metaphysik anhand des ‚absoluten Raumes‘ von Newton über Kant zu Fries. Stuttgart : Franz Steiner, 2018.

Kutschmann W. Die Newtonsche Kraft. Metamorphose eines wissenschaftlichen Begriffs. Wiesbaden : Steiner, 1983.

Pollok K. Anmerkung des Herausgebers // Kant I. Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft. Hamburg : Meiner, 1997. S. 127–149.

Pollok K. Kants ‚Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft‘. Ein kritischer Kommentar. Hamburg : Meiner, 2000.

Pulte H. Das Prinzip der kleinsten Wirkung und die Kraftkonzeption der rationalen Mechanik: Eine Untersuchung zur Grundlegungsproblematik bei Leonhard Euler, Pierre Louis Moreau de Maupertuis und Joseph Louis Lagrange. Stuttgart : Steiner, 1989.

Pulte H. Die Newton-Rezeption in der rationalen Mechanik des 18. Jahrhunderts. Wissenschaftstheoretische, -historische und -historiographische Reflexionen zu einem kontroversen Thema // Beiträge zur Geschichte von Technik und technischer Bildung. Folge 7 / hrsg. von K. Steinbock. Leipzig : Hochschule für Technik, Wirtschaft und Kultur, 1993. S. 33–59.

Speiser A. Einleitung zu Briefe an eine deutsche Prinzessin // Euler L. Briefe an eine deutsche Prinzessin über verschiedene Gegenstände aus der Physik und Philosophie / hrsg. von A. Speiser. Braunschweig : Vieweg, 1986. S. XXI–XLV.

Watkins E. The Laws of Motion from Newton to Kant // Perspectives on Science. 1997. Vol. 5, № 3. P. 311–348.

Watkins E. Kant's Justification of the Laws of Mechanics // Studies in History and Philosophy of Science. 1998. Vol. 29, № 4. P. 539–560.

Friedman, M., 1992. *Kant and the Exact Science*. Cambridge: Harvard University Press.

Goldenbaum, U., 2004. *Appell an das Publikum. Die öffentliche Debatte in der deutschen Aufklärung 1687–1796*. Berlin: Akademie Verlag.

Kant, I., 1968. Der Gebrauch der Metaphysik, sofern sie mit der Geometrie verbunden ist, in der Naturphilosophie, dessen erste Probe die physische Monadologie enthält. In: *Immanuel Kant: Werke in zehn Bänden. Bd. 1: Vorkritische Schriften bis 1768. Erster Teil*. Übers. und hg. von W. Weischedel. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, S. 511–568.

Kühn, M., 2007. *Kant. Eine Biografie*. München: dtv.

Kutschmann, W., 1983. *Die Newtonsche Kraft. Metamorphose eines wissenschaftlichen Begriffs*. Wiesbaden: Steiner.

Newton, I., 1999. *Die mathematischen Prinzipien der Physik*. Übers. und hg. von V. Schüller. Berlin: De Gruyter.

Pollok K., 1997. Anmerkung des Herausgebers. In: I. Kant. *Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft*. Hamburg: Meiner, S. 127–149.

Pollok, K., 2000. *Kants Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft. Ein kritischer Kommentar*. Hamburg, Meiner.

Pulte, H., 1989. *Das Prinzip der kleinsten Wirkung und die Kraftkonzeption der rationalen Mechanik: Eine Untersuchung zur Grundlegungsproblematik bei Leonhard Euler, Pierre Louis Moreau de Maupertuis und Joseph Louis Lagrange*. Stuttgart: Steiner.

Pulte, H., 1993. Die Newton-Rezeption in der rationalen Mechanik des 18. Jahrhunderts. Wissenschaftstheoretische, -historische und -historiographische Reflexionen zu einem kontroversen Thema. In: K. Steinbock, Hg. 1993. *Beiträge zur Geschichte von Technik und technischer Bildung. Folge 7*. Leipzig: Hochschule für Technik, Wirtschaft und Kultur, S. 33–59.

Speiser, A., 1986. Einleitung. In: *Briefe an eine deutsche Prinzessin über verschiedene Gegenstände aus der Physik und Philosophie*. In: L. Euler, 1986. *Briefe an eine deutsche Prinzessin über verschiedene Gegenstände aus der Physik und Philosophie*. Hg. von A. Speiser. Braunschweig: Vieweg, S. XXI–XLV.

Watkins, E., 1997. The Laws of Motion from Newton to Kant. *Perspectives on Science*, 5(3), pp. 311–348.

Watkins, E., 1998, Kant's Justification of the Laws of Mechanics. *Studies in History and Philosophy of Science*, 29(4), pp. 539–560. [https://doi.org/10.1016/S0039-3681\(98\)00042-9](https://doi.org/10.1016/S0039-3681(98)00042-9)

Watkins E. The Early Kant's (anti-) Newtonianism // *Studies in History and Philosophy of Science*. 2012. Vol. 44, № 3. P. 429–437.

Westfall R. *Force in Newton's Physics: The Science of Dynamics in the Seventeenth Century*. L. : American Elsevier, 1971.

Об авторе

Эрдман Гёрг, доктор философии, Рурский университет Бохума, Бохум, Германия.

E-mail: erdmann.goerg@googlemail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9015-3945>

О переводчике

Ирина Геннадьевна Черненко, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ichernenok@kantiana.ru

Для цитирования:

Гёрг Э. Инерция и пространство: Кант и Эйлер // Кантовский сборник. 2022. Т. 41, № 2. С. 7–41.

doi: [10.5922/0207-6918-2022-2-1](https://doi.org/10.5922/0207-6918-2022-2-1)

© Гёрг Э., 2022.

Watkins, E., 2012. The Early Kant's (anti-) Newtonianism. *Studies in History and Philosophy of Science*, 44(3), pp. 429-437. <https://doi.org/10.1016/j.shpsa.2012.10.015>

Westfall, R., 1971. *Force in Newton's Physics: The Science of Dynamics in the Seventeenth Century*. London: American Elsevier.

The author

Dr Erdmann Görg, Ruhr-University Bochum, Germany.

E-mail: erdmann.goerg@googlemail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9015-3945>

To cite this article:

Görg, E., 2022. Trägheit und Raum: Kant und Euler. *Kantian Journal*, 41(2), pp. 7-41

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2022-2-1>

© Görg E., 2022.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ОТ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ К КРИТИЧЕСКОЙ
МЕТАФИЗИКЕ ПРИРОДЫ.
ЛАМБЕРТ И КАНТ

Г. Штининг¹

В середине 1760-х гг. Иоганн Генрих Ламберт написал письмо Канту, предложив сотрудничество с целью реформирования метафизики. Короткая переписка между двумя философами позволяет показать, что это сотрудничество никогда не могло осуществиться. Тем не менее исследователи иногда выдвигали тезис о решающем влиянии Ламберта на «Метафизические основания естествознания» Канта, прежде всего с точки зрения критических моментов в этой естественно-научной теории по отношению к ньютоновской. Однако этот тезис может быть подтвержден только для отдельных теорем – например, о соотношении сил притяжения и отталкивания, хотя причины отклонения Ламберта и Канта от ньютоновской теории тяготения различны. Ведь в своих основных чертах трансцендентальная метафизика природы Канта существенно отличается от математической методологии ламбертовской теории природы. Кроме того, Ламберт всю жизнь придерживался автономной естественной телеологии, следуя за Х. Вольфом, что стало принципиально невозможным с появлением «Критики чистого разума». Потому что мудрое «намерение творца», без которого эмпирико-рационалистическая космология Ламберта не могла и не хотела обходиться, больше не могло упоминаться в рациональном контексте в соответствии с «Критикой чистого разума». Даже если Ламберт использовал моменты кантовской теории материи или, как признавал сам Кант, элементы пространственной теории первой «Критики», от его математизации метафизики и его естественной телеологии нет пути к фундаментальной инновации «Метафизических оснований...».

Ключевые слова: Ламберт, Кант, реформа метафизики, философия математики, теория материи, теория сил, теологическая телеология природы

¹ Мюнхенский университет им. Людвига и Максимилиана. Германия, D-80539, Мюнхен, Гешвистер-Шоль-плац, д. 1. Поступила в редакцию: 23.07.2021 г. doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-2

VON DER MATHEMATISCHEN ZUR
KRITISCHEN METAPHYSIK DER NATUR.
LAMBERT UND KANT

G. Stiening¹

In the mid-1760s, Johann Heinrich Lambert wrote a letter to Kant who offered cooperation with a view to reforming metaphysics. Based on the short correspondence between the two philosophers, it can be shown that this cooperation could never really come about. Nevertheless the thesis was sometimes put forward in research that Lambert had a defining influence on Kant's *Metaphysical Foundations of Natural Science*, also, and above all, with regard to the Newton-critical moments of this natural theory. However, this thesis can only be confirmed in relation to individual theorems, such as the relationship between attraction and repulsion force, even though the reasons for Lambert and Kant's deviation from Newton's theory of gravity also differ. For in its main features the transcendental metaphysics of Kant's nature is substantially different from the mathematical methodology of Lambert's theory of nature. In addition, Lambert stuck throughout his life to a theonomous natural teleology in the succession of Wolff, which was fundamentally made impossible by the *Critique of Pure Reason*: because the wise "intention of the creator", which Lambert's empirical-rationalistic cosmology could not and did not want to do without, could no longer be referred to in a rational context according to the *Critique of Pure Reason*. Even if Lambert certainly had moments of the Kantian theory of matter or – as Kant himself admitted – elements of the spatial theory of the first *Critique*, there is no way from his mathematisation of metaphysics and his natural teleology to the fundamental innovation of the *Metaphysical Foundations*.

Keywords: Lambert, Kant, reform of metaphysics, philosophy of mathematics, theory of matter, theory of forces, theological teleology of nature

¹ Ludwig Maximilian University of Munich. Geschwister-Scholl-Platz 1, Munich, 80539, Germany. Received: 23.07.2021. doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-2

[Я] полностью уступлю поэтам право сочинить астрономический роман из моих размышлений об устройстве мира.

*И. Г. Ламберт.
Космологические письма*

1. Введение: упущенные шансы

Отношения между Иммануилом Кантом и Иоганном Генрихом Ламбертом — это прежде всего один из упущенных шансов: они никогда не встречались, потому что Ламберт после своего приглашения в Академию наук в 1765 г. больше не покидал Берлин, тогда как Кант, как известно, находился в Кёнигсберге. А те немногие дошедшие до нас письма — вероятно, только ими и обменялись оба философа — свидетельствуют, что возможность более интенсивной переписки была досадно упущена. В своем письме от 13 ноября 1765 г. уже известный в то время Ламберт по собственной инициативе сделал своему коллеге из Кёнигсберга, пока еще не имевшему постоянной должности, весьма заманчивое предложение о сотрудничестве. Он прямо написал в конце письма:

...мне будет весьма приятно, если время и дела позволят Вам дать мне повод для обмена письмами. Космология, метафизика, физика, математика, науки о прекрасном с их правилами и т.д., короче говоря, любое предложение для нового научного поиска, а также любой повод для любезности. До сих пор мы занимались почти одним и тем же исследованием, сами того не зная. Разве не будет лучше, если мы будем оповещать друг друга о планах. Как легко согласиться с выводами, когда есть единство относительно причин, и как решительно тогда может задаваться тон. Вольф применил к философии примерно половину математического метода. Со второй половиной еще предстоит поработать, так что у нас есть то, к чему нужно стремиться (AA 10, S. 54).

[I]ch werde es den Dichtern überlassen, aus meinen Betrachtungen über den Weltbau vollends einen astronomischen Roman zu machen.

*J. H. Lambert.
Kosmologische Briefe*

1. Zur Einführung: Verpasste Chancen

Das Verhältnis zwischen Kant und Lambert ist auch und vor allem eines der verpassten Chancen: Sie sind sich nie begegnet, denn Lambert hat nach seiner Berufung an die Akademie der Wissenschaften im Jahre 1765 Berlin nicht mehr verlassen und auch Kants Königsberger Immobilität ist weithin bekannt. Selbst die wenigen Briefe, die erhalten sind — sie sind wohl die einzigen, welche die beiden Philosophen austauschten —, dokumentieren das Verpassen und Versäumen eines intensiveren Austausches. Dabei hatte der damals schon berühmte Lambert mit seinem initiativen Brief vom 13. November 1765 dem Königsberger Kollegen, der noch keineswegs eine feste Anstellung hatte, ein höchst attraktives Angebot zur Zusammenarbeit gemacht; er hatte nämlich zum Ende des Briefes ausdrücklich festgehalten,

daß es mir sehr angenehm sein wird, wenn Ihnen Zeit und Geschäfte erlauben mir jede beliebige Anlässe zu einem Briefwechsel zu geben. Cosmologie, Metaphysic, Physick, Mathematick, die schönen Wissenschaften mit deren Regeln &c. kurz jede Anschläge zu neuen Ausarbeitungen, so wie auch jede Anlässe zu Gefälligkeiten. Wir verfielen ja bißher fast auf einerley Untersuchungen, ohne es zu wissen. Sollte es damit nicht besser vonstatten gehen, wenn wir es einander voraus sagen. Wie leicht wird man in den Folgen einig, wenn man in den Gründen eins ist, und wie nachdrücklich läßt sich sodann der Ton geben. Wolf hat ungefehr die Helffte der Mathematischen Methode in der Philosophie angebracht. Es ist noch um die andere Helffte zu thun, so haben wir was wir verlangen können (Br, AA 10, S. 54).

Это предложение всеобъемлющего сотрудничества тем не менее относится прежде всего к тому, что годы спустя Кант назвал² «реформой метафизики»³, или к тому, что весьма выскатательно обозначено в его ответном письме от 1765 г. как «метод для метафизики, а затем и для философии в целом» (AA 10, S. 56; Кант, 1994б, с. 472). Иоганн Николаус Тетенс уже в начале 1760-х гг. тоже засвидетельствовал, что оба философа работают над одним и тем же или даже хотят сотрудничать в области обновления метафизики (см.: Tetens, 1760). При этом они намереваются прояснить возникшую прежде всего из-за Вольфа двусмысленность в отношении тех объектов, которые должны трактоваться метафизикой как наукой. Вопреки тенденции сохранения вольфианства, с одной стороны, и постепенного внедрения строгого эмпиризма — с другой, Кант, Ламберт и Тетенс с 1760-х гг. искали пути реформирования «метафизики, которая сможет появиться как наука».

Несмотря на все восторженные высказывания по поводу общих интересов — в том числе в плане критики⁴, — Кант выдержал паузу не менее пяти лет, прежде чем возобновил переписку, уведолив Ламберта письмом по поводу отправки экземпляра диссертации 1770 г. В качестве оправдания своего долгого молчания Кант сообщил, что ему сначала нужно отыскать познание, о котором говорится в диссертации, чтобы иметь возможность продвигать намеченное сотрудничество в вопросах метафизики. Во всяком случае это также означает, что опубликованное в 1766 г. сочинение «Грезы духовидца», которое Ламберт кстати настоятельно всем рекомендовал⁵, Кант не рассма-

² В письме Иоганну Бернулли от 16 ноября 1781 г. (AA 10, S. 277).

³ См. об этом, напр.: (Kuliniak, 2014).

⁴ Имеется в виду прежде всего засвидетельствованное обоими философами в публичных дебатах 1760-х гг. господство «прекрасных наук», которое оба подвергли резкой критике.

⁵ В письме Ламберта М. Холланду от 7 апреля 1766 г. говорится: «Вскоре после отправки моего последнего письма я получил небольшой трактат магистра И. Канта “Грезы духовидца, поясненные грезами ме-

Das Angebot zur Kooperation ist umfassend und bezieht sich doch vor allem auf das, was Kant noch Jahre später als „reforme der Metaphysik“² bezeichnen sollte,³ bzw. was er in seinem Antwortbrief von 1765 als „Methode der Metaphysik und vermitteltst derselben auch der gesamten Philosophie“ nicht eben bescheiden umriss (Br, AA 10, S. 56). Beide Philosophen arbeiten mithin an einer bzw. wollen gar kooperieren im Hinblick auf eine Erneuerung der Metaphysik, wie dies auch Johann Nikolaus Tetens seit Anfang der 1760er Jahre bekundet (vgl. Tetens, 1760). Dabei beabsichtigen sie, die vor allem durch Wolff eingetretene Unklarheit über jene Gegenstände, die von einer Metaphysik als Wissenschaft zu behandeln sind, aufzuklären. Gegen den Trend der Fortsetzung des Wolffianismus einerseits und der allmählichen Durchsetzung eines strengen Empirismus andererseits suchen Kant, Lambert und Tetens schon seit den 1760er Jahren nach Wegen zu einer Reform der ‚Metaphysik, die als Wissenschaft wird auftreten können‘.

Doch bei allen enthusiastischen Bekundungen gemeinsamer Interessen — auch in kritischer Hinsicht⁴ — lässt Kant immerhin fünf Jahre verstreichen, ehe er den Kontakt mit einem Brief an Lambert anlässlich der Übersendung eines Exemplars der Dissertation von 1770 erneuert. Kant begründet sein langes Schwiegen damit, die in der Dissertation ausgebreiteten Erkenntnisse erst gefunden haben zu müssen, um die anvisierte Kooperation in Sachen Metaphysik vorantreiben zu können. Immerhin bedeutet das auch, dass er seine 1766 publizierten *Träume eines Geistersehers*, die Lambert gegenüber Dritten im Übrigen ausdrücklich belobigt,⁵ nicht als Teil dieser Arbeit an der Reform

² So Kant in einem Brief an Johann Bernoulli vom 16. November 1781 (Br, AA 10, S. 277).

³ Siehe hierzu u. a. Kuliniak (2014).

⁴ Das bezieht sich vor allem auf die von beiden bekundete Dominanz der „schönen Wissenschaften“ in den öffentlichen Debatten der 1760er Jahre, an der beide kein gutes Haar lassen.

⁵ Brief an M. Holland vom 7. April 1766, in Lambert (1781, S. 136): „Ich habe kurz nach Versendung meines letztern Schreibens ein Tractätchen erhalten: *Träume der*

тривал как часть той самой работы по реформе метафизики — или же контакт с Ламбертом был для него менее важным, чем это следует из его эпистолярной риторики. В сопроводительном письме от 2 сентября 1770 г. указание Канта на то, что впредь он будет сконцентрирован на «чистой моральной философии», где полностью отсутствуют эмпирические принципы (AA 10, S. 96; Кант, 1994б, с. 481), может укрепить это предположение, поскольку Ламберт не сделал ничего новаторского в этой области⁶. Однако ответ Ламберта на письмо и диссертацию, особенно в отношении идеальности пространства, окажет заметное влияние на дальнейшее систематическое развитие философии Канта. И хотя в этой связи обе стороны вновь провозгласили большую заинтересованность в «будущих совместных исследованиях» (AA 10, S. 103), контакт между двумя самопровозглашенными реформаторами метафизики окончательно оборвался в 1770 г.

Причины провала подлинного сотрудничества, безусловно, многообразны; с одной стороны, оба философа развивали свои мысли в процессе интенсивного общения с самим собой; «постепенное вызревание мыслей в ходе высказывания»⁷, то есть в диалоге с друзьями и коллегами, ни для одного из этих мыслителей не характерно. Даже публично Ламберт рассуждал без оглядки на собеседников⁸, Кант же использовал общительность прежде всего для того, чтобы отвлечься⁹. Кроме того, оба,

тафизики”. Этот житейски мудрый человек, с которым у меня среди прочих самый схожий образ мыслей, также предлагает картину мира Коменского, чтобы создать образ человеческой души, если хотите. Я сразу решил рассказать Вам об этом оригинальном трактате и в особенности указать на это место» (Lambert, 1781, S. 136).

⁶ Об этом см. в первую очередь: (Walschots, 2022).

⁷ Формулировка из названия известного эссе Генриха фон Клейста (Kleist, 1987).

⁸ Об этом см. в биографическом очерке, написанном, вероятно, Адамом Фридрихом Христианом Рейнхардом (Reinhard, 1779).

⁹ Об этом см. всё еще никем не превзойденные комментарии в работе Форлендера: (Vorländer, 1992, S. 296–311).

der Metaphysik betrachtete — oder aber, dass er den Kontakt zu Lambert für weniger bedeutsam hielt, als seine Briefrhetorik vermuten lässt. Der in dem Begleitbrief vom 2. September 1770 getane Hinweis zur zukünftigen Konzentration auf die „reine moralische Weltweisheit“, in der „keine empirischen Prinzipien“ anzutreffen sein dürften (Br, AA 10, S. 96), vermag diesen Eindruck zu verstärken, hatte Lambert auf diesem Felde doch wenig Innovatives geliefert.⁶ Allerdings wird dessen Antwort auf Brief und Dissertation insbesondere im Hinblick auf die Idealität des Raumes einen merklichen Einfluss auf die weitere systematische Entwicklung der Philosophie Kants nehmen. Obwohl zu diesem Anlass das Bekunden an dem großen Interesse an „künftigen gemeinschaftliche Ausarbeitungen“ (Br, AA 10, S. 103) von beiden Seiten erneuert wird, bricht der Kontakt zwischen den beiden selbsternannten Reformatoren der Metaphysik 1770 endgültig ab.

Die Gründe für dieses Misslingen einer echten Zusammenarbeit sind sicherlich vielfältig; zum einen entwickelten beiden Philosophen ihre Gedanken eher in einem intensiven Selbstverhältnis; eine „allmähliche Verfertigung der Gedanken beim Reden“⁷ also im Dialog mit Freunden und Kollegen, ist von beiden Meisterdenkern nicht bekannt. Lambert sprach auch in Gesellschaft ohne jede Rücksicht auf seine Gesprächspartner,⁸ und Kant bediente sich der Geselligkeit vor allen zur Ablenkung.⁹ Darüber

Geisterseher durch Träume der Metaphysik von M. I. Kant. Dieser Weltweise, mit dem ich unter allen die ähnlichste Gedenkart habe, schlägt darinn ebenfalls des Comenii orbem pictum vor, um sich, wenn man will, ein Bild von der menschlichen Seele zu machen. Ich faßte von da an den Entschluß, Ihnen von diesem an sich originalen Tractäthen Erwähnung zu tun, und besonders diese Stelle anzuführen.“

⁶ Vgl. hierzu demnächst Walschots (2022).

⁷ So der Titel des berühmten Essays von Kleist (1987, S. 319-324).

⁸ Siehe hierzu die vermutlich von Adam Friedrich Christian Reinhard verfasste biographische Skizze in Reinhard (1779, S. 27-53).

⁹ Vgl. hierzu die nach wie vor unübertroffenen Ausführungen bei Vorländer (1992, S. 296-311).

судя по всему, вскоре признали, что предпосылки, причины, цели и процедуры, которые связывали их с одним и тем же намерением, а именно с реформой метафизики, были совершенно разными. Например, когда Ламберт писал, имея в виду Канта, что «Вольф применил к философии примерно половину математического метода. Со второй половиной еще предстоит поработать» (AA 10, S. 54), то Кант уже в 1765 г. знал, что такой путь радикальной математизации метафизики и философии в целом не может быть его методом, ибо достоверности, особенно в области практической философии, нельзя достичь посредством ее математизации (об этом см.: В 742–766; Кант, 2006, с. 907–935).

Ни сам прискорбный провал сотрудничества этих двух «реформаторов метафизики», ни причины как личностного, так и философского плана не должны, однако, заслонить тот факт, что сочинения Ламберта оказали весьма заметное влияние, в особенности на кантовские «Метафизические начала естествознания» — по крайней мере, его сочинения обнаруживают сходство с последними. К таким сочинениям относятся помимо «Космологических писем», прочитанных Кантом по его собственному свидетельству, также «Новый Органон» и «Архитектоника». Однако далее будет показано, что влияние этих сочинений и разработанных в них концепций едва ли обуславливает предпосылки и цели доказательства «Метафизических начал естествознания».

2. «Метафизические начала...»

Несомненно, Канта и Ламберта объединяет интерес и убежденность в необходимости всеобщей метафизики, ибо для обоих очевидно — хотя и в разных формах и степени безусловности, — что для осуществления определенного познания необходимо прояснить априорные понятия и принципы, на основе которых можно отличить опыт прежде всего от субъективного восприятия. Однако для Ламберта вплоть

hinaus dürften beide Philosophen schnell erkannt haben, dass die Prämissen, Gründe, Zwecke und Verfahren, die sie mit dem gleichen Ziel, einer Reform der Metaphysik, verbanden, große Unterschiede aufwiesen. Wenn Lambert beispielsweise gegenüber Kant bekundet, „Wolf hat ungefehr die Helfte der Mathematischen Methode in der Philosophie angebracht. Es ist noch um die andere Helfte zu tun“ (Br, AA 10, S. 54), dann wusste Kant schon 1765, dass dieser Weg einer radikalisierten Mathematisierung der Metaphysik und der gesamten Philosophie nicht der seine sein konnte, weil Gewissheit auch und vor allem auf dem Gebiete der praktischen Philosophie nicht durch deren Mathematisierung zu erzielen war (vgl. hierzu KrV, B 742-766).

Sowohl die jämmerliche Art des Scheiterns einer Kooperation dieser beiden ‚Reformatoren der Metaphysik‘ als auch deren charakterliche sowie philosophische Gründe dürfen allerdings nicht darüber hinwegtäuschen, dass Lamberts Schriften einen durchaus nachweisbaren Einfluss insbesondere auf Kants *Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaften* ausgeübt haben, wenigstens aber mit diesen Gemeinsamkeiten aufwiesen. Dazu gehören neben den *Kosmologischen Briefen*, die Kant selbst bekundete gelesen zu haben, auch das *Neue Organon* sowie die *Anlage zur Architektonik*. Es wird sich allerdings zeigen, dass sich der Einfluss dieser Schriften und der in ihnen entfaltenen Konzepte kaum auf die Prämissen und das Nachweisziel der *Metaphysischen Anfangsgründe der Naturwissenschaft* beziehen lassen.

2. *Metaphysische Anfangsgründe*

Ohne jeden Zweifel verbindet Kant und Lambert zum einen das Interesse an bzw. die Überzeugung der Notwendigkeit einer allgemeinen Metaphysik, weil für beide — wenngleich in unterschiedlicher Form und Unbedingtheit — evident ist, dass es für die Erlangung gewisser Erkenntnis erforderlich ist, apriorische Begriffe und Prinzipien zu ermitteln, auf deren

до «Архитектоники» ясно, что при реконструкции генезиса этих понятий можно ошибиться с их значимостью. Ламберт говорит о сочетании «анатомии понятий» Локка с их лейбницанским «анализом» (Lambert, 1771, S. 6–8 (§ 8–10, см. также § 49)) и таким образом отождествляет «констатацию фактов», которые в самом строгом смысле являются априорными, с «природой происхождения факта» (Ibid., S. 21 (§ 24)). Кант же в 1781 г. решает четко разделить эпистемологические процедуры и принципы этих двух случаев; уже в одном из размышлений о метафизике конца 1770-х гг. он отчетливо формулирует свое отличие от Ламберта и Тетенса: «Я не занимаюсь, как Тетенс, эволюцией понятий (все действия, благодаря которым порождаются понятия), не занимаюсь и [их] анализом, как Ламберт, но исключительно их объективной значимостью. Я никак не конкурирую с ними» (AA 18, S. 23; Кант, 2000, с. 77).

Вместе с тем Ламберта и Канта объединяет понимание того, что даже естественные науки не могут обойтись без априорных понятий и принципов, чтобы с помощью эмпирических процедур получить нечто большее и иное, чем просто случайные единичные познания. По отношению к *Metaphysica specialis* из «Предисловия» к «Метафизическим началам...» это означает:

Наука о природе в собственном смысле этого слова прежде всего предполагает метафизику природы. Ведь законы, т.е. принципы необходимости того, что относится к существованию вещи, имеют дело с понятием, не поддающимся конструированию, коль скоро существование нельзя изобразить ни в каком априорном созерцании. Вот почему наука о природе в собственном смысле и предполагает метафизику природы (AA 04, S. 469; Кант, 1994в, с. 251).

Если иметь в виду чисто эмпирическую психологию, которая с конца 1760-х гг. произвела настоящий фурор в немецкоязычной фило-

Grundlage Erfahrung allererst von subjektiver Wahrnehmung unterschieden werden kann. Dabei ist allerdings für Lambert bis in die *Anlage zur Architektonik* ausgemacht, dass die Rekonstruktion der Genese dieser Begriffe mit ihrer Geltung verrechnet werden kann. Lambert (1771) spricht von der Kombination der lockeschen „Anatomie der Begriffe“ mit der leibnizschen „Analyse“ derselben (ebd., S. 6-8 (§ 8-10); vgl. auch § 49) und identifiziert so „Sachklärung“, die im strengsten Verstande apriori sind, mit der „Entstehungsart der Sache“ (ebd., S. 21 (§ 24)). Demgegenüber hat sich Kant 1781 für eine deutliche Trennung beider epistemologischer Verfahren und Prinzipien entschieden; schon in einer der Reflexionen zur Metaphysik aus den späten 1770er Jahren macht er diesen Unterschied zu Lambert und Tetens mit Nachdruck deutlich: „Ich beschaffte mich nicht mit der Evolution der Begriffe wie Tetens (alle Handlungen, dadurch Begriffe erzeugt werden), nicht mit der analysis wie Lambert, sondern bloß mit der objectiven Gültigkeit derselben. Ich stehe in keiner Mitbewerbung mit diesen Männern“ (Refl. 4900, AA 18, S. 23).

Gleichwohl verbindet Lambert und Kant die Einsicht, dass auch die Naturwissenschaften nicht ohne apriorische Begriffe und Grundsätze auskommen, um durch ihre empirischen Verfahren mehr und anderes als lediglich beliebige Einzelerkenntnisse zu erlangen. So heißt es in Bezug auf eine solche *Metaphysica specialis* in der Vorrede der *Metaphysischen Anfangsgründe*:

Eigentlich so zu nennende Naturwissenschaft setzt zuerst Metaphysik der Natur voraus; denn Gesetze, d.i. Prinzipien der Notwendigkeit dessen, was zum *Dasein* eines Dinges gehört, beschäftigen sich mit einem Begriffe, der sich nicht konstruieren läßt, weil das *Dasein* in keiner Anschauung a priori dargestellt werden kann. Daher setzt eigentliche Naturwissenschaft Metaphysik der Natur voraus (MAN, AA 04, S. 469).

Mit Blick auf eine rein empirische Psychologie, die immerhin seit den späten 1760er Jahren in der deutschsprachigen Philosophie, den Wis-

софии, науках и искусствах (см.: Stiening, Thiel, 2014), то эта посылка означает необходимую априорность для всей научной работы вообще:

В еще большей мере, нежели химия, эмпирическое учение о душе должно всегда оставаться далеким от ранга науки о природе в собственном смысле, прежде всего потому, что математика неприменима к явлениям внутреннего чувства и к их законам, если только не пожелают применить к потоку внутренних его изменений *закон непрерывности*; однако подобное расширение познания относилось бы к тому расширению познания, которое происходит на основе математики в учении о телах, примерно так же, как учение о свойствах прямой линии относится ко всей геометрии в целом. В самом деле, чистое внутреннее созерцание, в котором должны были бы быть конструированы душевные явления, есть *время*, имеющее всего лишь одно измерение. Но даже в качестве систематического искусства анализа или в качестве экспериментального учения учение о душе не может когда-либо приблизиться к химии, поскольку многообразие внутреннего наблюдения может быть здесь расчленено лишь мысленно и никогда не способно сохраняться в виде обособленных [элементов], вновь соединяемых по усмотрению; еще менее поддается нашим заранее намеченным опытам другой мыслящий субъект, не говоря уже о том, что наблюдение само по себе изменяет и искажает состояние наблюдаемого предмета. Учение о душе никогда не может поэтому стать чем-то большим, чем историческое учение, и — как таковое в меру возможности — систематическое естественное учение о внутреннем чувстве, т.е. естественное описание души, но не наукой о душе, даже не психологическим экспериментальным учением. Вот почему для заглавия нашего труда, содержащего в сущности лишь принципы учения о телах, мы выбрали более общее название — *Naturwissenschaft*, сообразуясь с обычным словоупотреблением; ведь название *Naturwissenschaft* в собственном смысле относится единственно к учению о телах, и это, следовательно, не приводит ни к какой двусмысленности (AA 04, S. 471; Кант, 1994в, с. 253 — 254).

senschaften und den Künsten einige Furore machte (vgl. Stiening und Thiel, 2014, S. 13-24), bedeutet diese Prämisse notwendige Apriorität für alle Wissenschaftlichkeit überhaupt:

Noch weiter aber, als selbst Chymie, muß empirische Seelenlehre jederzeit von dem Range einer eigentlich so zu nennenden Naturwissenschaft entfernt bleiben, erstlich weil Mathematik auf die Phänomene des inneren Sinnes und ihre Gesetze nicht anwendbar ist, man müßte denn allein das *Gesetz der Stetigkeit* in dem Abflusse der inneren Veränderungen desselben in Anschlag bringen wollen, welches aber eine Erweiterung der Erkenntnis sein würde, die sich zu der, welche die Mathematik der Körperlehre verschafft, ohngefähr so verhalten würde, wie die Lehre von den Eigenschaften der geraden Linie zur ganzen Geometrie. Denn die reine innere Anschauung, in welcher die Seelen-Erscheinungen konstruiert werden sollen, ist die *Zeit*, die nur eine Dimension hat. Aber auch nicht einmal als systematische Zergliederungskunst, oder Experimentallehre, kann sie der Chymie jemals nahe kommen, weil sich in ihr das Mannigfaltige der inneren Beobachtung nur durch bloße Gedankenteilung von einander absondern, nicht aber abgesondert aufbehalten und beliebig wiederum verknüpfen, noch weniger aber ein anderes denkendes Subjekt sich unseren Versuchen der Absicht angemessen von uns unterwerfen läßt, und selbst die Beobachtung an sich schon den Zustand des beobachteten Gegenstandes alteriert und verstellt. Sie kann daher niemals etwas mehr als eine historische, und, als solche, so viel möglich systematische Naturlehre des inneren Sinnes, d.i. eine Naturbeschreibung der Seele, aber nicht Seelenwissenschaft, ja nicht einmal psychologische Experimentallehre werden; welches denn auch die Ursache ist, weswegen wir uns zum Titel dieses Werks, welches eigentlich die Grundsätze der Körperlehre enthält, dem gewöhnlichen Gebrauche gemäß des allgemeinen Namens der Naturwissenschaft bedient haben, weil ihr diese Benennung im eigentlichen Sinne allein zukommt und also hiedurch keine Zweideutigkeit veranlaßt wird (MAN, AA 04, S. 471).

Этот результат оказался катастрофическим не только для стараний Карла Филиппа Морица, но и для Федера, Майнерса, Хиссмана, Ирвинга, Тетенса и многих других¹⁰. Однако Ламберт видел это совершенно иначе. Так, в «Новом Органоне», а именно тоже в отношении эмпирической психологии, причем в данном случае — эмпирической психологии Джона Локка, говорится:

Если это удастся [то есть процессы абстрагирования из индивидуального опыта], то тогда получают положения опыта, которые являются общими и, следовательно, могут быть использованы в качестве первой части в бесчисленных выводах и могут быть применены к каждому случаю. Примеры, часто приводившиеся выше (§ 611), также могут служить здесь пояснением. Заметим только, что если такими общими положениями опыта являются законы природы, которым она подчиняет свои действия, то их использование несравненно важнее, ибо тем самым некое состояние определяется предыдущим. (§ 95). Таким образом, закон способности воображения, сформулированный Локком, находит широкое применение в психологии... (Lambert, 1990, S. 308 (Dianoilogie, § 615)).

Это выявляет — исключительно на примере эмпирической психологии — существенное различие между ламбертовским и кантовским пониманием метафизики: если, согласно Канту, всякое эмпирическое обобщение, — которое он в другом месте, а именно в практической метафизике, обозначает как «тщедушное»¹¹, — в конечном счете не способ-

¹⁰ Об этих авторах см.: (Wunderlich, 2005; Sturm, 2009).

¹¹ «Все мнимоаприорное умничанье здесь в сущности не что иное, как опыт, путем индукции возведенный в степень всеобщности. Таковая всеобщность (*secundum principia generalia, non universalia*) к тому же настолько жалка, что каждому приходится допускать бесконечно много исключений, чтобы сделать им для себя выбор образа жизни приспособить к своим особым склонностям и своему особому восприятию удовольствий и чтобы в конце концов поумнеть лишь на опыте собственных ошибок или ошибок других» (AA 06, S. 215–216; Кант, 2014, с. 47–49).

Das ist nicht nur für das Bemühen Karl Philipp Moritzens, sondern auch für Feder, Meiners, Hißmann, Irving, Tetens u.v.m. ein desaströser Befund.¹⁰ Ebendas aber sah Lambert durchaus anders; so heißt es im *Neuen Organon*, und zwar ebenfalls im Hinblick auf die empirische Psychologie, hier die John Lockes:

Gelingt es damit [d.i. Abstraktionsprozesse aus individuellen Erfahrungen], so erlangt man allerdings Erfahrungssätze, die allgemein sind, und die sich folglich sodann in unzähligen vielen Schlußreden als Vordersätze gebrauchen, und bei jedem vorkommenden Fall anwenden lassen. Die vorhin (§ 611) häufig angeführten Beispiele mögen auch hier zur Erläuterung dienen. Wir merken nur noch an, daß, wenn solche allgemeine Erfahrungssätze Gesetze der Natur sind, nach welchen sie sich in ihren Wirkungen richtet, ihr Gebrauch ungleich wichtiger ist, weil dadurch ein Zustand durch den vorhergehenden bestimmt wird. (§ 95) Auf diese Art ist das von Locke angegebene Gesetz der Einbildungskraft in der Psychologie von ausgedehntem Gebrauche [...] (Lambert, 1990, S. 308 (Dianoilogie, § 615)).

Damit wird — lediglich am Beispiel der empirischen Psychologie — ein substanzieller Unterschied zwischen den Metaphysikverständnissen Lamberts und Kants offensichtlich: Ist nach Kant jede empirische Allgemeinheit — die er andernorts, nämlich in der praktischen Metaphysik, als „kümmerlich“ bezeichnet¹¹ — letztlich nicht vollends wissenschaftsfähig, so machen diese durch Abstraktion gewonnenen Allgemeinheiten für Lambert einen wesentli-

¹⁰ Zu diesen Autoren vgl. u. a. Wunderlich (2005) sowie Sturm (2009).

¹¹ „Alles scheinbare Vernünfteln a priori ist hier im Grund nichts als durch Induktion zur Allgemeinheit erhobene Erfahrung, welche Allgemeinheit (*secundum principia generalia non universalia*) noch dazu so kümmerlich ist, dass man einem jeden unendlich viel Ausnahmen erlauben muss, um jene Wahl seiner Lebensweise seiner besonderen Neigung und seiner Empfänglichkeit für die Vergnügen anzupassen, und am Ende nur durch seinen, oder anderer ihren, Schaden klug zu werden“ (MS, AA 06, S. 215-216).

но в полной мере быть научным, то для Ламберта такие обобщения, полученные посредством абстракции, составляют существенную часть его «фундаментального учения», которое в каком-то смысле должно лежать в основе всех наук, и прежде всего — естественных. Для Канта возможна и способна быть наукой только чистая, то есть свободная от всякого эмпирического влияния, метафизика, потому что только от нее можно ожидать той абсолютной необходимости, всеобщности и полноты, которые в приложении к опыту приводят к действительно возможному познанию, тогда как Ламберт (Lambert, 1771, S. 29 (§ 34)), основное метафизическое учение которого также основано на «неизменности», то есть необходимости, всеобщности и полноте, приходит к научному познанию, которое выводится из опыта, наблюдений и экспериментов путем сопоставления отдельных данных с другими; отсюда можно сформулировать теорию, которой подпадают «неизменность» и полнота:

Если же сделать положение опыта всеобщим, то его можно не только привести в заключениях как предварительное положение и тем самым предопределить другой опыт, но и само по себе возможно, чтобы оно предопределяло себя самого... Насколько можно продвинуться с помощью него [аналитического метода], настолько же можно достичь всеобщей и развернутой теории и тем самым продвинуть еще дальше научное знание (Lambert, 1990, S. 309 (Dianoiologie, § 616)).

Всеобщий принцип опыта, полученный путем сравнения, можно также облагородить до более чем эмпирической универсальности путем применения аналитического метода¹². Правда, незадолго до этого Ламберт различал историческое и научное познания — подобно Канту, но в традициях вольфианской школы (Lambert, 1990, S. 301–305 (Dianoiologie, § 600–

¹² Для Канта невозможность этого процесса была очевидна с 1768 г., об этом см.: (Falkenburg, 2000, S. 265).

chen Teil seiner „Grundlehre“ aus, die einerseits allen Wissenschaften, vor allem aber den Naturwissenschaften zugrunde liegen soll. Für Kant ist nur reine, d. h. von allem empirischen Einfluss freie Metaphysik möglich und so wissenschaftsfähig, weil nur aus ihr jene absolute Notwendigkeit, Allgemeinheit und Vollständigkeit zu erwarten ist, die in ihrer Anwendung auf Erfahrung zu tatsächlich möglicher Erkenntnis führt, während Lambert (1771, S. 29 (§ 34)), dessen metaphysische Grundlehre ebenfalls auf „Unveränderlichkeit“, d. h. Notwendigkeit, Allgemeinheit und Vollständigkeit abzielt, auf eine wissenschaftliche Erkenntnis hinausläuft, die aus Erfahrungen, Beobachtungen und Experimenten durch Korrelation einzelner Data mit anderen ermittelt wird; von hier aus lässt sich dann eine Theorie formulieren, der Unveränderlichkeit und Vollständigkeit zukomme:

Hat man aber einen Erfahrungssatz allgemein gemacht, so ist es nicht nur, daß man ihn etwan als einen Vordersatz in Schlußreden gebracht, und vermittelst derselben andre Erfahrungen vorausbestimmen könne, sondern es ist auch an sich möglich, daß er sich selbst hätte vorausbestimmen lassen. [...] So weit man damit [d.i. mit der analytischen Methode — G.S.] reichen mag, so weit gelangt man auch zu einer allgemeinen und ausgebreiteten Theorie, und rückt dadurch die wissenschaftliche Erkenntnis höher hinaus (Lambert, 1990, S. 309 (Dianoiologie, § 616)).

Ein durch Vergleichung gewonnener allgemeiner Erfahrungssatz ist durch Anwendung der analytischen Methode auch zu einer mehr als empirischen Allgemeinheit zu nobilitieren.¹² Zwar hatte Lambert kurz zuvor — wie Kant, aber in der Tradition der wolffschen Schule — zwischen historischen und wissenschaftlichen Erkenntnissen unterschieden (Lambert, 1990, S. 301-305 (Dianoiologie, § 600-609)), darüber

¹² Für Kant ist die Unmöglichkeit dieses Vorgangs schon seit 1768 evident, vgl. hierzu Falkenburg (2000, S. 265).

609)), к тому же он категорически дистанцировался от чистых «эмпириков», предполагающих, что *все* свое познание они приобретают исключительно через органы чувств, поскольку в распоряжении Ламберта были методы и заключения, выходящие за рамки чисто чувственного опыта. Но «безобразно широкую пропасть»¹³ между эмпирической и рациональной всеобщностью, которую Кант в предисловии к «*Метафизическим началам естествознания*» считает непреодолимой, имея в виду качественное различие, не может быть преодолено с помощью квантификации, Ламберт, по-видимому, легко перепрыгнул. Таким образом, статус того, что Кант и Ламберт называют «метафизикой природы», обнаруживает фундаментальное различие: здесь — трансцендентальная метафизика природы, «очищенная» от эмпирических влияний, там — методологическая метафизика природы, индуцированная процессами опыта. Это принципиальное различие в статусе связано с тем, что Кант развивает не объективную теорию сущности природы, как это делает Ламберт, а теорию научного познания природы¹⁴.

Это существенное различие в статусе основных понятий (у Канта — категорий в их приложении к познанию понятия материи, у Ламберта — методологически обоснованных предпосылок научных определений на основе дефиниций, аксиом и постулатов) и приводит к принципиальному различию в том, что касается значения и места математики в научной архитектонике обеих философий. Уже в предисловии к «*Метафизическим началам естествознания*» Кант дает ясно понять, что именно благодаря «применению математики к учению о телах» оно может стать естественной наукой (см.: Falkenburg, 2000, S. 288–289). Однако

¹³ Выражение Г. Э. Лессинга из сочинения «О доказательстве духа и силы» (1777), ставшее крылатым. — *Примеч. ред.*

¹⁴ Это четко сформулировано в работе: (Röd, 2006, S. 108).

hinaus hatte er sich ausdrücklich von den reinen „*Empirici*“ abgegrenzt, die annehmen, *all* ihre Erkenntnis ausschließlich durch die Sinne zu erhalten, weil Lambert eben über Methoden und Schlussformen verfüge, die über die reine Sinneserfahrung hinausginge. Aber den „garstigen Graben“ zwischen empirischer und rationaler Allgemeinheit, den Kant auch in der Vorrede der *Metaphysischen Anfangsgründe der Naturwissenschaft* für unüberwindlich hält, d. h. für eine qualitative Differenz, die nicht durch Quantifizierung zu überwinden sei, hatte Lambert scheinbar mühelos übersprungen. Der Status dessen, was bei Kant und Lambert als ‚Metaphysik der Natur‘ firmiert, weist mithin eine grundlegende Differenz aus: Hier eine von empirischen Einflüssen ‚gereinigte‘ transzendente Naturmetaphysik, dort eine durch Erfahrungsprozesse induzierte, methodologische Metaphysik der Natur. Dabei ist eben diesem grundlegenden Statusunterschied geschuldet, dass Kant keine objektive Theorie vom Wesen der Natur entwickelt — wie eben Lambert —, sondern eine Theorie der wissenschaftlichen Naturerkenntnis.¹³

Dieser substanzielle Statusunterschied der Grundbegriffe, bei Kant die Kategorien in ihrer Anwendung auf die Erkenntnis des Begriffs der Materie, bei Lambert die methodisch begründbaren Voraussetzungen wissenschaftlicher Bestimmungen durch Definitionen, Axiome und Postulate, führt auch zu einer grundlegenden Differenz in der Bedeutung und Stellung der Mathematik in der wissenschaftlichen Architektur beider Philosophien. Kant macht schon in der Vorrede der *Metaphysischen Anfangsgründe der Naturwissenschaft* deutlich, dass allein durch „die Anwendung der Mathematik auf die Körperlehre“ diese zu einer Naturwissenschaft werden kann (vgl. Falkenburg, 2000, S. 288–289). Es ist aber erforderlich, diesem Vorgang „Prinzipien der Konstruktion der Begriffe“ voranzuschreiben.

¹³ Siehe hierzu prägnant Röd (2006, S. 108).

необходимо предварить этот процесс «принципами построения понятий», которые должны определяться не самой математикой, а «чистой философией»:

Все натурфилософы, которые хотели изменять математический метод при решении своих задач, всегда пользовались (хотя и бессознательно) и должны были пользоваться метафизическими принципами, несмотря на то что вообще-то они торжественно оберегали свою науку от посягательств метафизики. <...> Всякая подлинная метафизика черпается из самого существа мыслительной способности и из-за того, что не заимствуется из опыта, вовсе не есть фикция; она охватывает чистые акты мышления, стало быть, априорные понятия и основоположения, единственно которые приводят многообразное [содержание] эмпирических представлений в закономерную связь, позволяющую этому многообразному стать эмпирическим познанием, т.е. опытом (AA 04, S. 472; Кант, 1994в, с. 254)¹⁵.

С другой стороны, для Ламберта верно обратное: чтобы метафизика стала полноценной наукой, необходимо распространить понятия математической классификации на область метафизических категорий. Уже в своем первом письме к Канту Ламберт заявил:

Метафизика должна содержать больше того, что было в ней до сих пор. Для архитектоники я беру простое и первичное в каждой части человеческого познания, и не только принципы, которые являются причинами, взятыми из формы, но также и аксиомы, которые должны быть взяты из самой материи и действительно имеют место только в случае простых, непротиворечивых и мыслимых самих по себе понятий, и постулаты, указывающие на всеобщие и безусловные возможности соединения и связи простых понятий. Из одной формы ни к какой материи не придешь и запутаешься в идеальной и чистой терминологии, если не оглянешься вокруг в поисках первичной и самой по себе мыслимой материи или объективного материала познания (AA 10, S. 53).

¹⁵ Об этом см. также: (Seide, 2020, S. 216–227).

cken, die nicht von der Mathematik selber, sondern von der „reinen Philosophie“ ermittelt werden müssen:

Alle Naturphilosophen, welche in ihrem Geschäfte mathematisch verfahren wollten, haben sich daher jederzeit (obschon sich selbst unbedeutend) metaphysischer Prinzipien bedient und bedienen müssen, wenn sie sich gleich sonst wider allen Anspruch der Metaphysik auf ihre Wissenschaft feierlich verwahrten. [...]. Alle wahre Metaphysik ist aus dem Wesen des Denkungsvermögens selbst genommen, und keinesweges darum erdichtet, weil sie nicht von der Erfahrung entlehnt ist, sondern enthält die reinen Handlungen des Denkens, mithin Begriffe und Grundsätze a priori, welche das Mannigfaltige empirischer Vorstellungen allererst in die gesetzmäßige Verbindung bringt, dadurch es empirisches Erkenntnis, d. i. Erfahrung, werden kann (MAN, AA 04, S. 472).¹⁴

Für Lambert hingegen gilt der umgekehrte Weg: Um die Metaphysik zu einer vollständigen Wissenschaft zu machen, bedarf es einer Ausweitung mathematischer Ordnungsbegriffe auf das Feld der metaphysischen Kategorien; schon in seinem ersten, werbenden Brief an Kant hatte Lambert festgehalten, dass

Metaphysic mehr enthalten muß, als was bißher darinn gewesen. Zur Architectonic nehme ich das einfache und erste jeder Theile der menschlichen Erkenntnis, und zwar nicht nur die *Principia*, welche von der Form hergenommene Gründe sind, sondern auch die *Axiomata*, die von der Materie selbst hergenommen werden müssen, und eigentlich nur bey den einfachen Begriffen, als die für sich nicht widersprechend und für sich gedenkbar sind, vorkommen, und die Postulata welche allgemeine und unbedingte Möglichkeiten der Zusammensetzung und Verbindung der einfachen Begriffe angeben. Von der Form allein kommt man zu keiner Materie, und man bleibt im idealen, und in bloßen Terminologien stecken, wenn man sich nicht um das erste und für sich Gedenkbare der Materie oder des objectiven Stoffes der Erkenntnis umsieht (*Br*, AA 10, S. 53).

¹⁴ Siehe hierzu auch Seide (2020, S. 216-227).

Ламберт озабочен не тем, чтобы заложить метафизический фундамент и таким образом сделать возможным математическое естествознание, а скорее тем, чтобы математизировать метафизику с целью создания фундаментальной науки, выходящей за пределы природы и культуры и предоставляющей прежде всего следующее: простые понятия и математические принципы (см.: Lambert, 1771, S. 41 (§ 46)).

3. Неньютоновские моменты? К вопросу о теории материи Канта и Ламберта

Известно, что в кантовских «Метафизических началах естествознания» приводится ряд естественных теорем, которые своим существованием обязаны ньютоновской физике и метафизике: сюда относится прежде всего предположение о полной причинной связи, то есть о неограниченном механизме в природе¹⁶. Подобное важно и для Ламберта, который понимает закон тяготения Ньютона как нечто, что, так сказать, «скрепляет мир в его ядре», потому что можно не только без ограничений применить его к локальной Солнечной системе, но и расширить его действие на Вселенную в целом; в «Космологических письмах» о таком расширении сферы действия «закона тяготения» говорится следующее: «Ибо Вы, мой господин, вывели это постепенное смещение из закона тяготения, потому что этот закон присущ каждой мере материи и поэтому не только распространяется на весь мир, но и служит прежде всего тому, чтобы сделать мир связным целым» (Lambert, 1761, S. 197–198). Для Ламберта формулировка этого закона — гениальный ход, благодаря которому все естествознание может и должно быть коренным образом реформировано как единое целое (Ibid., S. 48). Кант тоже высоко оценил ньютоновские основания современного естествознания.

¹⁶ Об этом и о некоторых аспектах следующего см.: (Lorenz, 2003).

Lambert geht es mithin nicht um eine metaphysische Grundlegung und damit Ermöglichung einer mathematischen Naturwissenschaft, sondern vielmehr um die Mathematisierung der Metaphysik zur Konstitution einer natur- und kulturübergreifenden Grundlagenwissenschaft, die vor allem eines liefert: einfache Begriffe und mathematische Prinzipien (s. Lambert, 1771, S. 41 (§ 46)).

3. Non-Newtonian Moments? Zur Materietheorie Kants und Lambert

Bekannt ist, dass Kants *Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft* eine Reihe von Naturtheoremen ausführen, die der Newtonschen Physik und Metaphysik verpflichtet sind: Dazu gehört vor allem die Annahme einer lückenlosen Kausalverknüpfung, d.h. eines uneingeschränkten Mechanismus in der Natur.¹⁵ Vergleichbares gilt für Lambert, der das newtonsche Gravitationsgesetz als ein solches begreift, das gleichsam ‚die Welt im Innersten zusammenhält‘, weil es nicht nur auf das hiesige Sonnensystem uneingeschränkt anzuwenden, sondern auf das Universum überhaupt auszudehnen sei; so heißt es in den *Kosmologische Briefen* zu dieser Ausweitung im Geltungsumfang des „Gesetzes der Schwere“: „Denn Sie, mein Herr, hatten diese allmähliche Verrückung aus dem Gesetze der Schwere hergeleitet, weil dieses Gesetz jeder Maße von Materie anhaftet, und daher nicht nur durch die ganze Welt ausgebreitet ist, sondern auch vornehmlich dazu dient, daß es die Welt zu einem zusammenhängenden Ganzen macht“ (Lambert, 1761, S. 197–198). Für Lambert (1761, S. 48) ist die Formulierung dieses Gesetzes ein Geniestreich, von dem aus alle Naturwissenschaften als eine Einheit grundlegend reformiert werden können und müssen. Auch Kant hat diese Fundierungsleistung Newtons für die modernen Naturwissenschaften durchaus gewürdigt.

¹⁵ Siehe hierzu und zu einigen Momenten des Folgenden Lorenz (2003).

В то же время есть существенные различия между ньютоновскими метафизикой и физикой и идеями Канта и Ламберта; эти идеи относятся прежде всего и большей частью к общему понятию физической силы, или физических сил, и, следовательно, к общему понятию материи и его отношению к указанным силам. Это как раз те самые — центральные для «Метафизических начал естествознания» — составные части теории, в связи с которыми можно говорить о возможном влиянии Ламберта на Канта, а может быть, даже об определенном сходстве концепций обоих философов.

Всё начинается с некоторых концептуальных и терминологических различий, которые Ламберт выводит из физических требований, но в то же время пытается применить к метафизике, которая должна быть разработана на их основании. Так, в «Новом Органоне» Ламберт отчетливо проводит различие между форономией и динамикой, объясняя это следующим образом:

Так как понятием давления, понятием сопротивления, а следовательно, и понятием движущей силы мы располагаем непосредственно благодаря чувству, и несмотря на то, что это ощущение должно иметь известную степень, чтобы мы могли его осознавать, существует в этих понятиях всё же что-то простое, что мы можем обнаружить благодаря выводам даже там, где мы не можем извлечь эти понятия благодаря непосредственному чувству. Таким образом, мы вообще приписываем материи непроницаемость, силу инерции, естественный покой, необходимость того, что она непременно была бы приведена в движение, если бы ей следовало двигаться, передаче движения и т.д., и создаем таким образом первый принцип динамики или учение о силах, поскольку оно как раз располагает только силами, движущими предметы. Но насколько эти принципы априорны, определить не так просто. Однако главный вопрос состоит в том, не допускает ли априорно рассматриваемое понятие материи больше возможностей, чем те, которые реально существуют в мире

Zugleich gibt es erhebliche Unterschiede zwischen der Metaphysik und der Physik Newtons und den Vorstellungen Kants und Lamberts; diese beziehen sich zunächst und zumeist auf den allgemeinen Begriff der physischen Kraft bzw. der physischen Kräfte und, daraus abgeleitet, auf den allgemeinen Begriff der Materie und dessen Verhältnis zu den angedeuteten Kräften. Es sind eben diese — für die *Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft* immerhin zentralen — Theoriestücke, bei denen von einem möglichen Einfluss Lamberts auf Kant, besser womöglich von gewissen Gemeinsamkeiten zwischen den Konzepten beider, gesprochen werden kann.

Das beginnt mit gewissen begrifflichen und terminologischen Distinktionen, die Lambert aus physikalischen Erfordernissen entwickelt, sie aber zugleich auf die daraus zu entwickelnde Metaphysik anzuwenden versucht; so unterscheidet Lambert im *Neuen Organon* präzise zwischen Phoronomie und Dynamik, was er wie folgt begründet:

Denn Begriff des Druckes, des Widerstandes und daher auch der bewegenden Kraft haben wir durch das Gefühl unmittelbar, und ungeachtet diese Empfindung einen gewissen Grad haben muß, wenn wir uns derselben sollen bewußt sein, so liegt doch in diesen Begriffen etwas Einfaches, welches wir durch Schlüsse auch da finden, wo wir diese Begriffe nicht durch eine unmittelbare Empfindung haben können. Auf diese Art eignen wir überhaupt der Materie die Undurchdringbarkeit, die *Vim inertiae*, die natürliche Ruhe, die Notwendigkeit, daß sie müsse in Bewegung gesetzt werden, wenn sie sich bewegen solle, die Mittheilung der Bewegung sc. zu, und errichten dadurch die ersten Grundsätze der Dynamik oder Kräftelehre, sofern diese nämlich nur die bewegenden Kräfte zu Gegenstände hat. Wie fern aber diese Grundsätze a priori sind, läßt sich so leicht nicht ausmachen. Es kömmt aber vornehmlich auf die Frage an, ob der Begriff der Materie a priori betrachtet, nicht mehrere Möglichkeiten zulasse als die welche in der Welt wirklich statt haben, und die wir *a posteriori* finden? Wir haben die

и которые мы обнаруживаем *апостериори*? Мы уже провели различие между динамикой и форономией в дианоэологии, потому что форономия сама по себе основана на понятиях времени и пространства и, следовательно, гораздо более непосредственно априорно связана с геометрией и хронометрией (Lambert, 1990, S. 358 (Alethiologie, § 18)).

В этом отрывке отчетливо прослеживаются сходства и расхождения ламбертовских и кантовских различий между форономией и динамикой: для Ламберта также ясно, что форономия больше занимается количеством движения, следовательно его скоростью, как это действительно представлено в процитированном § 659 «Дианоэологии»¹⁷, в то время как динамика фиксирует качество сил. Одновременно можно снова распознать принципиальную разницу между двумя философскими концепциями: если у Канта категории и в их натурфилософской конкретности носят необходимый и неограниченно априорный характер (см.: Carl, 1992), то у Ламберта этот статус основных понятий материи можно количественно определить по их генеалогической детерминации; форономия же, благодаря своей связи с пространством и временем, является «более непосредственно априорной» — мысль, невозможная для Канта.

¹⁷ «Далее, простые понятия не могут быть использованы иначе, как для сравнения и отождествления. Первое дает понятия отношений, а второе — понятия учения. Поскольку простые понятия не имеют внутренних свойств, но являются самим себе их собственными свойствами (§ 653), они не имеют другого внутреннего предиката, кроме самих себя, например: что есть, то есть; существовать значит существовать и т.д. С другой стороны, они, безусловно, могут стать предикатами, потому что они либо встречаются в любом другом понятии, либо нет. Кроме того, их сравнение производит душе известное впечатление, и это впечатление порождает понятие отношения (§ 59), которое служит как бы мостом для перехода от одного к другому. Таковы отношения в геометрии, и так определяются в форономии отношения между временем и пространством благодаря понятиям движения и скорости» (Lambert, 1990, S. 329).

Динамик von der Phoronomie schon in der Di-
anoologie unterschieden, weil die Phoronomie
schlechthin schlechthin auf den begriffen der
Zeit und des Raumes beruht, und daher mit der
Geometrie und der Chronometrie viel unmittel-
barer a priori ist (Lambert, 1990, S. 358 (Alethio-
logie, § 18)).

Deutlich werden an dieser Passage Gemein-
samkeiten und Unterschiede zwischen der Lam-
bertschen und der Kantischen Unterscheidung
zwischen Phoronomie und Dynamik erkennbar:
Auch schon für Lambert befasst sich die Phoro-
nomie mehr mit der Quantität einer Bewegung,
mithin ihrer Geschwindigkeit, wie im zitierten
§ 659 der *Dianoologie* tatsächlich entworfen,¹⁶
während die Dynamik die Qualität der Kräfte
erfasst. Zugleich wird erneut der grundlegende
Unterschied zwischen beiden philosophischen
Konzeptionen erkennbar: Sind bei Kant die
Kategorien auch in ihrer naturphilosophischen
Konkretion notwendig und uneingeschränkt
apriori (vgl. Carl, 1992), so ist dieser Status der
Grundbegriffe der Materie bei Lambert ihrer ge-
nealogischen Ermittlung gemäß durchaus quan-
tifizierbar: die Phoronomie ist nämlich aufgrund
ihrer Bindung an Raum und Zeit „unmittelbarer
apriori“ — ein für Kant unmöglicher Gedanke.

Ausgehend von dieser noch marginalen Ge-
meinsamkeit lässt sich aber auch für eben den
von beiden als „Dynamik“ fixierten Teilbe-

¹⁶ „Die einfachen Begriffe lassen sich weiter nichtan-
ders als zur Vergleichung und Zusammensetzung ge-
brauchen. Ersteres gibt Verhältnißbegriffe, letzteres
aber Lehrbegriffe. Denn da die einfachen Begriffe kei-
ne innere Merkmale haben, sondern sich selbst ihr ei-
genes Merkmaal sind, (§ 653) so haben sie kein ander
inneres Prädikat, als sich selbst, z. E. *was ist, das ist; Exis-
tieren ist existieren* etc. Hingegen können sie allerdings
zu Prädikaten werden, weil sie in jedem andern Begrif-
fe entweder vorkommen oder nicht. Ferner macht ihre
Vergleichung einen gewissen Eindruck in die Seele, und
dieser Eindruck gibt einen Verhältnißbegriff an, (§ 59)
der gleichsam als eine Brücke dient, von dem einen auf
den andern zu kommen. So sind die Verhältnisse in der
Geometrie, und so werden auch in der Phoronomie die
Verhältnisse zwischen Zeit und Raum durch die Begriffe
der Bewegung und Geschwindigkeit bestimmt“ (Lam-
bert, 1990, S. 329).

Однако, исходя из этой еще незначительной общности, можно обозначить единство, которое оба философа демонстрируют, а именно «динамику» в части теории материи (Ламберт) или второй закон ее категориального охвата материи (Кант): уже Ламберт считает неизбежным таким образом соединить «силу притяжения», понимаемую как основная сила в «законе тяготения», с силой отталкивания или «центральной силой» (Lambert, 1761, S. 200), чтобы обе силы, всегда различные и упраздняющие друг друга, соотносились друг с другом. К тому же в «Космологических письмах» говорится в связи с новым акцентированием единой основы закона тяготения:

Вы, мой господин, уже дали мне повод для этого в предыдущем письме, поскольку распространили закон всемирного тяготения на всю структуру мира и утверждали, что тем самым мир и все его части оказались тесно связаны друг с другом и стали единым целым. Но один этот закон не дает ничего, кроме *vim centripetam*¹⁸, и если бы он был один, то все небесные тела должны были бы постепенно снова слепиться в один комок. За 64 дня Земля уже оказалась бы на Солнце. Уже это можно было бы рассматривать как плохое старание о сохранении этих тел, и, следовательно, необходимо, чтобы закон всемирного тяготения был настолько ограничен другим законом, чтобы они могли продолжать существовать. Это и есть движение, и действующая отсюда сила центрифуги. Эти две силы уравновешивают друг друга, и благодаря этому порядок среди небесных тел оказывается постоянным. Независимо от того, тяжелы ли неподвижные звезды по отношению друг к другу или по отношению к общему центру, они не остаются в покое, а должны двигаться по кругу с двойной силой (Там же, S. 122).

Именно круглая или эллиптическая форма планетарных орбит предполагает определенное соотношение сил притяжения и отталкивания; поэтому отправной точкой аргумента-

¹⁸ Центростремительная сила (лат.).

reich der Materiethorie (Lambert) bzw. das zweite Moment ihrer kategorialen Erfassung der Materie (Kant) eine Gemeinsamkeit feststellen: Schon Lambert nämlich hält es für unumgänglich, die im „Gesetz der Schwere“ als Grundkraft erfasste Anziehungskraft mit einer Repulsions- bzw. „Centralkraft“ (Lambert, 1761, S. 200) dergestalt zu verbinden, dass beide Kräfte stets als zugleich unterschiedene und sich gegenseitig aufhebende zu korrelieren sind. In den *Kosmologischen Briefen* heißt es dazu im Zusammenhang der erneuten Betonung der Einheitsstiftung des Gravitationsgesetzes:

Sie haben mir, mein Herr, bereits in einem vorhergehenden Schreiben, einen Grund dazu angegeben, weil Sie das Gesetz der Schwere durch das ganze Weltgebäude verbreiteten, und behaupteten, daß die Welt und alle ihre Teile dadurch auf das engste mit einander verbunden, und zu einem zusammenhängenden Ganzen wurde. Dieses Gesetz allein gibt aber nichts anders als eine *vim centripetam*, und wenn es alleine wäre, so müßten alle Weltkörper nach und nach wieder in einen Klumpen zusammen fallen. In 64. Tagen wäre die Erde schon in der Sonne. Allein so würde für die Erhaltung dieser Körper schlecht gesorgt, und es ist also notwendig, daß das Gesetz der Schwere durch ein anderes so eingeschränkt werde, daß sie fort-dauern können. Dieses ist die Bewegung, und die daher rührende *vis Zentrifuge*. Diese beiden Kräften halten einander ein gesetztes Gleichgewicht, und die Ordnung in den Weltkörpern wird dadurch beständig. Es mögen nun die Fixsterne entweder nur gegen einander oder gegen einen gemeinsamen Mittelpunkt schwer sein, so bleiben sie nicht in Ruhe, sondern müssen durch eine zweifache Kraft in Kreisen bewegt werden (Lambert, 1761, S. 122).

Es ist die Kreis- bzw. Ellipsenform der Planetenbewegung, die eine spezifische Korrelation von Attraktions- und Repulsionskräften nahelegt; der Ausgangspunkt der Argumentation ist

ции является наблюдение, что Солнечная система не взрывается, из чего на основе приписывания статуса универсального закона выводится общий статус сил притяжения и отталкивания, а также их соотношение.

И для Канта эти две силы, с одной стороны, всегда связаны друг с другом и одновременно являются единственно мыслимыми движущими силами материи:

В самом деле, всякое движение, которое одна материя способна сообщить другой, поскольку обе материи рассматриваются в этом случае как точки, следует всегда трактовать как распределенное по прямой линии между двумя точками. Но на такой прямой линии возможны лишь два вида движений: одно, посредством которого указанные точки *отдаляются* друг от друга, и второе, посредством которого они *приближаются* друг к другу. Сила, служащая причиной первого движения, называется *силой отталкивания*, а сила, служащая причиной второго, — *силой притяжения*. Следовательно, мыслимы лишь эти два вида сил как такие, к которым должны быть сводимы все движущие силы в материальной природе (AA 04, S. 498–499; Кант, 1994в, с. 287).

Кантовский аргумент, заключающийся в том, что именно эти две и только эти две силы могут и должны быть приняты в качестве силы материи, все же является — и здесь вновь, несмотря на все феноменологическое сходство, становятся очевидными философские различия — аргументом математической физики, согласно которому силы различны, распространяются линейно и поэтому можно предположить только две их формы (см.: Pollok, 2001, S. 238–250).

С другой стороны, при всех различиях, касающихся обретения знания и статуса, расширение силы притяжения, которая и у Ньютона именуется основным законом вселенной и мира (см.: Ньютон, 1989, с. 175–177), до столь же значимой и эффективной силы отталкива-

mithin die Beobachtung, dass das Sonnensystem nicht implodiert, woraus durch die Zuweisung der Stellung als Universalgesetz der allgemeine Status von Attraktions- und Repulsionskräften sowie deren Korrelation abgeleitet wird.

Auch für Kant sind diese beiden Kräfte zum einen stets aufeinander bezogen und zugleich die einzig denkbaren bewegenden Kräfte der Materie:

Denn alle Bewegung, die eine Materie einer anderen eindrücken kann, da in dieser Rücksicht jede derselben nur wie ein Punkt betrachtet wird, muß jederzeit als in der geraden Linie zwischen zweien Punkten erteilt angesehen werden. In dieser geraden Linie aber sind nur zweierlei Bewegungen möglich: die eine, dadurch sich jene Punkte von einander *entfernen*, die zweite, dadurch sie sich einander *nähern*. Die Kraft aber, die die Ursache der ersteren Bewegung ist, heißt *Zurückstoßungs-* und die der zweiten *Anziehungskraft*. Also können nur diese zwei Arten von Kräften, als solche, worauf alle Bewegungskräfte in der materiellen Natur zurückgeführt werden müssen, gedacht werden (MAN, AA 04, S. 498-499).

Kants Argument, dass es genau diese beiden und nur diese beiden Kräfte sind, die als Kräfte der Materie angenommen werden können und müssen, ist allerdings — und erneut machen sich bei aller phänomenologischen Gemeinsamkeit philosophische Differenzen deutlich — eines der mathematischen Physik, nach dem Kräfte sich linear ausbreiten und daher lediglich zwei ihrer Formen angenommen werden können (vgl. Pollok, 2001, S. 238-250).

Zugleich ist — bei allen Unterschieden in der Erkenntnisfindung und im Status — die Ausweitung der auch bei Newton als Grundgesetz des Universums und der Welt firmierenden Attraktionskraft (s. Newton, 1726, S. 168-170) um eine gleichursprüngliche und -wirksame Re-

ния является важнейшим элементом неньютоновской теории природы, связывающей Ламберта и Канта¹⁹.

Однако сходство снова ослабевает, если принять во внимание положение этой теории движения и сил по отношению к общей теории материи. Потому что, по мнению Ламберта, материя в самом общем виде состоит прежде всего из «твердого», то есть занимающего пространство, тела:

Понятие *материи*, которым мы непосредственно располагаем благодаря *чувству*, означает, что мы приписываем материи *прочность* и *твердость* или *непроницаемость*. Что касается тел, которые мы называем твердыми или жесткими в истинном смысле и тем самым отличаем их от мягких и жидких, эти качества ясны сами по себе, потому что в них вся масса *прочна* и *тверда*. Теперь, хотя опыт показывает, что она имеет степени и поэтому лишь в известной мере отличается от жидкого и мягкого, это не умаляет прочности материи, рассматриваемой сама по себе, потому что мы ищем ее в жидких телах в их мельчайших частях и находим по сопротивлению, которое пропорционально массе и плотности жидкого вещества. Между прочим, если мы представляем себе пространство, заполненное чем-то, то это *ничто* и есть то, что мы представляем себе как понятие материи. В результате мы больше не представляем себе пространство пустым, а наполненным чем-то твердым, прочным и непроницаемым, и в крайнем случае мы еще допускаем при этом применение понятия делимости. Этот способ представления также может быть надлежащим образом выведен из понятия, которым мы располагаем о материи посредством ощущения... (Lambert, 1990, S. 359 (Alethiologie, § 19); ср.: Lambert, 1771, S. 44 (§ 51)).

Понятие материи в первую очередь и по большей части определяется тем, что она образована сущностью или телом, которому приписываются свойства «твердости», «прочности» и «непроницаемости».

¹⁹ Об этом см. также: (Carrier, 1991, особенно S. 211–215).

pulsionskraft ein entscheidendes Element einer nicht-newtonianischen Naturlehre, die Lambert und Kant verbindet.¹⁷

Diese Gemeinsamkeit nimmt aber erneut ab, betrachtet man die Stellung dieser Bewegungs- und Kräftetheorie zur allgemeinen Materietheorie. Denn nach Lambert besteht die Materie in ihrer allgemeinsten Form vor allem aus einem ‚soliden‘, d. h. raumeinnehmenden Körper:

Der Begriff der *Materie*, den wir unmittelbar durch das *Gefühl* haben, macht, daß wir der Materie eine *Solidität* und *Festigkeit* oder *Undurchdringbarkeit* beilegen. Bei Körpern, die wir im eigentlichsten Verstande fest oder hart nennen, und sie dadurch von weichen und flüssigen unterscheiden, sind diese Eigenschaften für sich klar, weil bei denselben die ganze Masse *solid* und *fest* ist. Ungeachtet nun die Erfahrung zeigt, daß sie Grade hat, und daher auch nur stufenweise von dem Flüssigen und Weichen verschieden ist, so benimmt dieses der Solidität der Materie, an sich betrachtet, nichts, weil wir diese bei flüssigen Körpern in ihren kleinsten Teilen suchen, und sie durch den Widerstand finden, der der Masse und Dichtigkeit der flüssigen Materie proportional ist. Übrigens, wenn wir uns einen mit etwas ausgefüllten Raum gedenken, so ist dieses *Etwas* das, was wir unter dem Begriff der Materie uns vorstellen. Dadurch stellen wir uns den Raum nichtmehr als leer, sondern als mit etwas solidem, festem und undurchdringbarem ausgefüllt vor, und lassen höchstens noch den Begriff der Teilbarkeit dabei gelten. Es läßt sich auch diese Vorstellungsart aus dem Begriff, den wir durch das Gefühl von der Materie haben, ordentlich herleiten [...] (Lambert, 1990, S. 359 (Alethiologie, § 19); vgl. Lambert, 1771, S. 44 (§ 51)).

Erkennbar wird der Begriff der Materie zunächst und zumeist dadurch bestimmt, dass sie durch eine Entität bzw. einen Körper konstituiert wird, dem die Eigenschaften „Solidität“, „Festigkeit“ und „Undurchdringlichkeit“ zugeschrieben werden.

¹⁷ Siehe hierzu auch Carrier (1991, S. 208-230, spez. S. 211-215).

На эти определенные таким образом сущности действуют различные силы, прежде всего силы притяжения и отталкивания, и таким путем приводят к движениям тел внутри заполненного ими пространства. Принципиально важно — как для положения Ламберта в истории философии вообще, так и для особого отношения между его теорией материи и теорией Канта — то, что Ламберт во всех своих сочинениях допускает формирование материи на основе твердого тела и сил — двух параметров, которые не могут быть сведены друг к другу, и именно они и только они формируют материю в своем особом соотношении. Однако при этом Ламберт просто воспроизводит основы теорий материи, которые можно было обнаружить как у Гоббса, так и у Ньютона; и теонимическая теория природы Гердера не будет различать в качестве основных элементов материи «органы» и «силы» как нередуцируемые и соотносить их друг с другом, что Кант настойчиво отвергает как плохую метафизику (см.: Stiening, 2014).

Относительно этой части теории, включающей общую теорию материи и положение теории сил, однако, следует сказать, что она составляет важное отличие кантовской концепции, и не только по отношению к концепции Ньютона, но также и прежде всего по отношению к концепции Ламберта; с точки зрения динамики Кант явно отделяет себя в этом контексте от своего уважаемого коллеги:

Ламберт и другие обозначили свойство материи, благодаря которому она наполняет пространство, словом *Solidität* (выражение довольно многозначное), считая, что его следует допускать для любой *существующей* вещи (т.е. субстанции), по крайней мере во внешнем, чувственно воспринимаемом мире. По их понятиям, присутствие чего-то *реального* в пространстве предполагает это сопротивление уже по самому своему понятию, стало быть, в соответствии с законом противоречия, и приводит к тому, что ничто другое не может

An diesen so bestimmten Entitäten realisieren sich nun unterschiedliche Kräfte, vor allem aber Attraktion und Repulsion, und führen auf diese Weise zu Bewegungen der Körper innerhalb eines durch sie erfüllten Raumes. Entscheidend ist — und zwar sowohl für die allgemein philosophiegeschichtliche Stellung Lamberts als auch für das besondere Verhältnis seiner Materietheorie zu der Kants —, dass Lambert in allen seinen Schriften Materie durch einen soliden Körper und Kräfte konstituiert sein lässt, zwei Parameter, die nicht aufeinander reduziert werden können sowie genau diese und nur diese in ihrer je spezifischen Korrelation Materie konstituieren. Damit reproduziert Lambert aber lediglich Grundzüge von Materietheorien, die man bei Hobbes ebenso wie bei Newton finden konnte; noch Herders theonome Naturtheorie wird als die Grundelemente der Materie „Organe“ und „Kräfte“ als irreduzibel unterscheiden und aufeinander beziehen, was Kant als schlechte Metaphysik ausdrücklich zurückweist (vgl. Stiening, 2014, S. 473-498).

In Bezug auf eben dieses Theoriestück, die allgemeine Materietheorie und die Stellung der Kräftelehre in ihr, muss aber festgehalten werden, dass sie den entscheidenden Unterschied der kantischen Konzeption nicht allein gegenüber Newton, sondern auch und vor allem gegenüber Lambert ausmacht; ausdrücklich setzt sich Kant in diesem Zusammenhang in der Dynamik von dem hochgeschätzten Kollegen ab:

Lambert und andere nannten die Eigenschaft der Materie, da sie einen Raum erfüllt, die *Solidität* (ein ziemlich vieldeutiger Ausdruck), und wollen, man müsse sie an jedem Dinge, was *existiert* (Substanz), annehmen, wenigstens in der äußeren Sinnenwelt. Nach ihren Begriffen müsste die Anwesenheit von etwas *Reellem*, im Raume, diesen Widerstand schon durch seinen Begriff, mithin nach dem Satze des Widerspruchs bei sich führen, und es machen, daß nichts anderes in dem Raume der Anwesenheit eines solchen Dinges zugleich sein könne.

существовать одновременно в пространстве, где такая вещь присутствует. Однако закон противоречия не гонит назад никакую материю, приближающуюся для того, чтобы проникнуть в пространство, занимаемое другой материей. Лишь тогда, когда я наделяю силой то, что занимает пространство, силой, способной гнать назад все подвижное, приближающееся к нему извне, я понимаю, почему противоречиво утверждение, что в пространство, занимаемое одной вещью, проникает еще другая вещь того же вида. Здесь математик допустил в качестве первично данного при конструировании понятия материи нечто такое, что само якобы уже не поддается дальнейшему конструированию. Но хотя он и может начинать свое конструирование понятия с любой данности, не вдаваясь в ее дефиницию, он не имеет права утверждать на этом основании, что она не поддается никакому математическому конструированию, и задерживать этим восхождение к первым принципам естествознания (AA 04, S. 497–498; Кант, 1994в, с. 286)²⁰.

По мнению Канта, совершенно очевидно: сформулированная «Ламбертом и другими» причина предположения о том, что теория материи может и должна начинаться с построения «твердой субстанции», на которую действуют внешние силы, есть продукт посягательства математики на ту *Metaphysica specialis*, которая прежде всего должна быть разработана по отношению к научной теории тела, и причем независимо от математики. Только если отказаться от таких указаний «Ламберта и других» — а больше думать при этом о Ньюtone и Вольфе, нежели о Лейбнице, — откроется путь к действительно верным и совершенным «метафизическим началам естествознания». Потому что только в этом случае становится очевидным, что материя в первую очередь и большей частью состоит не из сущностей, а из движения и сил, благодаря реальности и действию которых прежде всего можно представить себе

²⁰ Об этом см. также превосходные замечания: (Pollok, 2001, S. 226–231).

Allein der Satz des Widerspruchs treibt keine Materie zurück, welche anrückt, um in einen Raum einzudringen, in welchem eine andere anzutreffen ist. Nur alsdann, wenn ich dem, was einen Raum einnimmt, eine Kraft beilege, alles äußere Bewegliche, welches sich annähert, zurück zu treiben, verstehe ich, wie es einen Widerspruch enthalte, daß in den Raum, den ein Ding einnimmt, noch ein anderes von derselben Art eindringe. Hier hat der Mathematiker etwas als ein erstes Datum der Konstruktion des Begriffs einer Materie, welches sich selbst nicht weiter konstruieren lasse, angenommen. Nun kann er zwar von jedem beliebigen Dato seine Konstruktion eines Begriffs anfangen, ohne sich darauf einzulassen, dieses Datum auch wiederum zu erklären; darum aber ist er doch nicht befugt, jenes für etwas aller mathematischen Konstruktion ganz Unfähiges zu erklären, um dadurch das Zurückgehen zu den ersten Prinzipien in der Naturwissenschaft zu hemmen (MAN, AA 04, S. 497-498).¹⁸

Das ist überaus deutlich: Der Grund für die Annahme „Lamberts und anderer“, eine Theorie der Materie mit der Konstruktion einer ‚soliden Substanz‘ beginnen zu können und zu müssen, auf die sodann ihr äußerliche Kräfte wirken, ist nach Kant Produkt des Übergriffs der Mathematik auf jene *Metaphysica specialis*, die im Hinblick auf eine wissenschaftliche Körperlehre allererst, und zwar unabhängig von der Mathematik, zu entwickeln ist. Erst wenn man sich von diesen Vorgaben „Lamberts und anderer“ — und dabei ist mehr an Newton und Wolff zu denken als an Leibniz — verabschiedet, ist der Weg frei für tatsächlich gewisse und vollständige „metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft“. Denn erst dann wird erkennbar, dass Materie nicht zunächst und zumeist durch Entitäten konstituiert wird, sondern durch Bewegung und Kräfte, aus deren Realität und Wirksamkeit al-

¹⁸ Vgl. hierzu auch die exzellenten Ausführungen bei Pollok (2001, S. 226-231).

естественные сущности и, следовательно, естественные тела. В «Общем примечании к динамике» сказано:

Всеобщий принцип динамики материальной природы таков: все реальное в предметах внешних чувств, все, что не есть лишь определение пространства (место, протяжение, форма), должно рассматриваться как движущая сила. Тем самым так называемое *solidum*, или абсолютная непроницаемость, изгоняется из естествознания как пустое понятие и на его место ставится отталкивающая сила; подлинное же и непосредственное притяжение берется под защиту от всех умствований метафизики, не понимающей самой себя, и в качестве основной силы оно признается необходимым для самой возможности понятия материи. Отсюда вывод: если нужно, то можно и не допуская *пустых промежутков* внутри материи признать пространство во всяком случае сплошь *наполненным*, хотя в различной степени. В самом деле, отношение первого свойства материи, т.е. способности наполнять пространство, к изначальному притяжению (будь то притяжение каждой материи Вселенной) можно мыслить бесконечно разнообразным соответственно изначальным различным степеням сил отталкивания, от которых зависит это первое свойство материи: притяжение зависит от количества материи в данном пространстве, тогда как присущая материи сила экспансии — от степени наполнения этого пространства, и эта степень может быть специфически весьма различной (как, скажем, одно и то же количество воздуха одного и того же объема в зависимости от того, до какой степени оно нагрето, обнаруживает большую или меньшую упругость). Общая причина этого следующая: посредством истинного притяжения *все части* одной материи действуют непосредственно *на все части* другой, посредством же силы экспансии действуют лишь части, находящиеся *на поверхности соприкосновения*, причем безразлично, оказывается ли за этой поверхностью много или мало материи. Уже отсюда вытекает большая польза для естествознания, так как это избавляет его от бремени строить мир из полного и пустого на основе одной лишь фантазии; все простран-

лерerst natürliche Entitäten, Naturkörper mithin, gedacht werden können. In den „Allgemeinen Anmerkungen“ zur Dynamik heißt es dazu:

Das allgemeine Prinzip der Dynamik der materiellen Natur ist: daß alles Reale der Gegenstände äußerer Sinne, die das, was nicht bloß Bestimmung des Raums (Ort, Ausdehnung und Figur) ist, als bewegende Kraft angesehen werden müsse; wodurch also das so genannte Solide oder die absolute Undurchdringlichkeit, als ein leerer Begriff, aus der Naturwissenschaft verwiesen und an ihrer Statt zurücktreibende Kraft gesetzt, dagegen aber die wahre und unmittelbare Anziehung gegen alle Vernünftelien einer sich selbst mißverstehenden Metaphysik verteidigt, und, als Grundkraft, selbst zur Möglichkeit des Begriffs von Materie für notwendig erklärt wird. Hieraus entspringt nun die Folge: daß der Raum, wenn man es nötig finden sollte, auch *ohne leere Zwischenräume* innerhalb der Materie auszustreuen, allenfalls durchgängig und gleichwohl in verschiedenem Grade *erfüllt* angenommen werden könne. Denn es kann nach dem ursprünglich verschiedenen Grade der repulsiven Kräfte, auf denen die erste Eigenschaft der Materie, nämlich die, einen Raum zu erfüllen, beruht, ihr Verhältnis zur ursprünglichen Anziehung (es sei einer jeden Materie für sich selbst, oder zur vereinigten Anziehung aller Materie des Universum) unendlich verschieden gedacht werden; weil die Anziehung auf der Menge der Materie in einem gegebenen Raume beruht, da hingegen die expansive Kraft derselben auf dem Grade, ihn zu erfüllen, der spezifisch sehr unterschieden sein kann (wie etwa dieselbe Quantität Luft in demselben Volumen nach ihrer größeren oder minderen Erwägung mehr oder weniger Elastizität beweiset); wovon der allgemeine Grund dieser ist: daß durch wahre Anziehung *alle Teile* der Materie unmittelbar *auf alle Teile* der andern, durch expansive Kraft aber nur die *in der Berührungsfläche* wirken, wobei es einerlei ist, ob hinter dieser viel oder wenig von dieser Materie angetroffen werde. Hieraus allein entspringt nun schon ein großer Vorteil für die Naturwissenschaft, weil ihr dadurch die Last abgenommen wird, aus dem Vollen und Leeren eine Welt bloß nach der Phantasie zu zimmern, vielmehr alle Räume voll und doch

ства можно теперь мыслить наполненными, хотя и в различной степени, а потому пустое пространство теряет по крайней мере свою *необходимость* и низводится до гипотезы, тогда как раньше под предлогом, что необходимо объяснить различные степени наполнения пространства, оно могло притязать на звание основоположения (AA 04, S. 523–524; Кант, 1994в, с. 319–320).

Всякая теория материи, исходящая из первоначальных сил притяжения и отталкивания, позволяет не только обойтись без иллюзии об абсолютной непроницаемости изначальной сущности материи, но и преодолеть неправильную метафизику пустого пространства. Кроме того, благодаря абсолютности и исключительности этих двух предполагаемых основных сил в рамках такой динамической теории материи можно мыслить материю в целом, так как благодаря этим силам все части уже соотносятся со всеми другими частями (см.: Pollok, 2001, S. 341–349).

Это коренное изменение теории материи по сравнению с Ньютоном не только нельзя свести к концепции Ламберта, но — как мы видели — в существенных моментах оно явно от нее отличается. Это можно показать и на примере отношений пространства, времени и движения, для которых Ламберт и другие подразумевают необходимость пустого пространства (см.: Lambert, 1761, S. 157), но в заключение скорее следует сослаться на самую важную причину, помимо позиции математики, — на различия между ламбертовской и кантовской теорией природы и материи.

4. Мудрый «замысел творца»: теonomическая телеология природы Ламберта

Помимо радикальной, если сравнивать с Вольфом, математизации метафизики, ламбертовская теonomическая телеология при-

in verschiedenem Maße erfüllt gedacht werden können, wodurch der leere Raum wenigstens seine *Notwendigkeit* verliert und auf den Wert einer Hypothese zurückgesetzt wird, da er sonst, unter dem Vorwande einer zu Erklärung der verschiedentlichen Grade der Erfüllung des Raums notwendigen Bedingung, sich des Titels eines Grundsatzes anmaßen konnte (MAN, AA 04, S. 523-524).

Der Ausgang aller Materietheorie bei der ursprünglichen Attraktion- und Repulsionskraft ermöglicht nicht nur, auf das Phantasma der absoluten Undurchdringlichkeit einer ursprünglichen Entität der Materie verzichten zu können, sondern auch die schlechte Metaphysik eines leeren Raumes zu überwinden. Zudem kann diese dynamische Materietheorie aufgrund der Vollständigkeit und Ausschließlichkeit der beiden angenommenen Grundkräfte die Materie als Ganze denken, weil sich durch diese Kräfte je schon alle Teile auf alle anderen Teile beziehen (s. Pollok, 2001, S. 341-349).

Diese schon gegenüber Newton grundstürzende Änderung einer Theorie der Materie ist aber auf Lamberts Konzeption nicht nur nicht zurückzuführen, sondern setzt sich von dieser — wie gesehen — in ihren wesentlichen Momenten ausdrücklich ab. Das ließe sich noch an dem Verhältnis von Raum, Zeit und Bewegung zeigen, das für Lambert u. a. die Notwendigkeit des leeren Raumes impliziert (vgl. Lambert, 1761, S. 157); doch soll hier abschließend vielmehr auf einen — neben der Stellung der Mathematik — entscheidenden Grund für den Unterschied der Natur- und Materietheorie Lamberts und Kants Bezug genommen werden.

4. Die weise „Absicht des Schöpfers“: Lamberts theonome Naturteleologie

Neben der gegenüber Wolff radikalisierten Mathematisierung der Metaphysik ist es vor allem Lamberts theonome Naturteleologie, die ei-

ды прежде всего документирует непреодолимую пропасть между его и кантовской философией природы. Вот что говорится в «Космологических письмах» в контексте вопроса, населены ли и другие планеты во Вселенной, над которым в 1755 г. также размышлял Кант (см.: AA 01, S. 351–368; Кант, 1994а, с. 241–260):

Творец, вечный источник всей жизни, чрезвычайно деятелен, чтобы не запечатлеть жизнь, силу и активность в каждой пылинке. Насколько смелой следует считать Вашу попытку, поскольку Вы, мой господин, не делаете ничего, кроме того, что в качестве основания для формирования правильного представления о мире показываете, что Божий замысел в своем истинном масштабе должен населить все мироздание и не оставить неучтенной ни одну часть, ни одну сторону. Единственное, что можно возразить против всеобщности этого замысла, — это опасение того, что высшие и неизвестные нам причины, возможно, предотвратили, чтобы такое количество земных шаров вращалось вокруг каждого солнца (Lambert, 1761, S. 108).

Таким образом, под творением Бога Ламберт понимает не только мир, но и вселенную, а значит, и природу *не* как «совокупность правил, которым должны подчиняться все явления, когда их мыслят связанными в опыте» (AA 04, S. 318; Кант, 1994г, с. 78), а как продукт внеземной, мудрой и всемогущей власти, чьи протестантские очертания прочитываются в их рациональности, превосходящей человеческий разум. Для Ламберта, однако, это теонимическое основание его естествознания есть не внешняя риторика, а условие возможности той формы телеологии, которая нужна ему для эмпирического рассмотрения областей мироздания, ускользающих от непосредственного восприятия, например неподвижных звезд. Интерпретировать новейшие наблюдения их движения на основе допущения того, что они являются самостоятельными солнечными системами, двигавшимися, как и та, к которой

nen unüberwindlichen Graben zwischen dessen Philosophie der Natur und der Kants dokumentiert. So heißt es in den *Kosmologischen Briefen* im Rahmen der 1755 ja auch von Kant reflektierten Frage (vgl. NTH, AA 01, S. 351-368), ob auch andere Planeten des Universums bewohnt seien:

Der Schöpfer, die ewige Quelle alles Lebens, ist viel zu wirksam, als daß er nicht in jedes Stäubchen Leben und Kräfte und Wirksamkeit geprägt hätte. Wie sollte man denn Ihr Unternehmen als verwegen ansehen, da Sie, mein Herr, weiter nichts tun, als daß Sie zeigen, man müsse die Absicht Gottes, das ganze Weltgebäude bewohnt zu machen, und keinen Teil, keine Seite desselben unbetrachtet zu lassen, in ihrem wahren Umfange zum Grunde legen, um sich von der Welt einen rechten Begriff zu machen. Das einige, was man wider die Allgemeinheit dieser Absicht einwenden kann, ist die Besorgnis, es möchten höhere und uns Unbekannte Gründe verhindert haben, so viele Weltkugeln um jede Sonne einherwandeln zu lassen (Lambert, 1761, S. 108).

Lambert begreift mithin nicht allein die Welt, sondern das Universum als Schöpfung Gottes und damit auch Natur *nicht* als „Inbegriff der Regeln, unter denen alle Erfahrungen stehen müssen, wenn sie in einer Erfahrung als verknüpft gedacht werden sollen“ (*Prol*, AA 04, S. 318), sondern als Produkt einer extramundanen, weisen und allmächtigen Instanz, deren protestantische Kontur an ihrer die menschliche Vernunft übersteigenden Rationalität ablesbar ist. Diese theonome Grundlegung seiner Naturforschung ist aber für Lambert keine äußerliche Rhetorik, sondern Bedingung der Möglichkeit jener Form von Teleologie, derer er für eine empirische Betrachtung derjenigen Bereiche des Universums bedarf, die sich der unmittelbaren Wahrnehmung entziehen: u. a. die Fixsterne. Die Interpretation ihrer jüngst festgestellten Bewegung durch die An-

принадлежит Земля, вокруг общего темного центра по «закону тяготения», возможно лишь на том основании, что мудрый Творец задумал законное единство Вселенной. Таким образом, представленная здесь телеология Ламберта носит непосредственно теологический характер и, следовательно, никоим образом не является объективно принудительной²¹ — как ясно сказано в предисловии: «Многие предпосылки, которые я использую в доказательствах, взяты из намерений творения и, следовательно, телеологичны» (Lambert, 1761, S. VIII–IX). Следовательно, эта теонимическая телеология воздействует прямо на силлогистические доказательства и, таким образом, проясняет подлинную цель ламбертовского исследования природы — оправданную хвалу Господу²². Ламберт особенно гордился этим аспектом своих исследований природы: незадолго до своей смерти, 31 мая 1777 г., он писал Алозу Хавихорсту: «В своих космологических письмах я дал несколько понятий величия Бога. Некоторое просветление приобретает благодаря им также *civitas dei*» (Lambert, 1781, S. 428). От этого мировоззренческого интереса и вытекающей из него теологической корректировки естествознания нет пути к кантовским совершенно светским «Метафизическим началам естествознания»; и даже телеология природы в «Критике способности суждения» совершенно свободна от этой сосредоточенности на «величии Бога».

Из отдельных частей работ Ламберта, особенно связанных с физикой, кантовская теория материи, коренным образом перевернувшая XVIII в., и необходимая для этого метафизика природы позаимствовали полезное для данной области. Однако в своей основной структуре она никоим образом не зависит от того идеального «сотрудничества», которое оба философа исповедовали как реальное, но так и не осуществили (см.: Baensch, 1902). Кант знал, почему.

²¹ Блюменберг же полагает телеологию объективно необходимой (Blumenberg, 1975, S. 637).

²² О систематическом положении теологии в философии Ламберта см.: (Klingner, 2022).

nahme, sie seien eigenständige Sonnensysteme, die sich wie dasjenige, dem die Erde angehört, um einen gemeinsamen dunklen Mittelpunkt nach dem „Gesetz der Schwere“ bewegten, ist nur möglich unter der Voraussetzung, dass der weise Schöpfer die gesetzliche Einheit des Universums beabsichtigt habe. Die von Lambert (1761, S. VIII-IX) hier ausgeführte Teleologie ist mithin unmittelbar — und damit keineswegs sachlich erzwungen¹⁹ — theologisch, wie es schon in der Vorrede ausdrücklich heißt: „Viele Vordersätze, deren ich mich in den Beweisen bedient, sind von den Absichten der Schöpfung hergenommen, und folglich teleologisch.“ Bis in die syllogistischen Beweisgänge hinein wirkt folglich diese theonome Teleologie und macht damit den eigentlichen Zweck der lambertschen Naturforschung deutlich: die begründbare Lobpreisung des Herrn.²⁰ Lambert ist auf diese Dimension seiner Naturforschung auch besonders stolz, noch kurz vor seinem Tode, am 31. Mai 1777, schreibt er an Aloysius Havichorst: „Von der Größe Gottes habe ich in meinem cosmologischen Briefen einige Begriffe gegeben. Auch die *civitas dei* erhält daraus einige Aufklärung“ (Lambert, [1781], S. 428). Von diesem weltanschaulichen Interesse und der sich daraus ergebenden theologischen Zurichtung der Naturforschung führt kein Weg zu Kants ganz säkularen *Metaphysischen Anfangsgründen der Naturwissenschaft*; und selbst die Naturteleologie der *Kritik der Urteilskraft* ist von dieser Ausrichtung auf die „Größe Gottes“ vollkommen frei.

Kants für das 18. Jahrhundert grundstürzende Materietheorie und die hierfür erforderliche Metaphysik der Natur hat in einzelnen, insbesondere physikalischen Elementen von den Arbeiten Lamberts auf diesem Gebiet profitiert. In

¹⁹ So aber Blumenberg (1975, S. 637).

²⁰ Zur systematischen Stellung der Theologie in Lamberts Philosophie vgl. demnächst Klingner (2022).

Список литературы

Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994а. Т. 1. С. 113–260.

Кант И. Избранные письма // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994б. Т. 8. С. 464–588.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994в. Т. 4. С. 247–372.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994г. Т. 4. С. 5–152.

Кант И. Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», *Opus postumum*). М. : Прогресс-Традиция, 2000.

Кант И. Критика чистого разума. 2-е изд. (В) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Кант И. Метафизика нравов. Часть первая. Метафизические первоначала учения о праве // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Канон+, 2014. Т. 5, ч. 1. С. 19–474.

Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М. : Наука, 1989.

Baensch O. Johann Heinrich Lamberts Philosophie und seine Stellung zu Kant. Tübingen ; Leipzig : Mohr, 1902.

Blumenberg H. Die Genesis der kopernikanischen Welt. Frankfurt a/M : Suhrkamp, 1975.

Carrier M. Kraft und Wirklichkeit. Kants späte Theorie der Materie // Übergänge. Untersuchungen zum Spätwerk Kants / hrsg. von Forum für Philosophie Bad Homburg. Frankfurt a/M : Suhrkamp, 1991. S. 208–230.

Carl W. Die Transzendente Deduktion der Kategorien in der ersten Auflage der ‚Kritik der reinen Vernunft‘. Ein Kommentar. Frankfurt a/M : Klostermann, 1992.

Falkenburg B. Kants Kosmologie. Die wissenschaftliche Revolution der Naturphilosophie im 18. Jahrhundert. Frankfurt a/M : Klostermann, 2000.

Kleist H. Über die allmähliche Verfertigung der Gedanken beim Reden // Sämtliche Werke und Briefe / hrsg. von H. Sembdner : in 2 Bdn. München : dtv, 1987. Bd. 2. S. 319–324.

Klingner S. Lambert über natürliche Theologie und christliche Religion // Johann Heinrich Lambert (1728–1777). Wege zur Mathematisierung der Aufklärung / hrsg. von H.-P. Nowitzki, E. Pasini, P. Rumore, G. Stiening. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2022 (в печати).

Kuliniak R. Johann Heinrich Lambert und Kants Reform der Metaphysik. Dresden : Neisse, 2014.

Lambert J. H. Cosmologische Briefe über die Einrichtung des Weltbaus. Augspurg : Kletts Wittib, 1761.

ihrer Grundanlage ist sie jedoch in keiner Weise von einer solchen ideellen ‚Zusammenarbeit‘ abhängig, die beide Philosophen als reelle zwar bekundeten, doch niemals realisierten (vgl. Baensch, 1902). Kant wusste, warum.

Literatur

Baensch, O., 1902. *Johann Heinrich Lamberts Philosophie und seine Stellung zu Kant*. Tübingen & Leipzig: Mohr.

Blumenberg, H., 1975. *Die Genesis der kopernikanischen Welt*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.

Carrier, M., 1991. Kraft und Wirklichkeit. Kants späte Theorie der Materie. In: Forum für Philosophie Bad Homburg, Hg. 1991. *Übergänge. Untersuchungen zum Spätwerk Kants*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, S. 208-230.

Carl, W., 1992. *Die Transzendente Deduktion der Kategorien in der ersten Auflage der ‚Kritik der reinen Vernunft‘. Ein Kommentar*. Frankfurt a. M.: Klostermann.

Falkenburg, B., 2000. *Kants Kosmologie. Die wissenschaftliche Revolution der Naturphilosophie im 18. Jahrhundert*. Frankfurt a. M.: Klostermann.

Kleist, H. von, 1987. Über die allmähliche Verfertigung der Gedanken beim Reden. In: H. von Kleist, 1987. *Sämtliche Werke und Briefe*. Hg. von H. Sembdner. In 2 Bänden. Band 2. München: dtv, S. 319-324.

Klingner, S., 2022. Lambert über natürliche Theologie und christliche Religion. In: H.-P. Nowitzki, E. Pasini, P. Rumore und G. Stiening (Hg.): *Johann Heinrich Lambert (1728-1777). Wege zur Mathematisierung der Aufklärung*. Berlin, Boston: De Gruyter. (Im Druck).

Kuliniak, R., 2014. *Johann Heinrich Lambert und Kants Reform der Metaphysik*. Dresden: Neisse.

Lambert, J.H., 1761. *Cosmologische Briefe über die Einrichtung des Weltbaus*. Augspurg: Kletts Wittib.

Lambert, J.H., 1771. *Anlage zur Architectonik oder Theorie des Ersten und des Einfachen in der philosophischen und mathematischen Erkenntnis*. In 2 Bänden. Band 1. Riga: Hartknoch.

Lambert, J.H., [1781]. *Johann Heinrich Lamberts deutscher gelehrter Briefwechsel*. Hg. von J. Bernoulli. Band 1. Berlin & Dessau: Buchhandlung des Gelehrten.

Lambert J. H. Anlage zur Architectonik oder Theorie des Ersten und des Einfachen in der philosophischen und mathematischen Erkenntnis : in 2 Bdn. Riga : Hartknoch, 1771. Bd. 1.

Lambert J. H. Johann Heinrich Lamberts deutscher gelehrter Briefwechsel / hrsg. von J. Bernoulli. Berlin ; Dessau : Buchhandlung des Gelehrten, 1781. Bd. 1.

Lambert J. H. Neues Organon oder Gedanken über die Erforschung des Wahren und dessen Unterscheidung in Irrtum und Wahrheit / hrsg. von G. Schenk : in 3 Bdn. Berlin : Akademie, 1990. Bd. 1.

Lorenz A. Kant und Newton. Klassische Natur- und Transzendentalphilosophie. Wrocław : Arboretum ; Wydział Nauk Społecznych, 2003.

Pollok K. Kants „Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft“. Ein kritischer Kommentar. Hamburg : Meiner, 2001.

Reinhard F. C. Johann Heinrich Lambert. Leben der berühmtesten vier Gelehrten unsers Philosophischen Jahrhunderts, Rousseau's, Lambert's, Hallers's und Voltaire's. Frankfurt ; Leipzig : o.V., 1779. S. 27–53.

Röd W. Die Philosophie der Neuzeit. München : Beck, 2006. Bd. 3.1 : Kritische Philosophie von Kant bis Schopenhauer.

Seide A. Die Notwendigkeit empirischer Naturgesetze bei Kant. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2020.

Stiening G., Thiel U. Einleitung: Johann Nikolaus Tetens und die Tradition des europäischen Empirismus // Johann Nikolaus Tetens (1736–1807). Philosophie in der Tradition des Europäischen Empirismus / hrsg. von G. Stiening, U. Thiel. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2014. S. 13–24.

Stiening G. Dieser „große Künstler von Blendwerken“. Kants Kritik an Herder // Philosophie nach Kant. Festschrift für Manfred Baum / hrsg. von M. Egger. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2014. S. 473–498.

Sturm T. Kant und die Wissenschaft vom Menschen. Paderborn : Schöningh, 2009.

Tetens J. N. Gedancken über einige Ursachen, warum in der Metaphysik nur wenige ausgemachte Wahrheiten sind, als eine Einladungs-Schrift zu seinen den 13ten October auf der Bützlowischen Academie anzufangenden Vorlesungen, entworfen von Johann Nikolaus Tetens. Bützlow ; Wismar : o.V., 1760.

Vorländer K. Immanuel Kant. Der Mann und das Werk : in 2 Bdn. 3. Aufl. Hamburg : Meiner, 1992. Bd. 2.

Walschots M. Lambert. Über den moralischen Schein // Johann Heinrich Lambert (1728–1777). Wege zur Mathematisierung der Aufklärung / hrsg. von H.-P. Nowitzki, E. Pasini, P. Rumore, G. Stiening. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2022 (в печати).

Wunderlich F. Kant und die Bewußtseinstheorien des 18. Jahrhunderts. Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 2005.

Lambert, J.H., 1990. *Neues Organon oder Gedanken über die Erforschung des Wahren und dessen Unterscheidung in Irrtum und Wahrheit*. In 3 Bänden. Band 1. Hg. von G. Schenk. Berlin: Akademie.

Lorenz, A., 2003. *Kant und Newton. Klassische Natur- und Transzendentalphilosophie*. Wrocław: Arboretum; Wydział Nauk Społecznych.

Newton, I., 1726. *Philosophiae naturalis Principia mathematica. Editio tertia auctor et emendata*. London: Guil. & Joh. Innys.

Pollok, K., 2001. *Kants „Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft“*. Ein kritischer Kommentar. Hamburg: Meiner.

Reinhard, F.C., 1779. *Johann Heinrich Lambert*. In: *Leben der berühmtesten vier Gelehrten unsers Philosophischen Jahrhunderts, Rousseau's, Lambert's, Hallers's und Voltaire's*. Frankfurt, Leipzig: o.V., S. 27-53.

Röd, W., 2006. *Die Philosophie der Neuzeit 3.1: Kritische Philosophie von Kant bis Schopenhauer*. München: Beck.

Seide, A., 2020. *Die Notwendigkeit empirischer Naturgesetze bei Kant*. Berlin, Boston: De Gruyter.

Stiening, G. und Thiel, U., 2014. Einleitung: Johann Nikolaus Tetens und die Tradition des europäischen Empirismus. In: G. Stiening und U. Thiel, Hg. 2014. *Johann Nikolaus Tetens (1736-1807). Philosophie in der Tradition des Europäischen Empirismus*. Berlin & Boston: De Gruyter, S. 13-24.

Stiening, G., 2014. Dieser „große Künstler von Blendwerken“. Kants Kritik an Herder. In: M. Egger, Hg. 2014. *Philosophie nach Kant. Festschrift für Manfred Baum*. Berlin & Boston: De Gruyter, S. 473-498.

Sturm, T., 2009. *Kant und die Wissenschaft vom Menschen*. Paderborn: Schöningh.

Tetens, J.N., 1760. *Gedancken über einige Ursachen, warum in der Metaphysik nur wenige ausgemachte Wahrheiten sind, als eine Einladungs-Schrift zu seinen den 13ten October auf der Bützlowischen Academie anzufangenden Vorlesungen, entworfen von Johann Nikolaus Tetens*. Bützlow, Wismar: o. V.

Vorländer, K., 1992. *Immanuel Kant. Der Mann und das Werk*. In 2 Bänden. 3. Auflage. Band 2. Hamburg: Meiner.

Walschots, M., 2022. Lambert über den moralischen Schein. In: H.-P. Nowitzki, E. Pasini, P. Rumore und G. Stiening, Hg. 2022. *Johann Heinrich Lambert (1728-1777). Wege zur Mathematisierung der Aufklärung*. Berlin & Boston: De Gruyter. (Im Druck).

Wunderlich, F., 2005. *Kant und die Bewußtseinstheorien des 18. Jahrhunderts*. Berlin & New York: De Gruyter.

Об авторе

Гидеон Штининг, доктор философии, профессор, Мюнхенский университет им. Людвига и Максимилиана, Мюнхен, Германия.

E-mail: gideon.stiening@gmx.de

О переводчике

Ирина Геннадьевна Черненко, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ichernenok@kantiana.ru

Для цитирования:

Штининг Г. От математической к критической метафизике природы. Ламберт и Кант // Кантовский сборник. 2022. Т. 41, № 2. С. 42–67.

doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-2

© Штининг Г., 2022.

The author

Prof. Dr Gideon Stiening, Ludwig Maximilian University of Munich (LMU Munich), Munich, Germany.

E-mail: gideon.stiening@gmx.de

To cite this article:

Stiening, G., 2022. Von der mathematischen zur kritischen Metaphysik der Natur. Lambert und Kant. *Kantian Journal*, 41(2), pp. 42-67.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2022-2-2>

© Stiening G., 2022.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

**СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ТРАКТАТА КАНТА
«НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЧУВСТВОМ
ПРЕКРАСНОГО И ВОЗВЫШЕННОГО»:
ИСКУССТВО ВИДЕНИЯ
И ОПИСАНИЯ ОБЪЕКТА**

А. В. Бабаева¹, Л. В. Гусева¹, О. М. Ким²

Предпринята попытка прочтения «Наблюдений над чувством прекрасного и возвышенного» Иммануила Канта в контексте становления эпистемической практики – научного наблюдения. Будучи сосредоточены на жанрово-стилистических и семантико-структурных особенностях построения анализируемого текста, авторы демонстрируют механизмы осуществления наблюдения, а также способы описания полученных результатов, характерные для науки середины XVIII столетия. Анализируемый трактат Канта расценивается авторами как гибридный текст, который свидетельствует, во-первых, о весомости естественно-научной парадигмы и степени ее влияния на гуманитарное знание в эпоху Нового времени и, во-вторых, о мультижанровости философских трактатов, сочетающих взвешенную, серьезную мудрость философии, точность терминологии науки и образность художественного текста. Кант показан не только как исследователь и философ, способный демонстрировать сущностные характеристики предмета через единичное и изменчивое, фиксируемое в наблюдении, но и как писатель, искусно владеющий инструментами удержания внимания читателя посредством языковых приемов и практик создания образов. Продемонстрировано, как категории «прекрасное» и «возвышенное» становятся общей рамочной характеристикой моральных и психологических свойств человеческой природы. Показано, что «эстетическая» формулировка используется Кантом в на-

¹ Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина. Россия, 603005, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1.
² Балтийский федеральный университет им. И. Канта. Россия, 236016, Калининград, ул. А. Невского, д. 14.
Поступила в редакцию: 10.02.2022 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-3

**SEMANTIC AND STYLISTIC FEATURES
OF KANT'S OBSERVATIONS
ON THE FEELING OF THE BEAUTIFUL
AND THE SUBLIME:
THE ART OF SEEING
AND DESCRIBING AN OBJECT**

A. V. Babaeva,¹ L. V. Guseva,¹ O. M. Kim²

Immanuel Kant's Observations on the Feeling of the Beautiful and the Sublime is examined in the context of the emergence of the epistemological practice of scientific observation. By focusing on the genre-stylistic and semantic-structural features of the text the authors demonstrate the mechanisms of observation as well as the methods of describing the results characteristic of mid-eighteenth century science. The authors consider Kant's treatise to be a hybrid text: on the one hand, it attests to the importance of the natural science paradigm and the degree of its influence on the humanities in the modern period; and, on the other hand, it bears witness to the multi-genre character of philosophical treatises, combining as they do the considered and serious wisdom of philosophy, the precision of scientific terminology and the figurativeness of a work of fiction. Kant is perceived not only as a researcher and philosopher capable of bringing out the essence of the particular and changeable captured in observation, but as a writer with a consummate command of the apparatus for keeping the reader's attention through linguistic devices and practices of image-creating. The authors demonstrate how the categories of the "beautiful" and "sublime" become a general framework for the description of the moral and mental properties of human nature. The authors show that Kant's use of "aesthetic" wording in the title of his treatise does not announce

¹ Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University.

1 Ulianova st., Nizhny Novgorod, 603005, Russia.

² Immanuel Kant Baltic Federal University. 14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236016, Russia.

Received: 10.02.2022.

doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-3

звании трактата не для того, чтобы анонсировать анализ художественного восприятия и практик, а преимущественно чтобы обозначить форму предлагаемого антропологического исследования и концептуализации научного знания. Кант перенес техники визуализации из естественных наук на объекты философского исследования, чем способствовал развитию в гуманитарной науке репрезентативных практик, научного метода наблюдения, а также одноименного эпистемического и литературного жанра.

Ключевые слова: Кант, наблюдение, автор, читатель, жанрово-стилистические особенности, научная методология

1. Введение

Кантовская теория прекрасного и возвышенного довольно часто оказывается объектом исследования кантоведов, однако далеко не всегда при этом уделяется внимание трактату «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» (1764) — он нередко остается в тени более зрелой «Критики способности суждения» (1789). В отечественном кантоведении исключениями из этой тенденции стали исследования, посвященные истокам ранней кантовской эстетики и антропологии (Нарский, 1985; Мееровский, 1985), кантовской философии любви (Судаков, 2017), а также понятию возвышенного в этическом измерении (Волжин, 2017). И все же «Наблюдения...» — это тот трактат, благодаря которому в свое время Кант приобрел репутацию модного автора (Гулыга, 1977, с. 75). Произведение с момента выхода сразу же завоевало популярность у публики и только при жизни автора выдержало восемь изданий.

Нас интересуют именно методологический и стилистический аспекты трактата, точнее, их сочетание и взаимодействие. Лингвистический, герменевтический и лингвокультурный анализ сочинений Канта до сих пор осуществлялся на материале трудов критического периода, а также ранних натурфилософских трактатов (см.: Копцев, 1993; 2010; Черненко, 2005; 2017; Ни-

that his aim is analysis of artistic perception and practices, but mainly refers to the form of his anthropological study and conceptualisation of scientific knowledge. Kant has transferred the technique of visualisation from natural sciences to the objects of philosophical inquiry, thus contributing to the development in the humanities of representative practices, the scientific method of observation as well as the corresponding epistemic and literary genre.

Keywords: Kant, observation, author, reader, genre and style features, scientific methodology

1. Introduction

Kant's theory of the beautiful and the sublime is a frequent object of study by Kant scholars, but the treatise *Observations on the Feeling of the Beautiful and the Sublime* (1764) is often overshadowed by the more mature work *Critique of the Power of Judgement* (1789). Exceptions from this trend in Russian Kant scholarship are studies devoted to the sources of early Kant aesthetics and anthropology (Narsky, 1985; Meerovsky, 1985), the Kantian theory of love (Sudakov, 2017), as well as the ethical dimension of the concept of the sublime (Volzhin, 2017). And yet it was *Observations* that in its time earned him the reputation of a fashionable author (Gulyga, 1977, p. 75). It became an immediate success with the public and went through eight editions in the author's lifetime alone.

We are interested above all in the work's methodological and stylistic aspects, or rather, their combination and interaction. To date, linguistic, hermeneutic and cultural analysis of Kant's works has been based on the works of his critical period and on his early works on the philosophy of nature (cf. Koptsev, 1993; 2010; Chernenok, 2005; 2017; Nikonova, 2012; Tausneva, 2016). The works of the pre-critical pe-

конова, 2012; Тауснева, 2016). Произведения докритического периода лингвистически еще не исследованы. Схожий подход к выбору материала реализован в логико-когнитивном анализе кантовских текстов с построением формализованных моделей аргументации: здесь основное внимание до сих пор уделялось механистическим и органическим метафорам в поздних и натурфилософских сочинениях Канта (см.: Сологубов, 2004; Зильбер, 2016; 2020a; 2020b; Zilber, 2016). Одна из возможных причин недостатка внимания к «Наблюдениям...» заключается в том, что многие психологические и антропологические суждения этого трактата сегодня выглядят как очевидные предрассудки — правда, ничуть не меньше в нем и тех суждений, которые со временем не потеряли актуальность. В лингвистическом отношении этот некогда популярный трактат представляет интерес хотя бы потому, что, как отмечает И. Г. Черненко, Кант принадлежит к числу авторов, которые сформировали немецкий научный дискурс XVIII в. (Черненко, 2017, с. 115).

С учетом означенных обстоятельств дальнейшее изложение не претендует на тематическую реконструкцию смысловых блоков, составляющих содержание «Наблюдений...». Наше обращение к отдельным темам и проблемам анализируемого текста вызвано скорее необходимостью иллюстрирования его жанрового своеобразия в контексте институционализации наблюдения, а также отражения логики отношений, которые выстраивает автор с читателем, демонстрируя результаты своих изысканий. Наши задачи — это, во-первых, определение историко-научного контекста появления кантовских «Наблюдений...»; во-вторых, поиск в тексте сочинения особых способов представления и описания данных анализа «человеческой природы», апробированных кёнигсбергским философом; в-третьих, вскрытие механизмов формирования оптики наблюдателя (через фигуру автора) как инстанции (вос)производства и трансляции знания.

riod have yet to be studied from the linguistic point of view. A similar approach to the selection of material marks the logical-cognitive analysis of Kant's texts, involving the construction of formalised models of argumentation in which attention has to this day been focused on mechanistic and organic metaphors in Kant's later works dealing with the philosophy of nature (cf. Sologubov, 2004; Zilber, 2016a; 2016b; 2020a; 2020b). One possible reason for the lack of attention given to *Observations* may be that many psychological and anthropological judgments in that treatise look like obvious prejudices today, although at least as many judgments in it have lost none of their relevance. Linguistically, this once popular treatise awakens interest if only because, as Irina Chernenok (2017, p. 115) notes, Kant was one of the authors who shaped the German scholarly discourse in the eighteenth century.

Considering the above circumstances, this paper does not claim to reconstruct thematically the blocks of meanings that form the content of *Observations*. We only turn to specific themes and problems of the text being analysed in order to illustrate their genre characteristics in the context of the institutionalisation of observation and reflection of the logic of relations with the reader which the author builds to demonstrate the results of his research. Our tasks are, first, to determine the historical-scientific context in which Kant's *Observations* were published; second, to find in the text of *Observations* special methods of presenting and describing the data of his analysis of "human nature" that the Königsberg philosopher tried out; and third, to reveal the mechanisms of forming the observer's optics (through the figure of the author) as a means of (re)production and translation of knowledge.

2. Наблюдение как форма изложения и метод исследования в историческом контексте

«Эстетическая» формулировка названия трактата определяет рамку анализа всего содержания текста: этической проблематики, темы взаимоотношения полов и специфики национальных характеров. Его интегральной темой является человек в его действительном существовании. В связи с этим данный текст представляет особый интерес для тех, кто исследует формирование кантовской концепции антропологии в критический период. В «Наблюдениях...» Кант выступает как эссеист, который в образной и ироничной форме затрагивает целый ряд и по сей день актуальных социально-психологических, эстетических и этических тем. Не случайно в этом трактате и переплетение эпистемологических проблем с политическими: становление и признание жанра эссе как формы изложения результатов наблюдения шло одновременно со становлением и ростом национальных государств, поэтому внимание Канта в «Наблюдениях...» к специфике национальных характеров стоит рассматривать не только в свете формирования науки о человеке (собственно антропологического проекта), но и в рамках изменения статуса политического в жизни социально-культурных организмов.

Для Канта это было первое эссе в его научной карьере. Дж. Заммитто отмечает, что в Европе к тому времени сложилась уже определенная традиция эссеистики, во многом она пересекалась с традицией общественной критики — афористичными сочинениями французских и британских «моралистов» от Монтеня до Бэкона. В немецком Просвещении этот жанр был известен под названием «Опыт» (*Versuch*). Характерным для него были не только живость и изящество слога, но и шутовство, остроумие. Это было пространство вольного дискурса, в котором отсутствуют барьеры для развития мысли, пространство экспе-

2. Observation as a Form of Presentation and Research Method in the Historical Context

The “aesthetic” wording of the title of the treatise determines the framework of analysis of the whole context of the text: the ethical problems, the topic of the relations between the sexes and the idiosyncrasies of national characters. The overarching theme is the human being in his real existence. This makes the text particularly interesting for those who study the formation of Kant’s concept of anthropology in the critical period. In *Observations* we perceive Kant as an essay writer who uses imagery and irony in addressing a range of socio-psychological, aesthetic and ethical topics that are still relevant today. It is not by chance that in the treatise epistemological and political problems intertwine: the emergence and scientific recognition of the essay genre as a form of presenting observation results went hand-in-hand with the emergence and growth of nation states, so that Kant’s attention to the differences between national characters should be seen not only in the light of the formation of the science of humanity (the anthropological project) but in the framework of the changing status of the political in the life of socio-cultural organisms.

This was the first essay Kant wrote in his career. John Zammito notes that by that time a certain tradition of essay writing had taken shape in Europe which in many ways overlapped with the tradition of social criticism as represented by the aphoristic works of the British and French “moralists” from Montaigne to Bacon. In the German Enlightenment the genre was known as “essay” (*Versuch*). The genre was marked not only by liveliness and elegance of diction, but also facetiousness and wit. It was a domain of free discourse without barri-

риментирования, и название «Наблюдения...» особенно подчеркивает эту свободу (см.: Zammito, 2002, p. 105).

Насколько серьезно в этой связи следует воспринимать «Наблюдения...» — и насколько серьезный «опыт» это был для Канта? Дж. Голдвэйт в предисловии к переводу «Наблюдений...» на английский язык пишет, что книга «богато раскрывает личность автора» (Goldthwait, 1960, p. 13). М. Кюн оспаривает это мнение: «Мы видим тут не столько искренние чувства, сколько предрассудки эпохи», причем некоторые из них Кант воспроизводил в своих лекциях до конца своей преподавательской деятельности, но это не делает их менее устаревшими (Кюн, 2021, с. 205). Вместе с тем верно и замечание А. Гулыги о том, что Кант этим текстом предугадал «грядущий поворот от рассудка к чувствам» и назревающий интерес культуры к жизненному миру личности (Гулыга, 1977, с. 69).

Главным мыслителем, который влиял на Канта в первой половине 1760-х гг., был Ж.-Ж. Руссо, автор романов «Юлия» (1761) и «Эмиль» (1762). Ведущей темой кантовской антропологической мысли стало противопоставление естественного человека и человека цивилизованного. От Руссо и британских мыслителей Кант, как отмечает Заммито, перенял следующую содержательную предустановку для реализации этой программы: природа естественного человека раскрывается прежде всего через его чувство (Zammito, 2002, p. 110). Точнее, через наблюдение за чувствами. Наблюдениями назвал свой метод в «Эмиле» Руссо, Кант же в заметках к своим «Наблюдениям...» высказал пожелание «распространить» воспитательные идеи «Эмиля», и, по мнению С. М. Шелл, все последующее развертывание философии Канта было подчинено этой задаче (Shell, 2002, p. 456).

В области антропологии наблюдение оставалось безальтернативным средством эмпирического исследования. На наш взгляд, в случае Канта естествознание и философская антропология разошлись не столь далеко. Мы расс-

ers for the development of thought, a space for experimenting, the feature that is stressed in the title *Observations* (cf. Zammito, 2002, p. 105).

How seriously, then, should we take *Observations*, how serious was this “attempt” for Kant? Goldthwait (1960, p. 13) in the foreword to the English translation of *Observations* writes that the book “richly discloses the personality of the author”. Manfred Kuehn (2001, p. 142) challenges this opinion: “What we get is not so much heartfelt sentiments as the prejudices of an era,” some of which Kant continued to reproduce in his lectures until the end of his teaching activities, but that does not make them any less outdated. But we can go along with Arseniy Gulyga’s remark that in this text Kant anticipated “the coming turn from reason to feelings” and culture’s incipient interest in the life-world of the individual (Gulyga, 1977, p. 69). The thinker who exerted the greatest influence on Kant in the first half of the 1760s was Jean Jacques Rousseau, more precisely his novels *Julie* (1761) and *Emile* (1762). Juxtaposition of the natural and the civilised human being became the main theme of Kant’s anthropological thought. It was from Rousseau and the British thinkers that Kant, according to Zammito (2002, p. 110), borrowed the key principle of this programme: the nature of the natural human being reveals itself primarily through his/her feelings. More precisely, through observation of feelings. Rousseau described his method in *Emile* as observations. In the notes to his *Observations* Kant wrote about “propagating” the educational ideas of *Emile*, the task to which, in the opinion of Susan M. Shell (2002, p. 456), Kant devoted all his subsequent philosophy.

In the field of anthropology observation remained a method of empirical investigation to which there was no alternative. In our opinion, in Kant’s case natural sciences and philosophical anthropology did not diverge to any great extent. We consider Kant’s *Observations* to be a

матриваем кантовские «Наблюдения...» как произведение, отражающее логику формирования нововременных опытных научных стратегий и практик описания результатов эмпирического исследования в контексте становления «империи наблюдения», как ее представляет Л. Дастон (Daston, 2011, p. 83).

Характерно уже само название кантовской работы: наблюдение заявлено здесь не только в качестве способа естественного, большей частью спонтанного созерцания явлений, но в первую очередь как особая форма представления знания в режиме визуализации. Использование в заглавии формы множественного числа существительного «наблюдения» (*Beobachtungen*) подчеркивает не случайный характер опытов, типичный для жанра остроумного эссе, а многократность созерцания объекта, то есть системность организации практики видения, что задает эпистемический тон всему кантовскому тексту. Кант создает не столько публицистическую зарисовку, сколько научную работу, в которой излагаются результаты целенаправленных исследований.

В этом отношении «Наблюдения...» служат примером трансформации научной методологии в Новое время — методологии, восходящей к гносеологическим подходам Декарта, Лейбница и Локка. К середине XVIII в. философы начали осознавать назревшую необходимость синтеза рационалистического и эмпирического течений. «Наблюдения...» Канта стали откликом на эту проблему, попыткой сочетать теоретическую систематизацию с эмпирической точностью. Окончательно этот эпистемологический проект синтеза теоретических построений с данными опыта оформился в трудах Канта критического периода. Сутью этого проекта стало то, что в «сердце философии» была принята теория познания, отличная от наук и служащая для них основанием (Рорти, 1997, с. 97). Реализация указанного проекта выводит на первый план такие установки, как признание наличия базового, неразложимого основания достоверного знания; универсализм в виде ре-

work that reflects the logic of forming modern experimental scientific strategies and practices of describing the results of empirical studies in the context of the emergence of the “Empire of Observation”, to use Lorraine Daston’s words (2011, p. 83).

The very title of Kant’s work speaks volumes: observation is declared not only as the method of natural, for the most part spontaneous, observations of phenomena, but above all as a special form of presenting knowledge in the mode of visualisation. The use of the plural form of the noun ‘observation’ (*Beobachtungen*) implies not casual experiences typical of the witty essay genre, but stresses repeated observations of an object, i.e. systemically organised practices of seeing, which set an epistemological tone to the entire text. Kant presents not a journalistic sketch, but sets forth the results of purposive investigations.

Thus, *Observations* is an example of the transformation of scientific methodology in the modern period, a methodology going back to Descartes, Leibniz and Locke. By the middle of the 18th century philosophers were becoming aware of the need for a synthesis of the rationalist and empirical trends. Kant’s *Observations* was a response to this problem, an attempt to combine theoretical systematisation with empirical precision. The epistemological project of combining theoretical reasoning with empirical data took final shape in Kant’s works of the critical period. The most important thing about this project was that the core of philosophy was becoming the “theory of knowledge, a theory distinct from the sciences because it was their foundation” (Rorty, 1979, p. 132). The project puts in the forefront and centre such principles as the recognition of the basic, indecomposable foundation of true knowledge; universalism in the shape of reduction of knowledge to absolute principles, data of experience and logical forms; representationism, whereby the external

дукции знания к абсолютным началам — опытным данным и логическим формам; репрезентационизм, согласно которому внешний мир в философии как «зеркале природы» предстает копией действительности; строгое различение субъективного и объективного в познании, в суждениях и в практической деятельности.

Наблюдение как особая стратегия в исследовании мира и своеобразный жанр рождается в условиях формирования научного знания, сопровождающегося созданием особого языка, позволяющего не только фиксировать феномены в текстах, но и представлять их читателю наглядным образом. Б. Латур в своем анализе истории развития наук XVII—XVIII вв. показывает, как ученые постепенно переходят от описания простых объектов к более сложным, от фиксации чувственных данных к репрезентации умопостигаемых сущностей, от буквального созерцания природы к рассмотрению печатных записей, фиксирующих результаты этих созерцаний. Латур отмечает, что «у вымысла, даже самого необузданного или самого священного, и у вещей природы, даже самых невзрачных, есть место встречи, общее место, потому что все они опираются на “оптическую согласованность”» (Латур, 2017, с. 108).

Благодаря распространению физико-математических методов познания разум обретает глаза, а культура учится видеть мир (см.: Daston, 2011, p. 85–87). Переноса феномены из естественной обстановки их функционирования в пространство мысли, предметное поле исследования, ученые формируют своеобразный атлас бытия, представляющий собой картографическую энциклопедию, таксономический свод объективных знаний о мире. На подобной карте кружочки, точки, черточки фиксируют напряженную работу человеческой мысли по упорядочению и систематизации разрозненных элементов в единое целое, а считываемые с подобных атласов феномены предстают изучающему их сознанию в качестве постоянных, однородных и согласованных, что позволяет не только адекватно описы-

world is presented as a copy of reality in philosophy, which is “the mirror of nature”; rigorous distinction between the subjective and the objective in knowledge, in judgments and practical activity.

Observation, as a strategy of investigating the world and a genre, is born along with the formation of scientific knowledge and accompanied by the creation of a special language that makes it possible not only to record phenomena in texts, but to present them to the reader in a compelling form. Bruno Latour, in his analysis of the history of science in the seventeenth and eighteenth centuries, shows that scientists gradually switch from describing simple objects to more complicated ones, from recording sensible data to representation of the noumenal world, from direct contemplation of nature to examining printed records of the results of these contemplations. Latour (1986, p. 8) notes that “Fiction – even the wildest or the most sacred – and things of nature – even the lowliest – have a meeting ground, a common place, because they all benefit from the same “optical consistency”.

Thanks to the spread of physical and mathematical methods of cognition, reason develops eyes and culture learns to see the world (cf. Daston, 2011, pp. 85-87). Transferring phenomena from the natural circumstances of their functioning to the mental sphere, the object of study, scientists form their original atlas of being which is a cartographic encyclopedia, a taxonomic compendium of knowledge about the world. On this map the circles, dots and dashes are records of intense work of human thought, aimed at ordering and systematising disparate elements into a single whole, and the phenomena read off such atlases enable the consciousness studying it as constant, homogeneous and consistent to describe adequately and recreate the mechanisms of their interaction and, if nec-

вать и воссоздавать механизмы их взаимодействия, но при необходимости и тасовать, пересобирать представленные взору объекты (см.: Латур, 2017, с. 142). В свете сказанного выше в становлении нововременной научной практики и фиксации данных наблюдения можно указать два центральных направления их трансформации: 1) новые практики перевода невидимого в видимое, ускользающего в постоянное, абстрактного в конкретное; 2) механизмы дисциплинирования взгляда наблюдателя, отработка навыков стандартизации и универсализации, когда исследователь в единичном эмпирическом явлении схватывает и отражает сущность описываемого, собирая и составляя коллекции, фиксируя данные в записных книжках с последующей расшифровкой материалов (см.: Баева, 2019, с. 49–50).

3. Формы авторского повествования в трактате «Наблюдения...»

С первых страниц Кант оговаривается, что не претендует на философские обобщения в анализе «особенностей человеческой природы»: «Сфера наблюдений... особенностей человеческой природы простирается очень далеко и таит в себе еще множество открытий... Здесь я обращаю внимание лишь на некоторые пункты, особенно... выделяющиеся в данной области, и взгляну на них больше глазами наблюдателя, чем философа» (AA 02, S. 205; Кант, 1994, с. 86). В первую очередь фраза примечательна тем, что содержит признание недостаточности имеющихся знаний и предчувствие грядущих открытий. Акцент на отдельных, особо выделяющихся аспектах человеческой природы можно расценивать как отказ от необоснованных гипотез с целью расположить читателя к исследованию естественного хода вещей. По мнению С. М. Шелл, Кант для своих наблюдений выбрал среди всего многообразия чувств те, которые особенно поддаются обобщениям (Shell, 2002, p. 456).

essary, to reshuffle and reassemble the objects presented before our eyes (cf. Latour, 2017, p. 142). In the light of the above-mentioned two central directions of the transformation of modern-day scientific practice and recording of observation data can be identified: new practices of turning the invisible into the visible, the elusive into the constant and the abstract into the concrete; 2) mechanisms of disciplining the observer's vision, development of the habits of standardisation and universalisation, when the researcher captures in a singular empirical phenomenon and reflects the essence of what is described, gathering and arranging collections, fixing data in notebooks with subsequent deciphering of the materials (cf. Baeva, 2019, pp. 49-50).

3. Forms of Author's Narrative in *Observations*

Kant begins his treatise with a caveat that in his analysis of the “peculiarities of human nature” he does not purport to make philosophical generalisations: “The field for observations of [...] peculiarities of human nature is very extensive and still conceals a rich lode for discoveries [...]. For now I will cast my glance only on several places that seem especially to stand out in this region, and even on these more with the eye of an observer than of the philosopher” (GSE, AA 02, p. 207; Kant, 2011, p. 13). The first thing that strikes the reader is the admission that available knowledge is insufficient and that discoveries are in the offing. The emphasis on salient aspects of human nature can be seen as renunciation of ungrounded hypotheses in order to put the reader in the mood for investigating the natural course of things. According to Shell (2002, p. 456), in the diversity of feelings Kant chose for his observations those that especially lend themselves to generalisations.

Стремление опровергнуть догмы, сомнение в авторитетах и критическая проверка оснований принятых традиций — все это характерные черты развития классической науки Нового времени. Кант заявляет свою позицию как позицию наблюдателя, не претендуя на глубину обобщения и широту охвата поля наблюдения. И. Г. Черненко отмечает, что даже поверхностного рассмотрения докритических сочинений Канта достаточно для вывода о том, что во всех них «роль дедуктивно-формальных методов мышления ограничивается в пользу опыта» (Черненко, 2017, с. 116). Кант ищет порядок в феноменах человеческой природы через чувства как ее собственные мерки, доступные непосредственному наблюдению.

Легкий иронический слог эссе позволяет Канту свободно переходить от поверхностного описания явления к широкомасштабным обобщениям и тем самым подводит читателя к вскрытию сущности явлений. Самое заметное, на чем фиксирует внимание читателя Кант, оказывается характерной приметой, посредством которой автор ведет нас к анализу природы исследуемого явления. При этом лексема «природа» появляется в тексте в нескольких значениях: это и порождающая, производящая сила, и основное свойство вещи, и объемный, многогранный объект анализа исследователя — совокупность вещей окружающего мира. Полифоничность терминологии и изменения оптики позволяют автору легко и изящно менять режим наблюдения — анализа — концептуализации, перенаправляя сознание читателя с интеллектуального созерцания конкретного единичного явления на обзор характерной особенности вещи и определение тенденции ее функционирования.

Обещание взглянуть «больше глазами наблюдателя, чем философа» помимо всего прочего также устанавливает особого рода договоренность между автором «Наблюдений...» и читателем о степени доверия к цепи умозаключений и интерпретаций, представленных в тексте. В свете договоренности читатель ожи-

The wish to overturn dogmas, the questioning of authorities and the critical examination of the grounds of established traditions — all these are the hallmarks of the development of modern classical science. Kant declares his position as that of an observer without sweeping generalisations or a broad field of vision. Chernenok (2017, p. 116) notes that even a cursory examination of Kant's pre-critical works warrants the conclusion that in all of them "the role of formal deductive methods of thought is limited in favour of experience". Kant seeks order in the phenomena of human nature through feelings as its own measures accessible to direct observation.

The light and ironic style of the essay enables Kant to move freely from a superficial description of a phenomenon to large-scale generalisations, thus guiding the reader toward discovering the essence of phenomena. Kant draws the reader's attention to characteristic signs that reveal the nature of the phenomenon. It has to be noted that the word "nature" is used in several meanings: it is a generating, producing force, the inherent property of a thing and a multi-faceted object of analysis, the totality of things in the surrounding world. The polyphony of terminology and changing optics enable the author to change the mode from observation to analysis and conceptualisation with ease, redirecting the reader's attention from intellectual contemplation of a concrete singular phenomenon to a review of a characteristic feature of a thing and determining the trend of its functioning.

The promise to look at things "more with the eye of an observer than of the philosopher" establishes, among other things, a kind of understanding between the author and the reader on

дает, что автор возьмет на себя обязательства по производству всецело достоверного дискурса, сопоставимого по достоверности с научным трактатом по физике (Рикёр, 2004, с. 371), в котором вещи описаны такими, какими они есть сами по себе. При этом автор вдобавок к задачам наблюдателя обнаруживать и различать не снимает с себя обязанности по концептуализации и генерализации материала на уровне философии. Тем самым фигура автора «Наблюдений...» оказывается синтетической, что позволяет пишущему совмещать несколько позиций — ученого, философа и... художника.

Схематично очертив фигуру автора-наблюдателя, необходимо зафиксировать и особенности описываемого им объекта. В центре повествования, как уже было сказано выше, находится человек, который рассматривается не просто как биологический вид в отличие от иных живых организмов — Кант пытается воссоздать особенности душевной организации различных психологических типов людей с учетом темперамента, пола, национальности. При этом автор понимает, что результатом собственно наблюдения как научного метода является эмпирическое знание, фокус которого — единичность и изменчивость. Кант осознает, что данные, связанные с единичным и непостоянным, сложно выразить точно и определенно, их проблематично транспонировать в сущностные характеристики предмета.

Смена регистров, стилистические приемы, несколько оправдательных фраз в принципе смогут убедить неискушенную публику, что в результате как бы вскользь брошенного взгляда формируется целостное представление о предмете, но ученых, практикующих наблюдение как метод и апробирующих данные наблюдения в лабораторных условиях эксперимента, убедить в валидности используемых приемов гораздо сложнее. Вполне естественно, что концептуализация и картографирование анатомических или географических объектов достигается значительно легче, чем таксономия национальных характеров. Каким же образом

the degree of trust in the chain of conclusions and interpretations presented in the text. In accordance with this understanding, the reader expects the author to deliver a wholly authentic discourse, as authentic as a scientific treatise on physics (Ricoeur, 2004, p. 263), in which things are described as they are in themselves. In addition to the task of the observer to detect and distinguish, the author does not divest himself of the duty to conceptualise and generalise the material on the philosophical level. Thereby the figure of the author of *Observations* becomes synthetic, combining the positions of a scientist, philosopher and... artist.

After giving a thumbnail sketch of the author/observer it is necessary to define the object. As mentioned above, the human being is at the centre of the narrative. He/she is seen not only as a biological species different from other living organisms. Kant tries to distinguish the mentalities of different psychological types of people depending on their temperaments, gender and nationality. The author is aware that the result of his observation as a scientific method is empirical knowledge focused on singularity and changeability. Kant knows well that the data involving the singular and inconstant are difficult to express accurately and to define and that transposing them into essential characteristics of the object is problematic.

Change of register, stylistic devices, a few explanatory sentences may, in principle, convince unsophisticated readers that a fleeting glance can yield a complete idea about an object, but it is far more difficult to convince scientists of the validity of your approach who practise observation as a method and test the results of observation in laboratory experiments. Needless to say, conceptualisation and mapping of anatomical or geographical objects

Кант справляется с означенными сложностями? Он, как мы видим, начинает с замечания, что выраженное им мнение носит преимущественно частный характер, — незамысловатый, но вполне действенный прием. Более сложным и тонким решением задачи становится смещение ракурса авторской позиции. В тексте «Наблюдений...» перед читателем автор возникает одновременно как ученый, философ и художник, и следует признать: именно третья «ипостась» становится базовым фокусом в тексте «Наблюдений...», что во многом и объясняет сам факт использования эстетической рамки для анализа психологических феноменов.

Наука Нового времени видела свою задачу в систематизации и даже стандартизации как наблюдаемых объектов, так и наблюдающих субъектов, а для гуманитарной науки эта задача в то время осложнялась вдвойне. Сложность состояла (и состоит) в необходимости формулировки нравственных суждений в отношении анализируемого предмета. Научное наблюдение — это процесс серийный, его результатом является фиксация изменчивости объекта, за которой должны просматриваться характерные свойства. Задачу, которую Кант, по сути, решает в «Наблюдениях...», можно изложить следующим образом: в повседневных, рутинных практиках узреть постоянные, существенные признаки предмета, которые возможно было бы, с одной стороны, представить наглядно и объективно, а с другой — отразить посредством воссозданной системы существующего морального порядка.

Составление классификации, типичной для естественных наук, в «Наблюдениях...» в процессе визуализации темпераментов, характеров и поступков для Канта оказывается серьезным вызовом. Несмотря на то что к моменту написания текста статистика как самостоятельная область знания уже существовала, ученым было еще очень далеко до уровня точности современных социологических и естественно-научных исследований сознания и бессознательно, поэтому оптимальным решением для фило-

are much easier than a taxonomy of national characters. How does Kant cope with these difficulties? As we see, he starts by remarking that his opinion is of a particular character — an ingenuous but quite effective move. Shifting the author's angle is a more difficult and sophisticated answer. In the text of *Observations* we perceive the author at once as a scientist, philosopher and an artist and, let us be quite clear, the third “*persona*” is basic to *Obsevation*s, which goes a long way to explain the use of the aesthetic framework to analyse psychological phenomena.

The science of the modern period saw its task in systematising and standardising both the objects observed and the observing subjects, a task that was much more difficult for the humanities. The challenge was (and still is) to formulate moral judgments regarding the object being analysed. Scientific observation is a serial process, its result is to fix the changeability of the object behind which can be discerned its characteristics. The task Kant is grappling with in *Observations* can be summed up in the following way: to see in day-to-day routine practices constant and essential properties of the object which can be, on the one hand, presented vividly and objectively and, on the other hand, can be reflected through a recreated system of the existing moral order.

Making a classification typical of the natural sciences in the process of visualising temperaments, characters and actions turns out to be a serious challenge for Kant. Although, by the time the text was written, statistics as an independent area of knowledge already existed, scientists still had a long way to go to attain the accuracy of modern sociological and natural science research into consciousness and the unconscious. This is why for Kant the best solu-

софа оказалось использование в тексте «Наблюдений...» не концептов, а именно *образов*. Это, во-первых, обеспечивает безболезненность перехода по регистрам восприятия (для читателя), во-вторых, открывает возможности применения художественных приемов и, в-третьих, позволяет решать широкий круг проблем не только эпистемологического, но и этического характера.

4. Приемы создания образности в «Наблюдениях...»

При визуализации результатов наблюдений исследователь может использовать два варианта иллюстраций: а) *идеальное* изображение, вбирающее лучшее, совершенное, что есть в наблюдаемом, часто соотносимое с идеальными представлениями; б) *характерное* изображение, отражающее наиболее часто встречающиеся свойства в индивидуальном. Выбор первого варианта отвечает, с точки зрения Канта, замыслам *самой природы*, которая все благородные и прекрасные свойства «редко совмещает в одном человеке и еще реже сообщает их тому, кто может их оценить и, вероятно, был бы достоин обладать ими» (AA 02, S. 239; Кант, 1994, с. 123). Логика описания, с одной стороны, определяется принципом реализма, требующим отражать реалии жизни, с другой — принципом универсализма, предписывающим вскрывать суть предмета, а следовательно, характерное и типичное.

Автор «Наблюдений...» останавливается на втором варианте и идет по пути типизации, итогом которой становится рационализированный образ, служащий для формирования понятия. В рамках этого варианта исключается нетипичное, уникальное. Ярче всего это можно проиллюстрировать примером из третьего раздела «Наблюдений...», где Кант рассуждает о дамах, демонстрировавших в его время интерес, склонность к науке:

tion was to use not concepts, but *images*, which, first, ensures a painless transition between registers of perception (for the reader), second, paves the way for the use of artistic devices and third, makes it possible to tackle a wide range not only of epistemological but also of ethical problems.

4. Methods of Creating Images in *Observations*

In visualising the results of observations the researcher can use two types of illustrations: a) the *ideal* image, which shows all the best and most perfect features of the observed, often matching the ideal; and b) the *characteristic* image, which reflects the most commonly encountered properties of the individual. Kant notes that option a) is limited by the designs of *nature itself* which “rarely unites” all the noble and wonderful properties “in one person and even more rarely offers to one who can treasure her and who would perhaps be worthy of such a possession” (GSE, AA 02, p. 239; Kant, 2011, p. 46). The logic of description, on the one hand, is determined by the principle of realism which demands reflection of the realities of life and, on the other hand, by the principle of universalism which prescribes that the essence of the object, i.e. what is characteristic and typical, be reflected.

The author of *Observations* chooses variant b) and follows the path of typification, arriving at a rationalised image which serves the purpose of creating a concept. The second variant rules out what is untypical and unique. This is best illustrated by the third section of *Observations* in which Kant reflects on ladies who in his time showed an interest and an inclination toward science:

...слишком отвлеченные рассуждения (даже если бы женщине удалось в этом достигнуть совершенства) сводят на нет достоинства, присущие женскому полу. Хотя они и способны ввиду их редкости сделать женщину предметом бесстрастного удивления, но они уменьшают силу тех прелестей, благодаря которым женщины имеют такую большую власть над другим полом. Женщине, у которой, как у г-жи Дасье, голова полна греческой премудрости или которая, подобно маркизе Шатле, ведет ученый спор о механике, не хватает для этого только бороды; борода, быть может, еще отчетливее выразила бы глубокомыслие, приобрести которое стремятся такие женщины... Содержание великой науки женщины – скорее всего человек, а среди людей – мужчина. Ее философия не умствования, а чувство. <...> Зато провидение вселило в сердца женщин чувства доброты и благожелательства... (AA 02, S. 229–230; Кант, 1994, с. 112–113, 115).

Как видим, женщина, интересующаяся наукой, трактуется автором как аномалия, поскольку природа женского заключается в очаровании, что непосредственно связано с «радостью, весельем» и несовместимо с «глубиной», а также способностью оперировать принципами. Казус г-жи Дасье неприемлем для Канта вовсе не потому, что здесь он усматривает посягательство женщин на мужское господство в науке (подобная мысль категорически находится за пределами данного текста), а по той причине, что женщина в науке видится автору нарушением естественного (и социального нормативного) порядка вещей, поэтому и рассценивается как исключение, подтверждающее эпистемологическое требование удерживать фокус на типичном и неизменном.

«Пренебрежения» к индивидуальным признакам следует рассматривать в качестве общего тренда для естественных наук того времени. А поскольку «Наблюдения...» представляют собой попытку апробации естественно-научной методологии для анализа этических и психологических проблем, познание индивидуального приносится в жертву генерализации (Гинзбург, 2004, с. 210): автор с легкостью

[...] painful grubbing, even if a woman could get very far with them, destroy the merits that are proper to her sex, and on account of their rarity may well make her into an object of a cold admiration, but at the same time they will weaken the charms by means of which she exercises her great power over the opposite sex. A woman who has a head full of Greek, like Mme. Dacier, or who conducts thorough disputations about mechanics, like the Marquise du Châtelet, might as well also wear a beard; for that might perhaps better express the mien of depth for which they strive [...]. The content of the great science of woman is rather the human being, and, among human beings, the man. Her philosophical wisdom is not reasoning but sentiment. [...] [instead], providence has implanted goodly and benevolent sentiments in their bosom (GSE, AA 02, pp. 229-230; Kant, 2011, pp. 36-39)

We see that the author regards a woman who is interested in science as an anomaly because femininity consists in charm which is associated with “joy” and “merriment” and is incompatible with “depth” and the ability to deal with principles. Kant considers the case of Mme. Dacier to be unacceptable, not because he sees it is a female challenge to male dominance in science (such an idea is categorically beyond the boundaries of this text), but because he sees the woman in science as a violation of the natural (and social) order of things and is regarded as an exception that confirms the epistemological requirement of focusing on the typical and the immutable.

“Neglect” of individual properties should be seen as the prevailing trend in the natural science of the time. Because *Observations* is an attempt to apply the methodology of natural sciences to the analysis of ethical and psychological problems, the knowledge of the individual is sacrificed in favour of generalisation (Ginzburg, 2004, p. 210): the author is all too ready to skip the individual, believing that sci-

выражает готовность пройти мимо индивидуального, поскольку считает, что требование соблюдения научности выражается в исследовании не аномальных явлений, а именно регулярных закономерностей.

Рассмотрим еще один пример из третьего раздела:

Добродетель женщины есть прекрасная добродетель. Добродетель мужского пола есть добродетель благородная. Женщины избегают дурного не потому, что оно несправедливо, а потому, что оно безобразно, и добродетельными для них будут поступки нравственно прекрасные. Никакого «должно», никакого «надо», никакой обязанности, никаких приказаний, никакого сурового принуждения женщина не терпит (AA 02, S. 231; Кант, 1994, с. 114–115).

Данная цитата свидетельствует о нескольких моментах. Во-первых, этот пример дает представление о том, как эстетические категории, имеющие четкую эмпирическую основу, могут становиться средством описания умопостижимого, в данном случае — этического; во-вторых, тезис демонстрирует реализацию принципа генерализации, поглощающего любые отклонения и аномалии³, и, в-третьих, показывает, каким образом срабатывает принцип бинарности. При этом для запуска последнего принципа — что отражает цитата — не требуется детального прописывания обоих рядов. Эта черта скорее относится к особенностям художественных текстов, чаще использующих ассоциативные связи, нежели логические цепочки.

Третий раздел «Наблюдений...» («О различии возвышенного и прекрасного у муж-

³ Этот пример демонстрирует использование художественных приемов, работающих на концептуализацию: ряды однородных членов и восходящая градация создают эмоциональное напряжение и тем самым усиливают впечатление своеобразного характера «добродетели женщины». То, что Кант описывает как основания поступков прекрасной половины человечества, находится за границами региона «должного», выводится в область эстетики, благодаря чему возникает оксюморон «добродетель женщины» / «женская мораль».

ence is about research into regularities and not anomalies.

Let us look at another example from the third section:

The virtue of the woman is a beautiful virtue. That of the male sex ought to be a noble virtue. Women will avoid evil not because it is unjust but because it is ugly, and for them virtuous actions mean those that are ethically beautiful. Nothing of ought, nothing of must, nothing of obligation. To a woman anything by way of orders and sullen compulsion is insufferable (GSE, AA 02, p. 231; Kant, 2011, p. 39).

The above quotation brings out several things. First, the example gives us an idea of how aesthetic categories anchored in empirical reality can become an instrument for describing the noumenal world, in this case, the ethical; secondly, the thesis demonstrates realisation of the principle of generalisation which subsumes any deviations and anomalies³, and, third, it shows the workings of the binary principle. And the launch of the third principle, as the quotation shows, does not require a detailing of both ranges. This feature is more typical of fictional texts which tend to rely more on associative links than on logical sequences.

The third section of *Observations* (“On the difference between the sublime and the beautiful in the contrast between the two sexes”) is based on a detailed description of the female nature, with the male mentioned in passing by comparison with the female or as a point

³ This example demonstrates the use of artistic devices contributing to conceptualisation: sequences of homogeneous members and an ascending scale create emotional tension and intensify the impression of the original character of “female virtue.” What Kant describes as grounds for the actions of the fair sex is outside the boundaries of “the ought” and is brought into the domain of aesthetics, creating an oxymoron “female virtue” / “female morality.”

чин и женщин») построен на подробном описании женской природы, где мужское дается вскользь либо в плане сравнения с женским, либо в качестве отправной точки описания общей характеристики человеческой природы. Сам автор оговаривается: «Я надеюсь, что от меня не потребуют перечисления свойств мужчин, поскольку они аналогичны упомянутым свойствам женщин» (AA 02, S. 229; Кант, 1994, с. 112). Однако описание мужчин и женщин, как, впрочем, и типов темпераментов, и национальных характеров, то есть все повествование, построено по принципу сопоставления и различения, а не аналогии. Как и в других разделах трактата, где Кант пытается составить типологии, мужское и женское образуют отдельные конкретные модусы свойств человечества, и указание на «сопоставление» по некой аналогии подразумевает бинарную оппозицию. Кант дает описание одной составляющей из пары, предоставляя читателю самостоятельно додумать, какими — противоположными — свойствами обладает вторая составляющая. Кант неоднократно предьявляет читателю нечто вроде сокращенных умозаключений с пропущенными посылками, побуждая разворачивать их самостоятельно, и всегда при этом оставляет «подушку безопасности», предохраняющую от того, чтобы слишком далеко уйти от направления мысли, которое он задал как автор. Одним из примеров подстава, говоря хайдеггеровским языком, является суждение: «...недостаточно представлять себе, что имеешь перед собой людей; нужно не упускать из виду еще и то, что это люди разного рода» (AA 02, S. 228; Кант, 1994, с. 111). Такое указание служит как бы переключателем в режим критического осмысления прочитанного, которое для читателя второй половины XVIII столетия, скорее всего, было гораздо менее привычно, чем для современного читателя.

При рассмотрении своеобразия «Наблюдений...» нельзя обойти стороной и стилистиче-

of departure in describing the general characteristics of human nature. The author himself sees fit to make this reservation: “I hope I will be spared the enumeration of the male qualities to the extent that they are parallel with the former” (GSE, AA 02, p. 229; Kant, 2011, p. 36). However, the description of men and women, as indeed the types of temperament and national characters — and the whole narrative — is based on comparison and differentiation and not on analogy. As in other sections of his treatise, where Kant tries to make typologies, the male and the female form distinct concrete bodies of human properties and the reference to ‘comparison’ by analogy implies binary opposition. Kant describes one part of a pair leaving it to the reader to fill in the properties of the second part. Kant repeatedly offers the reader something like compressed conclusions with missing premises, inviting the reader to complete them independently while always leaving a “safety bag” to prevent the reader from straying too far from the author’s line of thought. One example of “sub-stitute”, to use Heideggerian language, is the proposition: “[...] it is here not enough to represent that one has human beings before one: one must also not forget that these human beings are not all of the same sort” (GSE, AA 02, p. 228; Kant, 2011, p. 35). The proposition turns the switch, as it were, to the mode of critical interpretation of what has been read, which was most likely less common for the readers in the second half of the eighteenth century than for the modern reader.

In considering the originality of *Observations* one cannot bypass the stylistic features of the text. The author uses the present tense. Let us cite an example from the second section in which Kant describes the classification of temperaments:

ское оформления текста. Описание сущего осуществляется автором с использованием грамматических категорий настоящего времени. Приведем пример из второго раздела, где Кант описывает классификацию темпераментов:

Тот, чье чувство приобретает *меланхолический* характер, не потому называется меланхоликом, что, лишенный радостей жизни, он терзается в мрачной тоске, а потому, что его ощущения, если они усиливаются сверх определенной степени или по каким-то причинам принимают ложное направление, легче приводят к такому, а не какому-либо другому состоянию [духа]. Такой человек больше всего обладает *чувством возвышенного* (AA 02, S. 220; Кант, 1994, с. 101).

А вот иллюстрация из третьего раздела, посвященного описанию добродетелей мужчин и женщин: «Чтобы быть как можно дальше от всех этих отвратительных черт, нужна *чистота*; она, правда, приличествует всем, но у прекрасного пола приобретает значение первой добродетели и вряд ли можно говорить здесь о чересчур высокой степени, хотя у мужчин она иногда бывает чрезмерной и тогда становится нелепой» (AA 02, S. 234; Кант, 1994, с. 117). Эти два произвольно взятых отрывка дают нам представление о синтаксических структурах «Наблюдений...». Как мы отметили выше, репрезентация осуществляется в форме настоящего времени, но в перспективе желательного для автора воздействия: реконструкцию каркаса эстетического или психологического феномена автор сопровождает морально-этическими оценками.

При переходе к ценностно-нормативным суждениям происходит и изменение риторики: от описательно-повествовательных конструкций с преобладанием грамматических маркеров 1-го и 3-го лица с обилием фигур речи (от метафоры до иронии) к преимущественно односоставным (безличным и обобщенно-личным) предложениям императивного, прескриптивного характера:

He whose feeling tends towards the melancholic is so called not because, robbed of the joys of life, he worries himself into blackest dejection, but because his sentiments, if they were to be increased above a certain degree or to take a false direction through some causes, would more readily result in that than in some other condition. He has above all a *feeling for the sublime* (GSE, AA 02, p. 220; Kant, 2011, p. 27).

And here is an illustration from the third section devoted to the description of the male and female virtues: “To distance oneself as far as possible from this sort of disgustingness takes *purity*, which is indeed becoming for every person, and which in the case of the fair sex is of the first rank among the virtues and can hardly be taken too far by it, although in the case of a man it can sometimes be exaggerated and then becomes ridiculous” (GSE, AA 02, p. 234; Kant, 2011, p. 41). These two randomly chosen extracts give us an idea of the syntactic structures used in *Observations*. As noted above, representation is in the present tense, but with an eye to producing the desired impact on the reader: he accompanies the reconstruction of the frame of aesthetic and psychological phenomena with moral and ethical assessments.

The switch to value-normative judgments is accompanied by a change of rhetoric: descriptive narrative structures with first- and third-person grammatical markers and profusion of figures of speech (from metaphor to irony) give way to mainly one-member (impersonal and generalised-personal) sentences of an imperative, prescriptive character:

[...] each sex will unite both [beauty and nobility], but in such a way that in a woman all other merits should only be united so as to emphasize the character of the *beautiful*, [...] while by contrast among the male qualities the *sublime* should clearly stand out as the criterion

...каждый пол сочетает [красоту и благородство], однако у женщины все другие достоинства соединяются лишь для усиления в ней характера прекрасного... тогда как среди мужских свойств возвышенное отчетливо выделяется как отличительный признак пола. Это надо принять во внимание, когда судят о представителях того или другого пола — все равно, хвалят ли их или порицают; всякое воспитание и наставление должно постоянно иметь в виду это различие... чтобы содействовать нравственному совершенству того или другого [пола], если только не желают сделать незаметным яркое различие... (AA 02, S. 228; Кант, 1994, с. 111).

Этот пример показывает, что текст фактически содержит два типа семантико-стилистических конструкций: 1) описательные, приглашающие читателя к диалогу и совместному размышлению над социальными явлениями и процессами; 2) нормативные, особенностью которых является монологичность и директивность изложения. Движение повествования между этими конструкциями, перспективами и модальностями — от описания к нормированию, от единичного факта к всеобщему и универсальному смыслу — можно принять за своеобразный механизм переключения режимов повествования и, как следствие, сознания читателя. Стилистическая и когнитивная легитимность переходов обеспечивается использованием прошедшего времени, которое вдобавок воссоздает недостающий момент временной определенности. Так, в частности, когда возникает необходимость сделать отсылку к природе как фундаментальному (читаем: предельному) основанию социального, практикуется использование форм прошедшего времени («которое природа хотела провести между ними [полами]» (AA 02, S. 228; Кант, 1994, с. 111)).

В тексте четко просматривается еще один прием смены регистра в рамках коммуникативной пары «автор — читатель». Это использование в тексте «Наблюдений...» практики перехода внутри местоименной пары «я — мы»

of his kind. To this must refer all judgments of these two genders, those of praise as well as those of blame. All education and instruction must keep this before it, and likewise all effort to promote the ethical perfection of the one or the other, unless one would make unrecognizable the charming difference [...] (GSE, AA 02, p. 228; Kant, 2011, p. 35).

In this example the text in fact contains two types of semantic-stylistic structures: 1) descriptive ones which invite the reader to a dialogue and joint reflection on social phenomena and processes and 2) normative ones which look like monologues and directives. The movement of the narrative between these structures, perspectives and modalities — from description to norm-setting, from a single fact to general and universal meanings — can be seen as a mechanism of switching narrative modes and hence the reader's attention. The stylistic and cognitive legitimacy of the transitions is ensured by the use of the past tense, which simultaneously brings back a sense of temporal certainty. Thus, the past tense is used when a reference is made to nature as the fundamental (ultimate) foundation of the social ("that nature sought to establish between the two human genders" — GSE, AA 02, p. 228; Kant, 2011, p. 35).

The text clearly reveals yet another device of change of register within the communicative pair "author-reader." It is the practice of transition within the pronoun pair "I-we" ("my-ours"). Kant more often than not uses the pronoun "I" where he cites facts, i.e. works with empirical material ("I will only provide an example", "I will call the first", "I continue with my comments") or enunciates propositions that need further study ("I believe", "I touch only fleetingly", "I have great authorities [...] on my side"). He resorts mainly to the pronoun "we" ("our") to a) present a chain

(«мой — наш»). Там, где Кант приводит факты, то есть работает с эмпирическим материалом («я приведу только один пример...», «первое я бы хотел назвать...», «я продолжу свои замечания...») или высказывает положения, нуждающиеся в дополнительных исследованиях («я полагаю...», «я лишь бегло коснусь...», «я могу сослаться...»), он преимущественно использует местоимение «я». Обращение к «мы» («наш») практикуется преимущественно там, где а) строится цепь умозаключений (например, «Чтобы первое из упомянутых здесь впечатлений имело надлежащую силу, мы должны обладать...»); б) речь идет об общепринятых положениях («Мы видим... что некоторую тонкость чувства ставят человеку в заслугу»); в) фиксируются характеристики мужского пола («Мы же могли притязать на звание благородного пола...»); г) осуществляется выход на собственно исследовательский уровень («...наша задача — высказать... соображения по поводу чувств...»). Тем самым, с одной стороны, достигается семантико-синтаксическая монолитность текста; с другой — обеспечивается вовлечение читателя, что не только легитимирует выводы, к которым подводит автор, но и усиливает и закрепляет достоверность изобразяемого: третий и четвертый разделы повествуют о феноменах, свидетелем которых на основе общих всем людям задатков и при должном уровне развития наблюдательности может стать каждый. Собственно, на этом основании Кант выстраивает тезисы, изложенные в трактате, что подтверждает фраза преамбулы: «Различные ощущения приятного и неприятного основываются не столько на свойстве внешних вещей, возбуждающих эти ощущения, сколько на присутствии каждому человеку чувству удовольствия или неудовольствия от этого возбуждения» (AA 02, S. 207; Кант, 1994, с. 86).

Структуру текста «Наблюдений...» можно представить в качестве трехступенчатой композиции: описание феномена самого по себе

of inferences (“For the former to make its impression on us in its proper strength, we must have...”); b) refer to generally accepted truths (“We also see that a certain fineness of feeling counts toward a person’s merit”); c) refer to the characteristics of the male sex (“we could lay claim to the designation of the noble sex”); d) refer to the author as researcher (“Since our aim is to judge of sentiments”). Thereby, on the one hand, semantic and syntactic unity of the text is achieved; on the other hand, the reader becomes involved, which legitimises the author’s conclusions and reinforces the authenticity of what is depicted: the third and fourth sections speak about phenomena which, given general human faculties and a certain level of observation, anyone can witness. These are the grounds on which Kant builds his theses, as proved by the sentence in the preamble: “The different sentiments of gratification or vexation rest not so much on the constitution of the external things that arouse them as on the feeling, intrinsic to every person, of being touched by them with pleasure or displeasure” (GSE, AA 02, p. 207; Kant, 2011, p. 13).

The structure of the text of *Observations* can be presented as a three-stage composition: description of the phenomenon in itself (presentation of the phenomenon as an object — author’s vision), its depiction in the context of social practices (actualisation of the reader’s experience) and the final stage of the author’s delivering a value judgment on behalf of the social whole (the wording shifts the semantic-grammatical layers to reveal the temporal and meaning perspective). Such technique, especially the frequent switch to the pronoun “we”, arguably shows that Kant purports to express social consciousness: the images that crop up on the pages of *Observations* are the result of collective reflection that clearly tends to bring what is to what ought to be. The author is not con-

(представление феномена как объекта — авторское видение), изображение его в контексте социальных практик (актуализация опыта читателя) и завершающий этап — оценочное суждение (формулировки даются на основании смещения семантико-грамматических пластов для очерчивания временной и смысловой перспективы), которое выносится автором от имени социального целого. Подобная техника, особенно с учетом частоты перехода на местоимение «мы», свидетельствует, по нашему мнению, о том, что Кант позиционирует себя выразителем общественного сознания: образы, возникающие на страницах «Наблюдений...», — результат коллективной рефлексии с явственно обозначенной тенденцией приведения сущего к должному. Автор не останавливается на констатации повторяющегося и типичного, а, производя наложение типичного на идеальное (социальный идеал), очерчивает перспективу развития социальных практик, давая своего рода рекомендации и даже предписания. Так, например, в отношении воспитания женщин Кант пишет: чтобы развить прекрасную природу женщин, «надо стремиться развить все их моральное чувство в целом, а не их память... Недопустимо бесстрастное и умозрительное обучение, больше переживаний и притом тех, что близки ее полу» (AA 02, S. 231; Кант, 1994, с. 113–114).

5. Принципы и механизмы достижения объективности

Несмотря на то что в тексте «Наблюдений...» используются вышеупомянутые приемы подкрепления и усиления достоверности и объективности в стиле изложения, Кант во время аргументации почти не заботится о собственно доказательной базе, приличествующей философским произведениям. Очень мало (примерно по паре фактов на раздел) конкретных иллюстраций и примеров из социальных практик. При этом он почти не обращается к фак-

tent with stating what is repeated and typical and, superimposing the typical on the ideal (the social ideal), outlines the perspective of the development of social practices, giving recommendations and sometimes prescriptions. This is what he writes, for example, about the education of the beautiful nature of women: “One will seek to broaden her entire moral feeling and not her memory [...]. Never a cold and speculative instruction, always sentiments and indeed those that remain as close as possible to the relationships of their sex” (GSE, AA 02, p. 231; Kant, 2011, p. 38).

5. Principles and Mechanisms of Achieving Objectivity

Although Kant uses the above-mentioned stylistic devices in the text of *Observations* to reinforce and enhance the authenticity and objectivity of the narrative, he hardly bothers to provide arguments, as would befit a philosophical work. Concrete illustrations and examples of social practices are few and far between (about a couple per chapter). Kant barely cites any facts and proceeds at once to describe trends and regularities. There are very few extended logical structures and almost no references to various authorities: the church, the scientific and philosophical communities (although the text is replete with oblique quotes from Aristotle, Locke, Burke, Luther, Rousseau and others). The only reference in all the four chapters is to nature, but then its presence in the text is fundamental: nature as a producing force crowns the reflection stage in the representation of any object. Kant does not in fact articulate the problem of objectivity, using instead the concept of obviousness. He is often content to simply *see* (with the eyes) and depict what the reader can see every day.

там, а сразу переходит к описанию тенденций, если не закономерностей. Редко встречаются в тексте и развернутые логические построения, практически отсутствуют ссылки на различного рода инстанции: церковь, научное или философское сообщества (хотя присутствие скрытых цитат из Аристотеля, Локка, Бёрка, Лютера, Руссо и др. ощущается на протяжении всего текста). Единственная отсылка, повторяющаяся во всех четырех разделах, — это отсылка к природе, но присутствие ее в тексте фундаментально: она (природа как производящая сила) венчает собой рефлексивную стадию репрезентации любого объекта. Кант фактически не артикулирует проблему объективности — она решается им с помощью концепта очевидности. Автору зачастую достаточно просто *видеть* (очами) — и изобразить то, что может стать предметом повседневного видения читателя.

Эффект достоверности «Наблюдений...» достигается техникой «по-ставления перед глазами» с целью умозрительно открыть то, что в каждом случае способно убедить (см.: Рикёр, 2004, с. 83). В «Наблюдениях...» не просто реконструирован опыт повседневности Пруссии середины XVIII столетия — здесь представлены картины жизни эпохи, можно даже сказать, эпические картины, благодаря чему «зримость» образов (мужчин, женщин, представителей различных наций, этнических групп и психологических типов) восполняется воображаемым. Данный текст благодаря стилистическим и художественным приемам, обеспечивающим динамичность изложения материала и вызывающим эмоциональный отклик, вовлекает читателя в совместное создание нарратива. Готовность наблюдателя пройти мимо индивидуального и случайного прямо пропорциональна его эмоциональной отстраненности. Эмоциональность и живость повествования здесь становятся своеобразными аргументами в пользу достоверности. Фактически текст строится в соответствии с методологической установкой на «демонстративную истинность», которая заключается в том, что «теоретические аргументы и понятия

The effect of authenticity in *Observations* is attained by “placing the object before the eyes” in order to discover notionally what can persuade in each specific case (cf. Ricoeur, 2004, p. 263). *Observations* does not just reconstruct the daily experience of living in Prussia in the mid-eighteenth century, but offer period pictures of life, one might even say epic pictures, such that the pictures of men, women, members of various nations, ethnic groups and psychological types are enhanced by imagination. Owing to dynamic, stylistic and artistic devices the text evokes an emotional response and involves the reader in joint creation of the narrative. The observer’s readiness to ignore the individual and accidental is directly proportional to his emotional detachment. Emotional and lively narrative bolsters the argument, as it were. In fact the text proceeds from the methodological principle of “demonstrative truth,” meaning that “theoretical arguments and concepts must lend themselves to visual realisation” (Chernenok, 2005, p. 158).

It is not by chance that Kant chooses the scale “beautiful — sublime” as the framework to characterise the moral and psychological properties of human nature throughout his treatise: aesthetic distortions in visualising noumena meet with a minimum of suspicion, as noted by Daston (2011, p. 91). Universality of description in the eighteenth century was achieved through the idealised portrayal of the object. The true was a hybrid of idealisation and naturalisation. On the one hand, craftsmanship consisted in the unique portrayal of what manifested itself in multiple ways (it was assumed that an investigator’s practised eye, unlike that of a lay person, could capture “the project of great nature”). On the other hand, the singular, if aesthetically presented, was an instrument of visualising the perfect. Abstractness, beauty and immaculateness were considered to be the attributes of objectivity.

должны предусматривать возможность своей наглядной реализации» (Черненко, 2005, с. 158).

Шкала соотношения «прекрасное — возвышенное» отнюдь не случайно была выбрана Кантом для общей рамочной характеристики моральных и психологических свойств человеческой природы во всем трактате: эстетические искажения в визуализации умопостигаемого вызывают минимум подозрения, как отмечает Л. Дастон (Daston, 2011, p. 91). Универсальность описания в XVIII столетии достигалась через идеализированное изображение объекта. Истинное становилось гибридом идеализации и натурализации. С одной стороны, мастерство заключалось в том, чтобы запечатлеть в единичном изображении то, что проявлялось во многом (считалось, что опытный взгляд исследователя в отличие от обывательского глаза может охватить «план великой природы»). С другой — единичное, оформленное эстетически, оказывалось инструментом визуализации совершенного. Атрибутом объективности считалась абстрактность, красота и безупречность изображаемого, а не буквальность. Кант сочетает оба этих подхода, например в следующем высказывании: «...различные группы [людей] составляют картину превосходной выразительности, где среди большого многообразия проявляется единство и вся моральная природа в целом проникнута красотой и достоинством» (AA 02, S. 227; Кант, 1994, с. 110). В искусстве генерализации проявляется, помимо всего прочего, владение механизмом саморефлексии, на основе которой возможно развитие субъект-объектной семантики, определяющей процессы систематизации и объективации в гносеологии и науке Нового времени⁴. По мнению М. Е. Соболевой, натренированный взгляд при укреплении субъект-объектной парадигмы позволял Канту как исследователю сохранять ме-

⁴ Анализируемый трактат может представлять интерес для исследователей наследия Канта по вопросу о нефаллибильном характере знания. Несмотря на тот факт, что Кант в «Наблюдениях...» часто пользуется картезианским принципом от 1-го лица, сама позиция исследователя ментальных состояний оказывается (на период 1760-х гг.) еще не отрефлексированной.

Kant combines both these approaches, for example, in the following passage: “the different groups unite themselves in a painting of magnificent expression, where in the midst of great variety unity shines forth, and the whole of moral nature displays beauty and dignity” (GSE, AA 02, p. 227; Kant, 2011, p. 34). The art of generalisation depends, among other things, on command of the mechanism of self-reflection which can provide the basis of subject-object semantics, which in turn determines the processes of systematisation and objectification in the epistemology and science of the modern period.⁴ In the opinion of Maja Soboleva, Kant’s trained eye, in strengthening the subject-object paradigm, enabled him to keep a methodological distance from the object of cognition and, in passing on from a part to the whole, to capture the essential, immutable characteristics of a thing (cf. Soboleva, 2018).

The problem of forming a clearly defined point of view and ordered methodology is directly related to the question of how the researcher selects the objects of study and how truthful her descriptions are. Let us cite a couple of examples from the second chapter, “On the properties of the sublime and the beautiful in man in general”. In Kant’s view, the perfect type of human nature, ideally combining the sublime and the beautiful, is the melancholic personality, which is why he pays special attention to describing this type:

He is a good guardian of his own secrets and those of others [...] he hates lies or dissemblance. He has a lofty feeling for the dignity of human nature. He esteems himself and holds a human being to be a creature who deserves respect. He does not tolerate abject submissiveness and

⁴ The treatise we are discussing here may be of interest to those who study Kant’s legacy on the question of the infallible character of knowledge. Although Kant in *Observations* often refers to the Cartesian principle in the first person his position of a student of mental states had not yet been formulated as of the period of the 1760s.

тодологическую дистанцию с предметом познания и, осуществляя переход от части к целому, фиксировать сущностные, неизменные характеристики вещи (см.: Соболева, 2018).

Проблема формирования ясно определенной точки зрения и упорядоченной методологии напрямую сопряжена с вопросом о том, каким образом исследователь отбирает изображаемые им объекты и насколько достоверны их описания. Приведем пару примеров из второго раздела «О свойствах возвышенного и прекрасного у человека вообще». Совершенным типом человеческой природы, идеально сочетающим в себе возвышенное и прекрасное, с точки зрения Канта, является меланхолик, поэтому описанию данного типа уделяется максимум внимания:

Меланхолик хорошо хранит свои и чужие тайны... ненавидит ложь и притворство. У него глубокое чувство человеческого достоинства. Он знает себе цену и считает человека существом, заслуживающим уважения. Никакой подлой покорности он не терпит, и его благородство дышит свободой. Все цепи — от позолоченных... до тяжелых железных цепей рабов на галерах — внушают ему отвращение... (AA 02, S. 221; Кант, 1994, с. 103).

Список достоинств меланхолика занимает почти две страницы текста «Наблюдений...», а вот флегматику не повезло: «Так как в *флегматическом сочетании* никакие ингредиенты возвышенного или прекрасного обычно не встречаются в особо заметной степени, то этот душевный склад и не станет предметом наших рассуждений» (AA 02, S. 224; Кант, 1994, с. 106).

Таким образом, психологические типы описываются исключительно в свете «сочетаний ингредиентов прекрасного и возвышенного», без учета иных факторов. Однако именно исходный «чувственный» инструментарий оказывается селекционным механизмом, определяющим, что входит в поле зрения наблюдателя, а что нет. Эстетическая рамка оформляет описываемые феномены, отшлифовывая их

breathes freedom in a noble breast. All shackles, from the golden ones [...] to the heavy irons of the galley-slave, are abominable to him (GSE, AA 02, p. 221; Kant, 2011, p. 28).

The list of the melancholic person's virtues occupies almost two pages of the text of *Observations*. The phlegmatic personality is less lucky: "Since in the phlegmatic mixture there are ordinarily no ingredients of the sublime or the beautiful in any particularly noticeable degree, his quality of mind does not belong in the context of our considerations" (GSE, AA 02, p. 224; Kant, 2011, p. 31).

Thus the psychological types are described exclusively in light of the "combination of the ingredients of the beautiful and the sublime." However, the selection mechanism that determines what is and what is not within the observer's field of vision is the original "sensible" apparatus. Aesthetics frames the phenomena described, polishing them to perfection and elevating them to the status of an idea. As a result, the beauty and harmony of what is depicted, including the forms of presentation, contribute to the accuracy of the description and to the perception of the object. The reverse side of the "discipline of vision" is inability to see what contradicts the frame used. This entirely corresponds to the concept of "objective view", namely: the result of the historically formed mode of vision determined by the development of scientific technologies, value paradigms and limitations of "scientific selfhood and collectively shared empiricism" (Baeva, 2019, p. 58). In other words, an experienced researcher sees what has been determined by the angle of collective vision and is under the influence of the latter. This explains why Kant's *Observations*, for all the abstract clarity and stylistic precision, lacks empirical details and the images are drawn with sweeping strokes, with no regard for the whole palette of individual features.

до совершенства и доводя до состояния идеи. В итоге красота, гармоничность изображаемого, в том числе и формы подачи, работают и на достижение точности описания объекта, и на его восприятие. Обратной стороной «дисциплинированности зрения» оказывается неспособность видеть то, что противоречит использованной рамке. Этот момент всецело отражает содержание понятия «объективный взгляд» — «результат исторически сформированного определенного способа видения», обусловленного развитием научных технологий, ценностных парадигм, ограничением «научных самостей и коллективно разделяемым эмпиризмом» (Баева, 2019, с. 58). То есть опытный исследователь видит то, что определено ракурсом рассмотрения коллективного созерцания, оказываясь под влиянием последнего. Это позволяет понять, почему у Канта в «Наблюдениях...» при всей абстрактной четкости и стилистической точности отсутствуют детали эмпирического содержания, а образы обозначены крупными мазками, без учета всей палитры индивидуальных особенностей.

Поскольку все характеристики, представленные в «Наблюдениях...», трактуются как неизменные, в качестве природной данности, то по завершении чтения перед нами возникает готовая таксономия человеческих типов по основанию: а) темперамент (4 позиции), б) пол (2 позиции), в) национальность (4 основных — французы, испанцы, англичане, немцы — и несколько «дополнительных»). Внутри позиций описания даны четко и категорично. Принимая во внимание опору на данные опыта, получаем стройную схему, которая в период жизни Канта (до появления экспериментальной психологии и позитивизма, распространивших количественные методы на гуманитарные науки) оказывается вполне пригодной для классификации свойств человеческой природы и характера.

Такого рода таксономические проекты возникали не только в силу господства естествен-

Because all the characterisations in *Observations* are assumed to be immutable natural givens, after finishing the reading we are left with a ready taxonomy of human types based on: a) temperament (4 positions), b) sex (2 positions), c) nationality (4 principal ones — French, Spanish, English, German — and several “additional” ones). Descriptions within each position are clear-cut and categorical. Taking into account that the scheme is based on experience, we get a neat scheme which during Kant’s lifetime (before the advent of experimental psychology and Positivism which spread quantitative methods to the human sciences) turns out to be quite usable for the classification of the properties of human nature and character. Such taxonomic projects were prompted not only by the dominance of the natural science paradigm, but also by the entrenchment of the thesis about the special status of scientific knowledge in society. The idea of the usefulness of knowledge, going back to the works of Francis Bacon, became a beacon which threw light on the interaction between theoretical and applied research (cf.: Foucault, 1978; Daston, 2011; Gavrilenko, 2017; Baecker, 2013).

The observer Kant introduces to the reader sticks to facts, selects them, sifts away all the accidental things, interprets and generalises the data to exhibit them in the format of objects so that the beholder can see their characteristic features and principles of functioning. An ideal variant of scientific research in the modern period is observation coupled with experimental verification. Unlike the thought experiment, an experiment in the field of anthropology is an extremely difficult procedure. If an object has been identified, an experienced researcher can easily reassemble the components by putting them together or superimposing them on one another. The text of *Observations* demonstrates the use of some devices from this set:

но-научной парадигмы, но и в связи с укоренением тезиса об особом статусе научного знания в обществе. Идея полезности знания, восходящая к работам Ф. Бэкона, стала ориентиром, поддерживающим взаимодействие теоретических и прикладных исследований (см. об этом: Фуко, 2015; Daston, 2011; Гавриленко, 2017; Baecker, 2013).

Кант представляет читателю наблюдателя, который твердо придерживается фактов, занимается их отбором, отсеивает случайное, интерпретирует и обобщает полученные данные с целью экспонировать их в формате объектов, чтобы зритель смог увидеть их характерные особенности и принципы функционирования. Идеальный вариант научного исследования в Новое время — это наблюдение в сопряжении с экспериментальной проверкой. В области антропологии осуществление реального эксперимента — процедура крайне затруднительная, в отличие от эксперимента мыслительного. Если удалось выявить объект, то опытному исследователю уже не составит труда пересобрать составные части, сдвинув и наложив их друг на друга. Текст «Наблюдений...» демонстрирует применение некоторых средств из этого набора: эстетическое экстраполируется на этическое, телесные характеристики — на феномены сознания. Пространством демонстрации экспонатов на протяжении всего текста выступает «великая арена [жизни]» (AA 02, S. 227; Кант, 1994, с. 110), где реализуется план «великой природы», куда читателя-зрителя приглашает автор-наблюдатель Иммануил Кант для того, чтобы сделать шаг от зримого в умопостигаемое, от эстетического в интеллигибельное. Природа у Канта выступает высшей апелляционной инстанцией и для искусства, и для науки: «Ничто так не противоречит всем искусствам и наукам, как вкус к причудливому: этот вкус извращает природу — прообраз всего прекрасного и благородного» (AA 02, S. 245; Кант, 1994, с. 130). А в случае отклонений в поведении объектов от заданного плана «приро-

the aesthetic is extrapolated to the ethical, bodily characteristics to the phenomena of consciousness. Throughout the text the exhibits are demonstrated on “the great stage” of life (GSE, AA 02, p. 227; Kant, 2011, p. 34), on which great nature’s grand plan is demonstrated and to which the author/observer Immanuel Kant invites his audience in order to take a step from the visible to the noumenal, from the aesthetic to the intelligible. For Kant nature is the highest court of appeal both for art and science: “Nothing can be more opposed to all the arts and sciences than an adventurous taste, since this distorts nature, which is the prototype of everything beautiful and noble” (GSE, AA 02, p. 245; Kant, 2011, p. 51). If the behaviour of objects deviates from the original plan “nature still always seeks to return to its proper order” (GSE, AA 02, p. 241; Kant, 2011, p. 48). Thus the criterion of the exhibit is nature and not the researcher, though one should not forget that in the modern period nature itself is a model cleansed of what is anomalous and accidental and constructed by an insightful and competent observer.

6. Conclusion

We have examined Kant’s treatise *Observations on the Feeling of the Beautiful and the Sublime* as a kind of epistemological semantic-structural phenomenon generated by the natural science paradigm, on the one hand, and by the political context, on the other hand. Kant did not only foreshadow “the turn from reason to feelings” but managed to contribute to creating the conditions for this turn by accumulating and developing the experience of English sensualists and Rousseau in analysing the aesthetic taste and the moral nature of the human being. The results of the research reported in *Observations* have definite outcomes for the level of social

да всегда стремится вернуть их в естественное состояние» (АА 02, S. 241; Кант, 1994, с. 125). Тем самым природа, а не исследователь выступает критерием экспонируемого, однако не следует забывать, что и сама природа в Новое время становится моделью, вычищенной от аномального и случайного и сконструированной прозрачным и компетентным наблюдателем.

6. Заключение

Мы рассмотрели трактат Канта «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» как своеобразный эпистемический семантико-структурный феномен, порожденный, с одной стороны, естественно-научной парадигмой, с другой — социально-политическим контекстом. Кант не только предугадал «поворот от рассудка к чувствам», но и принял участие в создании почвы для этого поворота, проделав работу по аккумуляции и развитию опыта английских сенсуалистов и Руссо в анализе эстетического вкуса и нравственной природы человека. Результаты изысканий, обозначенные в «Наблюдениях...», имеют вполне определенные выходы на уровень социального управления: это укрепление и воспроизводство ценностных нормативов и разработка таксономии человеческих типов.

Наше исследование подтверждает закрепившийся в истории философии тезис о том, что во второй половине XVIII в. трактат «Наблюдения на чувством прекрасного и возвышенного» воспринимался, говоря современным языком, как научно-популярный текст, в ненавязчивой и развлекательной форме систематизирующий материал в области взаимоотношений полов, особенностей темпераментов и национальных характеров. Однако с позиций сегодняшнего дня в контексте истории науки мы можем признать, что Кант внес весомый вклад не только в развитие метода наблюдения, но и в формирование одноименного эпистемического и литературного жанра. В некотором роде «Наблю-

governance: the strengthening and reproduction of value norms and development of the taxonomy of human types.

Our research confirms the historical-philosophical thesis that in the second half of the eighteenth century the treatise *Observations on the Feeling of the Beautiful and the Sublime* was perceived as a popular science text (to use modern terminology), a text that systematised material on the relations between the sexes, temperaments and national characters in a light and entertaining manner. However, from the vantage point of today and in the context of the history of science, we can say that Kant made a tangible contribution to the development not only of the observation method, but to the formation of an epistemological and literary genre of that name. In a way *Observations* can be described as a laboratory for formalising and generalising empirical material. By extrapolating the techniques of visualisation from the natural science to philosophy Kant made us witnesses to the birth and development of representative practices in the human sciences.

References

Baecker, D., 2013. Foreword: A Mathematics of Form, a Sociology of Observers. *Cybernetics and Human Knowing*, 20(3-4), pp. 5-8.

Baeva, A.V., 2019. Historization of Scientific Observation in Modern Science Research. *Epistemology & Philosophy of Science*, 56(4), pp. 46-61. (In Rus.)

Chernenok, I.G., 2005. *Sposoby vyrazhenija argumentacii v jetiko-filosofskom diskurse I. Kanta: Na materiale proizvedenij "Grundlegung zur Metaphysik der Sitten", "Kritik der praktischen Vernunft" i "Metaphysik der Sitten"* [Ways of Expressing Argumentation in the Ethical-Philosophical Discourse of I. Kant: On the Material of the Works Grundlegung zur Metaphysik der Sitten, Kritik der praktischen Vernunft and Metaphysik der Sitten]. *Dissertation*. Kaliningrad: s.n. (In Rus.)

Chernenok, I.G., 2017. Linguistic Paradigm in Kant Studies. *Slovo.ru: Baltic Accent*, 8(2), pp. 114-123. (In Rus.)

дения...» можно рассматривать как лабораторию формализации и генерализации эмпирического материала. Экстраполируя техники визуализации из естествознания на философию, Кант предоставляет нам возможность стать свидетелями зарождения и развития в гуманитарной науке репрезентативных практик.

Список литературы

Баева А. В. Историзация научного наблюдения в современных исследованиях науки // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 4. С. 46–61.

Волжин С. В. Возвышенное и насилие. Этнос возвышенного у М. Лютера и И. Канта // Христианское чтение. 2017. № 4. С. 327–343.

Гавриленко С. М. Историческая эпистемология: зона неопределенности и пространство теоретического воображения // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52, № 2. С. 20–28.

Гинзбург К. Уликовая парадигма и ее приметы // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы. Морфология и история. М. : Новое издательство, 2004. С. 189–241.

Гулыга А. В. Кант. М. : Молодая гвардия, 1977.

Зильбер А. С. Знают людей, не зная человека: структура полемики в политической аргументации Канта // Кантовский сборник. 2016. № 3 (57). С. 28–47.

Зильбер А. С. Механизмы, пчелы, лес: политико-антропологические метафоры Канта и их смысл // Восьмой Российский Философский Конгресс «Философия в полицентричном мире». Секции (I) : сб. науч. ст. М. : Логос, 2020а. С. 599–602.

Зильбер А. С. Полемика в политической философии Канта: историко-философский контекст : дис. ... канд. филос. наук. Калининград, 2020б.

Кант И. Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 2. С. 86–142.

Копцев И. Д. Кант и проблемы лингвистики философского текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993.

Копцев И. Д. К субъектно-речевой структуре аксиологического дискурса И. Канта // Кантовский сборник. 2010. № 2 (32). С. 60–68.

Кюн М. Кант: биография / пер. с англ. А. Васильевой. М. : Дело (РАНХиГС), 2021.

Латури Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе // Логос. 2017. Т. 27, № 2. С. 95–156.

Daston, L., 2011. The Empire of Observation, 1600-1800. In: L. Daston and E. Lunbeck, eds. 2011. *Histories of Scientific Observation*. Chicago: University of Chicago Press, pp. 81–113.

Foucault, M., 1978. *Discipline and Punish. The Birth of the Prison*. Translated by A. Sheridan. New York: Pantheon Books.

Gavrilenko, S.M., 2017. Historical Epistemology: the Zone of Uncertainty and the Space of Theoretical Imagination. *Epistemology and Philosophy of Science*, 52(2), pp. 20-28. (In Rus.)

Ginzburg, C., 2004. The Evidence-based Paradigm and Its Signs. In: C. Ginzburg. *Mify – emblem – primety [Myths – Emblems – Signs]*. Moscow: New Publishing House, pp. 189-241. (In Rus.)

Goldthwait, J.T., 1960. Translator's Introduction. In: I. Kant, 1960. *Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime*. Translated by J. T. Goldthwait. Berkeley: University of California Press, pp. 1-38.

Gulyga, A.V., 1977. *Kant*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Rus.)

Kant, I., 2011. *Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime*. In: I. Kant, 2011. *Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime and Other Writings*. Ed. by P. Frierson and P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 13-62.

Koptsev, I.D., 1993. *Kant i problemy lingvistiki filozofskogo teksta [Kant and Problems of Linguistics of the Philosophical Text]: Synopsis of the PhD Dissertation*. St. Petersburg: s.n. (In Rus.)

Koptsev, I.D., 2010. To the Subject-Speech Structure of I. Kant's Axiological Discourse. *Kantian Journal*, 2(32), pp. 60-68. (In Rus.)

Kuehn, M., 2001. *Kant: A Biography*. Cambridge: Cambridge University Press.

Latour, B., 1986. Visualization and Cognition: Drawing Things Together. In: H. Kuklick, ed. 1986. *Knowledge and Society Studies in the Sociology of Culture Past and Present. Volume 6*. Greenwich, CT: Jai Press, pp. 1-40.

Meerovsky, B.V., 1985. I. Kant and English Aesthetics of the 18th century. *Kantian Journal*, 1(10), pp. 51-57. (In Rus.)

Narsky, I.S., 1985. Philosophical and Aesthetic Ideas of A. Baumgarten as One of the Incentives for Kant's Theoretical Formation. *Kantian Journal*, 1(10), pp. 40-51. (In Rus.)

Nikonova, S.B. 2012. Kant's Philosophy and the Foundations of the Process of Aestheticization in Modern Culture. *Kantian Journal*, 1(39), pp. 45-54. (In Rus.)

Мееровский Б. В. И. Кант и английская эстетика XVIII века // Кантовский сборник. 1985. № 10. С. 51–57.

Нарский И. С. Философско-эстетические идеи А. Баумгартена как один из стимулов теоретического развития Канта // Кантовский сборник. 1985. № 10. С. 40–51.

Никонова С. Б. Философия Канта и основания процесса эстетизации в современной культуре // Кантовский сборник. 2012. № 1 (39). С. 45–54.

Рикёр П. Память, история, забвение. М. : Изд-во гуманитарной литературы, 2004.

Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск : Изд-во Новосибирского университета, 1997.

Соболева М. Е. Как читать Канта, или Кант в контексте современных эпистемологических дискуссий в западном аналитическом кантоведении // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 129–140.

Сологубов А. М. Модель мира и последние основания аргументации (на примере кантовских текстов) // Модели мира. Исследования по логике, аргументации и истории философии. Калининград : Изд-во КГУ, 2004. С. 109–119.

Судаков А. К. Философия любви в «Наблюдениях над чувством прекрасного и возвышенного» // Философия и культура. 2017. № 2. С. 136–150.

Тausneva А. С. Эстетическая теория И. Канта в свете герменевтического проекта Х.-Г. Гадамера // Кантовский сборник. 2016. № 2 (56). С. 67–72.

Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015.

Черненко И. Г. Лингвистическая парадигма в кантоведении // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 2. С. 114–123.

Черненко И. Г. Способы выражения аргументации в этико-философском дискурсе И. Канта: На материале произведений “Grundlegung zur Metaphysik der Sitten”, “Kritik der praktischen Vernunft” и “Metaphysik der Sitten” : дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2005.

Baecker D. Foreword: A Mathematics of Form, a Sociology of Observers // Cybernetics and Human Knowing. 2013. Vol. 20, № 3–4. P. 5–8.

Daston L. The Empire of Observation, 1600–1800 // Histories of Scientific Observation / ed. by L. Daston, E. Lunbeck. Chicago : University of Chicago Press, 2011. P. 81–113.

Goldthwait J. T. Translator’s Introduction // Kant I. Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime. Berkeley : University of California Press, 1960. P. 1–38.

Shell S. M. Kant as Propagator: Reflections on “Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime” // Eighteenth-Century Studies. 2002. Vol. 35, № 3. P. 455–468.

Ricoeur, P., 2004. *Memory, History, Forgetting*. Translated by K. Blamey and D. Pellauer. Chicago & London: The University of Chicago Press.

Rorty, R., 1979. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton: Princeton University Press.

Shell, S.M., 2002. Kant as Propagator: Reflections on “Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime”. *Eighteenth-Century Studies*, 35(3), pp. 455–468.

Soboleva, M.E., 2018. How Do We Read Kant, or Kant in the Context of Contemporary Epistemological Discussions in Western Analytic Kant-Studies. *Voprosy filosofii*, 3, pp. 129–140. (In Rus.)

Sologubov, A.M., 2004. Model of the World and the Last Foundations of Argumentation (On the Example of Kant’s Texts). In: V. N. Bryushinkin, ed. 2004. *Modeli mira. Issledovanija po logike, argumentacii i istorii filosofii* [Models of the World. Studies in Logic, Argumentation and the History of Philosophy]. Kaliningrad: KGU, pp. 109–119. (In Rus.)

Sudakov, A.K., 2017. Philosophy of Love in the Observations of the Feeling of the Beautiful and the Sublime. *Philosophy and Culture*, 2, pp. 136–150. (In Rus.)

Tausneva, A.S., 2016. The Aesthetic Theory of I. Kant in the Light of the Hermeneutic Project of H.-G. Gadamer. *Kantian Journal*, 2(56), pp. 67–72. (In Rus.)

Volzhin, S.V., 2017. Sublime and Violence. The Ethos of the Sublime in M. Luther and I. Kant. *Christian Reading*, 4, pp. 327–343. (In Rus.)

Zammito, J.H., 2002. *Kant, Herder, and the Birth of Anthropology*. Chicago: The University of Chicago Press.

Zilber, A.S., 2016a. Knowing People without Knowing a Human Being: The Structure of Polemics in Kant’s Political Argument. *Kantian Journal*, 3(57), pp. 28–47. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2016-3-3> (In Rus.)

Zilber, A., 2016b. „Zum Geständnisse zu bringen“: Wahrheit, Glückseligkeit und Publizität bei Kant. *Con-Textos Kantianos*, 4, pp. 70–88. <https://doi.org/10.5281/zenodo.163990>.

Zilber, A.S., 2020. *Polemika v politicheskoj filosofii Kanta: istoriko-filosofskij kontekst* [Polemics in Kant’s Political Philosophy: Historical and Philosophical Context]. *Dissertation*. Kaliningrad: s.n. (In Rus.)

Zilber, A.S., 2021. Mechanisms, Bees, Forest: Kant’s Political and Anthropological Metaphors and Their Meaning. In: A. V. Smirnov, ed. 2021. *Vos’moj Rossijskij Filosofskij Kongress “Filosofija v policentrichnom mire”. Sekcii (I)* [Eighth Russian Philosophical Congress “Philosophy in a Polycentric World”. Sections (I)]. Moscow: Logos, pp. 599–602. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

Zammito J. H. Kant, Herder, and the Birth of Anthropology. Chicago : University of Chicago Press, 2002.

Zilber A. "Zum Geständnisse zu bringen": Wahrheit, Glückseligkeit und Publizität bei Kant // Con-Textos Kantianos. 2016. № 4. P. 70–88.

Об авторах

Анастасия Валентиновна Бабаева, кандидат философских наук, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Россия.

E-mail: dff1890@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0676-6336>

Людмила Владимировна Гусева, кандидат педагогических наук, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Россия.

E-mail: ludmila_guseva@yahoo.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8605-4418>

Ольга Михайловна Ким, кандидат педагогических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: OMKim@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7898-9045>

Для цитирования:

Бабаева А. В., Гусева Л. В., Ким О. М. Семантико-стилистические особенности трактата Канта «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного»: искусство видения и описания объекта // *Кантовский сборник.* 2022. Т. 41, № 2. С. 68–95.

doi: [10.5922/0207-6918-2022-2-3](http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2022-2-3)

© Бабаева А. В., Гусева Л. В., Ким О. М., 2022.

The authors

Dr Anastasia V. Babaeva, Associate Professor, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: dff1890@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0676-6336>

Dr Ludmila V. Guseva, Associate Professor, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: ludmila_guseva@yahoo.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8605-4418>

Dr Olga M. Kim, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: OMKim@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7898-9045>

To cite this article:

Babaeva, A.V., Guseva, L.V. and Kim, O.M., 2022. Semantic and Stylistic Features of Kant's *Observations on the Feeling of the Beautiful and the Sublime: The Art of Seeing and Describing an Object.* *Kantian Journal*, 41(2), pp. 68-95.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2022-2-3>

© Babaeva A. V., Guseva L. V., Kim O. M., 2022.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

УДК 1(091):16

О МЫСЛЕННЫХ ЭКСПЕРИМЕНТАХ У КАНТА И ВИТГЕНШТЕЙНА И ПРОБЛЕМЕ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫХ АРГУМЕНТОВ

С. А. Фуэнтес Гонсалес¹

Автор анализирует и развивает оценку П.М.С. Хакером философского сходства Канта и Витгенштейна, а также исследует вопрос о предполагаемом использовании Витгенштейном «трансцендентальных аргументов». Во-первых, опираясь на прочтение Альфредом Норманом «Логико-философского трактата» как мысленного эксперимента, автор рассматривает «Критику чистого разума» в равной степени как крупномасштабный мысленный эксперимент, имеющий важные общие логические черты с «Трактатом». Далее пересматривает вопрос о трансцендентальных аргументах, а именно о том, использовали ли «средний» Витгенштейн и докритический Кант какой-либо мысленный эксперимент, который можно охарактеризовать как «трансцендентальный аргумент». Автор предпринимает рациональную реконструкцию аргументов обоих мыслителей в свете современной исследовательской литературы, посвященной мысленным экспериментам, и делает акцент на почти игнорируемом сходстве между Кантом и Витгенштейном, а именно – на систематическом использовании мысленных экспериментов в их эпистемологических изысканиях. Автор приходит к выводу, что а) magna opera Витгенштейна и Канта можно рассматривать как философские мысленные эксперименты, в которых оба философа пытаются выйти за пределы языка и за пределы возможного опыта соответственно; б) оба философа разработали аргументы, которые можно назвать трансцендентальными, даже если только с ограниченной методологической точки зрения; в) некоторые ключевые аргументы, выдвинутые «средним» Витгенштейном при определении структуры визуального пространства, лучше охарактеризовать как мысленные эксперименты, чем трансцендентальные аргументы.

Ключевые слова: трансцендентальный аргумент, Кант, Витгенштейн, мысленный эксперимент, визуальное пространство, пропозиция, факт, *reductio ad absurdum*

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236016, Калининград, ул. А. Невского, д. 14. Поступила в редакцию: 19.03.2022 г. doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-4

KANT AND WITTGENSTEIN ON THOUGHT EXPERIMENTS AND THE MATTER OF TRANSCENDENTAL ARGUMENTS

S. A. Fuentes González¹

It is necessary to reconsider P.M.S. Hacker's assessment of Kant and Wittgenstein's philosophical affinities and the question concerning Wittgenstein's alleged use of "transcendental arguments". First, Alfred Norman's reading of the *Tractatus Logico-Philosophicus* as a thought experiment receives revision to develop a view of the *Critique of Pure Reason* as a large-scale thought experiment that shares important logical features with the *Tractatus*. Then the question is addressed whether the middle Wittgenstein and the pre-critical Kant employed any thought experiments that could be equally characterised as "transcendental arguments". A rational reconstruction of both thinkers' arguments is carried out in the light of the contemporary literature on thought experimenting. The novelty and relevance of this approach is the emphasis laid upon a largely neglected affinity between Kant and Wittgenstein, namely the systematic use of thought experiments in their epistemological pursuits. The conclusions are: i) Wittgenstein's and Kant's magna opera can be seen as philosophical thought experiments that attempt to try out the limits of language and the limits of possible experience respectively; ii) Both philosophers developed arguments that can be designated as transcendental if only from a methodological standpoint; and iii) some key arguments put forward by the middle Wittgenstein in the determination of the structure of visual space could be characterised better as thought experiments than transcendental arguments.

Keywords: transcendental argument, Kant, Wittgenstein, thought experiment, visual space, proposition, fact, *reductio ad absurdum*.

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University. 14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236016, Russia. Received: 19.03.2022. doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-4

1. Введение

Вопрос о соотношении философии Канта и философии Витгенштейна волнует не только исследователей одного или другого мыслителя — он затрагивает проблему роли кантианства в современной философии. Установление точек и степени сходства между обоими философами позволило (или не позволило) бы нам, например, отнести Витгенштейна к трансцендентальному идеализму, существенно расширив это направление мысли. Один из путей определения философского сходства между двумя авторами заключается в изучении текстовых свидетельств влияния одного на другого. Такого рода исследование предпринял один из авторитетнейших специалистов по наследию Витгенштейна П.М.С. Хакер (Hacker, 2013), который, пересмотрев несколько ключевых отрывков из работ Витгенштейна, где тот ссылается на Канта, приходит к выводу, что нет никаких текстовых доказательств того, что первый находился под влиянием второго или даже вдохновлялся им². Он же обратился к другому способу выяснения вопроса о связи между обоими авторами, попытавшись определить соответствующие точки пересечения между их произведениями. Хакер перечисляет шесть проблем, общих для философии Канта и Витгенштейна: 1) их метафилософская озабоченность природой философии; 2) интерес к логике концептуальной иллюзии; 3) их попытки проследить границы смысла либо через применение понятий к возможному опыту либо через установление границ выражения мысли в языке; 4) критика эмпиризма и рационализма; 5) борьба за прояснение природы необходимости; 6) отказ от естественной теологии (Hacker, 2013,

² К такому же выводу приходит Р. Ханна, хотя и на основе биографических и текстуально-редакционных допущений. Несмотря на то что в 1918 г. Витгенштейн вместе с Людвигом Хенселем внимательно прочитали «Критику чистого разума», в рукописи «Трактата» не было существенных изменений между 1918 и 1921 гг. Но Ханна предполагает, что первый Витгенштейн испытал влияние Канта скорее лишь косвенно, через Шопенгауэра (Hanna, 2017, p. 686).

1. Introduction

The problem of the relationship between Kant and Wittgenstein's philosophies concerns not only scholars of each of these thinkers but also the inquiry into Kantianism as a whole and its role in contemporary philosophy. Establishing the points and degree of resemblance between the two philosophers would allow us, for example, to approximate (or not) Wittgenstein to transcendental idealism, significantly extending this area of thought. One possibility for enquiring into the philosophical likeness between two authors consists in examining whether there is textual evidence of the influence of one upon the other. Such is one of the paths of inquiry adopted by P.M.S. Hacker (2013) who, after revising a handful of key passages in Wittgenstein's work where direct reference is made to Kant, concludes that there is no textual evidence that the former was influenced or even inspired by the latter.² He also turned to another way of exploring the question of the relationship between the two authors, trying to identify the relevant intersection points within their works. Hacker lists six problems common to both Kant's and Wittgenstein's philosophies: 1) their meta-philosophical concern about the nature of philosophy; 2) the preoccupation with the logic of conceptual illusion; 3) their attempts at tracing the bounds of sense, either through the application of concepts to possible experience or by establishing the limits of the expression of thought in language; 4) the criticism

² The same conclusion is drawn by Hanna (2017, p. 686), although from biographical and textual-editorial premises. Even though Wittgenstein engaged in a close reading of the first *Critique* with Ludwig Hänsel in 1918, the manuscript of the *Tractatus* had no substantial changes between 1918 and 1921. Instead, Hanna suggests that the first Wittgenstein would have been influenced by Kant only indirectly through Schopenhauer.

р. 122–123). Более того, Хакер ясно показывает, что, хотя связь между Кантом и Витгенштейном обычно устанавливается путем указания на использование ими трансцендентальных аргументов³, Витгенштейн не выдвинул ни одного аргумента, который в строгом смысле можно было бы считать таковым (Ibid., p. 121). Трансцендентальный аргумент берет в качестве отправной точки бесспорную посылку — как правило, утверждение, которое оппонент-скептик должен признать, и выводит необходимое условие, без которого исходная посылка не была бы таковой. На первый взгляд, трансцендентальным утверждением «Логико-философского трактата» (1921) является положение, что простые объекты должны существовать в качестве условия для того, чтобы пропозиция⁴ имела смысл (ЛФТ⁵ 2.021, 2.0211; Витгенштейн, 2014, с. 40). Однако, как отмечает Хакер, ссылка на возможный опыт является существенным компонентом идеи Канта о трансцендентальном доказательстве, а в «Трактате» такие ссылки отсутствуют. Возможный опыт — это составной элемент, который связывает понятия, вовлеченные в трансцендентальные аргументы и не имеющие аналитической связи. Следовательно, только искажив идею Канта о трансценденталь-

³ Вместо слова «аргумент» можно было бы использовать слово «рассуждение», однако в русскоязычной литературе, посвященной проблеме «transcendental arguments», преобладает калька с английского, и я следую этой конвенции.

⁴ То, что в немецком тексте «Трактата» именуется «der Satz», в русском переводе И. С. Добронравова и Д. Г. Лахути (1958/2008) передано словом «предложение», в английских переводах Ч. К. Огдена (1922) и Д. Пирса и Б. Макгиннеса (1961) — словом *proposition*, а в современной литературе на русском языке обозначается словами «пропозиция» (выбранным мной), «высказывание» и «суждение». В цитатах из «Трактата» и других переведенных работ Витгенштейна далее сохранено использованное в них слово «предложение».

⁵ В соответствии с существующей практикой я использую следующую аббревиатуру для издания работ Витгенштейна: «Логико-философский трактат» — ЛФТ (Витгенштейн, 2014); «Философские замечания» — ФЗ (Wittgenstein, 1990); ссылки с аббревиатурой ЛФТ указывают на пронумерованное предложение «Трактата»; ссылка с аббревиатурой ФЗ и знаком § — на пронумерованные замечания.

directed towards empiricism and rationalism; 5) the struggle to clarify the nature of necessity; and 6) the rejection of natural theology (cf. Hacker, 2013, pp. 122-123). Moreover, Hacker makes clear that, although the connection between Kant and Wittgenstein is usually established *via* their employment of transcendental arguments, Wittgenstein did not put forward any argument that in a strict sense could be considered as such (*ibid.*, p. 121). A transcendental argument takes as its starting point an uncontentious premise, typically a claim that a sceptic opponent would concede, then a necessary condition is inferred without which the initial premise would not be the case. At first sight, a transcendental claim of the *Tractatus Logico-Philosophicus* (1921) is the statement that simple objects must exist as a condition for a proposition to make sense (TLP 2.021, 2.0211;³ Wittgenstein, 1961, p. 7). However, as noted by Hacker (2013, p. 128), reference to possible experience is an essential component of Kant's idea of a transcendental proof that is missing in the *Tractatus*. Possible experience is the constituent element that links the concepts involved in transcendental arguments, given the absence of an analytical connection. Consequently, only by disfiguring Kant's idea of a transcendental proof and disregarding its connection to possible experience, is it possible to affirm that there is a "transcendental argument" in the *Tractatus*. The same conclusion is drawn by Hacker after evaluating the apparent transcendental character of some arguments posed by Wittgenstein in *Philosophical Investigations* (1953), particularly regarding his remarks on following a rule.

³ In accordance with current practice, I use the following abbreviation for the edition of Wittgenstein's works: *Tractatus logico-philosophicus* — TLP (Wittgenstein, 1961); *Philosophical Remarks* — PR (Wittgenstein, 1990). References with abbreviation TLP point to numbered propositions of the *Tractatus*; references with abbreviation PR and indicated by a '§' point to a numbered remark.

ном доказательстве и проигнорировав его связь с возможным опытом, можно утверждать, что в «Трактате» есть «трансцендентальный аргумент» (Hacker, 2013, p. 128). Тот же вывод Хакер делает и в отношении «Философских исследований» (1953), особенно после оценки очевидного трансцендентального характера некоторых аргументов, выдвинутых Витгенштейном по поводу следования правилу.

В новейшем и далеко идущем прочтении философского сходства между Кантом и Витгенштейном, предложенном Р. Ханной, выделяются две основные проблемы в их философиях: «(i) как видимый или проявленный мир обязательно соответствует человеческому разуму и жизни и (ii) критика самоотчужденной философии» (Hanna, 2017, p. 683). Известным ответом Канта на первую проблему является его трансцендентальный идеализм в более сильной или более слабой версии в зависимости от логической или реальной возможности, приписываемой вещам самим по себе. Соответственно, ответом Витгенштейна на ту же проблему был бы «Трактат»; объекты «Трактата» играют роль вещей самих по себе на онтологическом и эпистемическом уровнях, и то же самое относится к атомарным фактам в отношении объектов опыта. Тогда проявленный мир — это конструкция «субъекта, использующего язык», который «не принадлежит миру, но является его пределом (ЛФТ 5.631–5.632)» (Ibid., p. 688). Вторая основная тема проектов Канта и Витгенштейна, по мнению Ханны, соответствует философскому вопросу об условиях и ограничениях человеческой рациональности в ее когнитивном и практическом измерениях, что, в свою очередь, связано с третьим сходством, указанным Хакером. Именно эта проблема интересует нас больше прочих, поскольку здесь мысленный эксперимент представлен как метод Канта и Витгенштейна — соответственно для критики чистого разума и для определения границ выражения мысли в языке. Данная статья основана на чтении Хакера и затрагивает один из основных вопросов: «Есть ли сходство между философскими методами Канта

In a more recent and far-reaching reading of the philosophical likeness between Kant and Wittgenstein, Robert Hanna (2017, p. 683) has identified two core problems in their philosophies: “(i) how the apparent or manifest world necessarily conforms to human mind and life; and (ii) the critique of self-alienated philosophy.” Kant’s well-known answer to the first problem is his transcendental idealism in its stronger or weaker versions according to the logical or real possibility ascribed to things-in-themselves. Accordingly, Wittgenstein’s answer to the same problem would be the *Tractatus*; Tractarian objects play the role of things-in-themselves in the ontological and epistemic levels, and the same applies to atomic facts with regard to objects of experience. The manifest world is then a construction of “a language-using subject” who “does not belong to the world but is a limit of the world (TLP 5.631-5.632)” (Hanna, 2017, p. 688). The second core theme in Kant and Wittgenstein’s projects, according to Hanna, corresponds to the philosophical inquiry into the conditions and limitations of human rationality in its cognitive and practical dimensions, which coincides in turn with the third affinity listed by Hacker. That is the problem this paper is more concerned with; here thought experimenting is presented as Kant and Wittgenstein’s method for the critique of pure reason and the determination of the limits of the expression of thought in language respectively. I build on Hacker’s reading when he addresses one of its major questions: “Are there affinities between Kant’s philosophical methods and Wittgenstein’s?” (Hacker, 2013, p. 120). As an answer, another equally striking and important affinity is noted between their philosophical methods; to quote Hacker, *mutatis mutandis*, “no other philosophers in the history of the subject” (*ibid.*,

и Витгенштейна?» (Hacker, 2013, p. 120). В качестве ответа на этот вопрос обнаруживается еще одно, не менее поразительное, сходство между их философскими методами. Цитируя Хакера *mutatis mutandis*, «ни один другой философ в истории этого предмета» (Ibid., p. 122) не использовал мысленные эксперименты столь систематически (не разработав при этом самостоятельно подход к этому понятию).

Что же такое мысленный эксперимент (*Gedankenexperiment*)⁶ и как он методологически применим для исследования ограничений человеческой рациональности? Чтобы ответить на эти вопросы, мы могли бы начать с упоминания нескольких парадигматических случаев, с которыми читатель может быть знаком: «китайская комната», «скрипач Томсон», «лифт Эйнштейна», «жук Витгенштейна», «демон Максвелла» — это явные примеры мысленного эксперимента. Кроме того, существуют различные попытки сформулировать (интенциональное) определение мысленного эксперимента. Рой Соренсен определяет его как «эксперимент, который стремится достичь своей цели без необходимости осуществления» (Sorensen, 1992, p. 205). В этом определении акцент сделан на осуществлении, поскольку цель Соренсена — дать общее описание мысленного эксперимента в физике. Другой причиной в пользу необязательности реального осуществления для мысленных экспериментов является метафилософская приверженность Соренсена тезису о том, что наука и философия отличаются друг от друга по степени научности, а не по виду. Подобные философские убеждения могут быть и эпистемическими, как в случае Дж. Р. Брауна, выдвигающего платонистскую концепцию, согласно которой мысленные эксперименты в физике дают нам априорное знание законов природы, воспринимаемых как платонические сущности (Brown, 1991; 2004).

⁶ Именно Х. К. Эрстед в 1811 г. ввел в обиход датский термин *Tankeexperiment*. Появление и популяризация соответствующего немецкого термина *Gedankenexperiment* произошли во многом благодаря философской и научной деятельности Эрнста Маха (см.: Witt-Hansen, 1976).

p. 122) made such a systematic use of thought experiments (without having themselves developed an account of that notion).

What is, however, a thought experiment (*Gedankenexperiment*)⁴ and how is it methodologically suitable for the inquiry into the limitations of human rationality? To address these questions, a handful of paradigmatic cases could be mentioned with which the reader may be familiar: “The Chinese room”, “Thomson’s violinist”, “Einstein’s elevator”, “Wittgenstein’s beetle”, “Maxwell’s demon”, are clear-cut examples of a thought experiment. There are, furthermore, diverse attempts to formulate an (intensional) definition of thought experiment. Roy Sorensen (1992, p. 205) defines it as “an experiment that purports to achieve its aim without the benefit of execution”. Sorensen’s definition emphasises performance, for his goal is to provide a general account of thought experiments in physics. Another reason to advocate the dispensability of real-world execution for thought experiments is Sorensen’s metaphilosophical engagement with the thesis that science and philosophy are not different in kind, but in their degree of scientificity. Such philosophical commitments can also be epistemic, as in the case of J. R. Brown (1991; 2004), who conjectures a Platonist account, according to which thought experiments in physics give us *a priori* knowledge of the laws of nature, conceived as platonic entities. Successful thought experiments, consequently, justify a conclusion, not through standard deductive or inductive inference, but by some rational intuition of sorts. For Brown, “this Hypothesis is the best explanation for the remarkable

⁴ It was H. C. Ørsted who coined the Danish term “*Tankeexperiment*” in 1811. The emergence and popularisation of the corresponding German label “*Gedankenexperiment*” took place largely thanks to the philosophical and scientific work of Ernst Mach (see Witt-Hansen, 1976).

Успешные мысленные эксперименты, следовательно, обосновывают вывод не посредством стандартного дедуктивного или индуктивного умозаключения, а с помощью своего рода рациональной интуиции. Согласно Брауну, «эта гипотеза выступает наилучшим объяснением замечательных явлений (некоторых) мысленных экспериментов» (Brown, 1991, p. 127). В противовес этому эмпирист Джон Нортон утверждает, что мысленный эксперимент — это просто «обычная аргументация, замаскированная в яркой живописной или повествовательной форме» (Norton, 2004, p. 45). Соответственно, мысленный эксперимент — это аргумент, который берет в качестве посылок фоновые эмпирические знания. Любой эксперимент (реальный или воображаемый), правда, можно перестроить как аргумент — например, как сведение к абсурду или как *modus tollens*. Можно также частично согласиться с так называемым аргументационным взглядом Нортон, не разделяя его дефляционных последствий. Согласно Бренделю, большинство мысленных экспериментов основано на интуиции, понимаемой как «ментальные пропозициональные установки, которые сопровождаются сильным чувством уверенности» (Brendel, 2004, p. 96). При проведении мысленного эксперимента интуиции работают как фоновые предположения, которые, однако, необязательно выражать в виде аргумента, чтобы мысленный эксперимент был убедительным. Кроме того, бывают случаи, когда парадоксальные результаты мысленного эксперимента обязывают экспериментатора пересмотреть свои исходные предположения или условия и ограничения своего понятийного аппарата. Эти формы рассуждений, направляемые воображаемыми ситуациями, модальностями и / или контрфактуалами, представляют философский интерес в отличие от простого воображения сценариев, которыми мы руководствуемся при оценке повседневной ситуации. Именно критическое измерение мысленных экспериментов делает их методологически пригодными для эпистемологических поисков Канта и Витгенштейна.

phenomena of (some) thought experiments” (Brown, 1991, p. 127). In contrast, John Norton’s empiricist account contends that thought experiments are just “ordinary argumentation that is disguised in a vivid pictorial or narrative form” (Brown, 2004, p. 45). A thought experiment would be, accordingly, an argument that takes background empirical knowledge as its premises. Any experiment (be it real or imaginary), it is true, is *re-constructible* as an argument; as a reduction to absurdity or a *modus tollens* for example. One could also partially agree with Norton’s so-called *argument view*, without sharing its deflationary consequences. According to Brendel (2004, p. 96), most thought experiments are based on intuitions, understood as “mental propositional attitudes which are accompanied by a strong feeling of certainty”. When a thought experiment is carried out, intuitions work as background assumptions which, however, need not be made explicit in the form of an argument for the thought experiment to be conclusive. There are cases, in addition, in which the paradoxical results of a thought experiment oblige the experimenter to revise her background assumptions or the conditions and limitations of her conceptual apparatus. These are forms of reasoning guided by imaginary situations, modalities and/or counterfactuals that are philosophically interesting, as contrasted to the mere imagination of scenarios that guides our assessment of day-to-day situations. It is precisely the critical dimension of thought experiments which makes them methodologically suitable for the epistemological pursuits of both Kant and Wittgenstein.

In what follows, section 2 explores Wittgenstein’s aspect as a thought-experimenter and revises Alfred Nordmann’s reading of the *Tractatus* as a *thought experiment*. Section 3 shows

Далее, во втором разделе, я рассматриваю профиль Витгенштейна как мыслителя-экспериментатора и анализирую прочтение Альфредом Нордманом «Трактата» как мысленного эксперимента. В третьем разделе показываю, как «Критика чистого разума» Канта также может быть интерпретирована в качестве масштабного мысленного эксперимента, имеющего общие логические черты с «Трактатом». Кроме того, вопрос о трансцендентальных аргументах я обсуждаю здесь с точки зрения «среднего» Витгенштейна, занимающегося исправлением недостатков, вытекающих из «Трактата», и дополнением этого сочинения «феноменологическим языком». Далее, в четвертом разделе данной работы я анализирую два случая рассуждений в форме мысленного эксперимента, предложенных «средним» Витгенштейном и докритическим Кантом, и показываю, что оба философа выдвигают аргументы, которые можно назвать трансцендентальными хотя бы с методологической точки зрения. Аргументы, которые следует рассматривать на фоне феноменологической интерлюдии, выдвигаются Витгенштейном в текстах конца 1920 — начала 1930-х гг., таких как «Некоторые замечания о логической форме» (1929) и «Философские замечания» (1929–1930). Что касается Канта, то первая «Критика», безусловно, является необходимым источником, когда речь идет о его мысленных экспериментах; наконец, в данной работе учитываются докритические мысленные эксперименты Канта, представленные в эссе «О первом основании различия сторон в пространстве» (1768) и диссертации «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира» (1770).

2. «Трактат» Витгенштейна как *Gedankenexperiment*

Давайте начнем с пересмотра некоторых предпринятых в исследовательской литературе попыток реконструировать *magna opera* Канта и Витгенштейна как масштабные мысленные эксперименты. Во введении к «Трактату»

how Kant's *Critique of Pure Reason* can also be interpreted as a large-scale thought experiment which shares logical features with the *Tractatus*. The matter of transcendental arguments will be assessed here from the perspective of the middle Wittgenstein, now engaged in the corrections of the shortcomings stemming from the *Tractatus*, and its supplementation with a "phenomenological language". Section 4 of this paper, consequently, analyses two cases of thought-experimental reasoning proposed by the middle Wittgenstein and the pre-critical Kant and shows that both philosophers put forward arguments that could be called "transcendental" from a methodological standpoint. The arguments to be considered against the background of Wittgenstein's phenomenological interlude are advanced in texts from the end of the 1920s and the early 1930s, such as *Some Remarks on Logical Form* (1929) and *Philosophical Remarks* (1929–1930). Concerning Kant, the first *Critique* is certainly a requisite source when it comes to addressing his thought-experimenting practices; additionally, this paper takes account of Kant's pre-critical thought experiments in the essay "Concerning the Ultimate Ground of the Differentiation of Directions in Space" (1768) and the inaugural dissertation "On the Form and Principles of the Sensible and Intelligible World" (1770).

2. The *Tractatus* as *Gedankenexperiment*

Let us start by revising some attempts in the secondary literature at reconstructing Kant and Wittgenstein's *magna opera* as large-scale thought experiments. In his introduction to Wittgenstein's *Tractatus*, Nordmann takes as a starting point the standard interpretation: there

Витгенштейна Нордман берет за отправную точку стандартное прочтение этой работы: в ней Витгенштейн пытается определить границы выражения мыслей в языке через исчерпывающую классификацию его пропозиций. Тезис Нордмана заключается в том, что саморазрушительный характер «Трактата» обретает смысл, если интерпретировать его как мысленный эксперимент: «Понять Витгенштейна — значит понять, что он провел мысленный эксперимент, в ходе которого попытка выразить философские мысли натолкнулась на границы языка и, таким образом, закончилась неудачей» (Nordmann, 2005, p. 101).

С логической точки зрения «Трактату» удастся выразить такой саморазрушительный характер через логическую структуру *reductio ad absurdum* — обстоятельство, которое Витгенштейн иллюстрирует известной метафорой лестницы: «Мои предложения поясняются тем фактом, что тот, кто меня понял, в конце концов уясняет их бессмысленность, если он поднялся с их помощью — на них — выше их (он должен, так сказать, отбросить лестницу, после того как взберется по ней наверх). Он должен перебраться через эти предложения, лишь тогда он правильно увидит мир» (ЛФТ 6.54; Витгенштейн, 2014, с. 218).

Сведение к абсурду — это схема аргументации, в которой пропозиция опровергается путем выведения из нее противоречия. Стратегия Нордмана заключается в выявлении заключения ($\neg p$), полученного методом сведения к абсурду, для того чтобы прийти к исходному допущению (p) этого умозаключения. На первый взгляд, таким выводом является пропозиция, завершающая «Трактат»: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» (ЛФТ 7; Витгенштейн, 2014, с. 218). Тем не менее такое утверждение имеет смысл только при рассмотрении пропозиции 6.522: «Есть, конечно, нечто невыразимое. Оно *показывает* себя; это — мистическое» (Витгенштейн, 2014, с. 218). Итак, если 6.522 представляет собой вывод непрямого доказательства, то непонятно, как пропозиция

Wittgenstein tries to determine the limits of the expression of our thoughts in language through an exhaustive classification of its propositions. Nordmann's thesis is that the self-defeating character of the *Tractatus* makes sense when interpreted as a thought experiment: "To understand Wittgenstein is merely to understand that he has conducted a thought experiment in the course of which an attempt to express philosophical thoughts ran up against the limits of language and thus resulted in failure" (Nordmann, 2005, p. 101).

From a logical standpoint, the *Tractatus* expresses such self-destructive character through the logical structure of a *reductio ad absurdum*, a circumstance that is illustrated by Wittgenstein through the well-known metaphor of the ladder: "My propositions serve as elucidations in the following way: anyone who understands me eventually recognizes them as nonsensical, when he has used them — as steps — to climb up beyond them. (He must, so to speak, throw away the ladder after he has climbed up it.) He must transcend these propositions, and then he will see the world aright" (TLP 6.54; Wittgenstein, 1961, p. 89).

A reduction to absurdity is a pattern of argument in which a proposition is disproved by deriving a contradiction from it. Nordmann's strategy consists of identifying the conclusion ($\neg p$) of the *reductio* in order to arrive at its initial assumption (p). At first glance, such a conclusion is the proposition that closes the *Tractatus*: "What we cannot speak about we must pass over in silence" (TLP 7; Wittgenstein, 1961, p. 89). Nevertheless, such a statement only makes sense when proposition 6.522 is considered: "There are, indeed, things that cannot be put into words. They *make themselves manifest*. They are what is mystical" (Wittgenstein, 1961, p. 89). Now, if proposition 6.522

1 «Мир есть все то, что имеет место» (Витгенштейн, 2014, с. 1) может быть исходным предположением. Нордман полагает, что пропозиция 1 — это первый инференциальный шаг, следующий за негласной гипотезой: «Мы способны выразить любой смысл в нашем двухмерном способе записей, то есть в речи нет ничего невыразимого, и весь смысл находится в мире и в пределах языка» (Nordmann, 2005, p. 66). Такое прочтение не является посторонним для письма Витгенштейна, если рассмотреть, например, запись в его «Дневниках 1914–1916» от 26 сентября 1914 г.: «На чем базируется наша — наверняка хорошо основанная — уверенность в том, что мы в состоянии выразить любой смысл нашим двумерным способом записи?» (Витгенштейн, 2015а, с. 36). Эта запись становится еще более значимой, если учесть, что записные книжки Витгенштейна содержат наброски идей «Трактата» до его реструктуризации и доведения до опубликованного вида. По мнению Нордмана, когда читатели «Трактата» самостоятельно думают о том, что там выражено, они проводят мысленные эксперименты и получают опыт, общий с Витгенштейном, благодаря которому они его понимают. Аналогичное обстоятельство описывает К. Даймонд: «Желание понять человека, говорящего бессмыслицу, означает желание образно войти в процесс принятия этой бессмыслицы за смысл» (Diamond, 2000, p. 157). Для Даймонда это особое использование воображения, при котором бессмыслица принимается за смысл. Оба прочтения намекают на форму «опыта», которая вовлекает читателя во взаимодействие между смыслом и бессмыслицей, характерное для аргументов *reductio*. Разумеется, как не все мысленные эксперименты являются философски значимыми, так и не все они соответствуют схеме сведения к абсурду. Однако такой способ аргументации идеально подходит для опровержения законов и принципов путем выявления противоречий. В этом смысле аргумент *reductio ad absurdum* представляет собой философски значимый мысленный экспери-

is the conclusion of an indirect proof, it is not clear how *TLP* 1: “The world is all that is the case” (*ibid.*, p. 5) may be the initial assumption. Nordmann suggests that *TLP* 1 is the first inferential step posterior to a tacit hypothesis: “We are able to express any sense whatsoever in our two-dimensional script, that is, nothing is inexpressible in speech and all sense is in the world and within the limits of language” (Nordmann, 2005, p. 66). This reading is not extraneous to Wittgenstein’s letter when one considers, for example, the entry of his *Notebooks* (1914 – 1916) corresponding to 26 September 1914: “What is the ground of our — certainly well founded — confidence that we shall be able to express any sense we like in our two-dimensional script?” (Wittgenstein, 1979, p. 28). The annotation is even more significant when one takes into account that the *Notebooks* contain the germinal ideas of the *Tractatus* before its rearrangement and development as an editorial product. For Nordmann, when the *Tractatus* readers think on their own what is there expressed, they perform a thought experiment and have a common experience with Wittgenstein, by virtue of which they understand him. The same circumstance is described by Cora Diamond: “To want to understand the person who talks nonsense is to want to enter imaginatively the taking of that nonsense for sense” (Diamond, 2000, p. 157). For Diamond, it is a special use of the imagination in which nonsense is taken for meaning. Both readings allude to a form of “experience” that engages the reader in an interplay between sense and nonsense, characteristic of the arguments by *reductio*. Admittedly, just as not all thought experiments are philosophically relevant, not all of them fit the pattern of a reduction to absurdity. Such mode of argumentation, however, is ideally suited for disproving laws and princi-

мент, когда он функционирует как тест на разрушение⁷ рациональности — например, когда намеренно и систематически пытаются испытать на прочность пределы языка.

3. Первая «Критика» как *Gedankenexperiment*

Давайте теперь воспользуемся *reductio ad absurdum* как возможностью обратить внимание на кантовскую сторону нашего вопроса. В 1972 г. М. Г. Калинин пересмотрел метод Канта для подтверждения трансцендентальных принципов, таких как «принцип причинности», согласно которому «все изменения происходят по закону связи причины и следствия» (В 232; Кант, 2006, с. 321). Наряду с подтверждением принципа причинности во «Второй аналогии [опыта]», парадигматическими примерами трансцендентального аргумента являются «Дедукция категорий» и «Опровержение идеализма» Канта. Как напоминает нам Калинин, поскольку трансцендентальные принципы выступают необходимыми условиями опыта, их подтверждение не может опираться на индуктивные аргументы. Точно так же ни один догматический аргумент не может быть эффективным для подтверждения таких принципов, поскольку концептуальный анализ не может производить синтетические априорные пропозиции. Затем Калинин предполагает, что попытка Канта обосновать принцип причинности во «Второй аналогии» включает трансцендентальный аргумент, который, как и «Трактат» Витгенштейна, имеет логическую структуру *reductio*:

⁷ Я заимствую эту метафору у Г. Райла: «Философские аргументы описанного типа имеют нечто общее с испытаниями на разрушение, с помощью которых инженеры выясняют прочность материалов. Конечно, инженеры растягивают, скручивают, сжимают и бьют куски металла до тех пор, пока они не разрушатся, но именно с помощью таких испытаний они определяют напряжение, которое выдержит металл» (Ryle, 2009, p. 207).

ples by unveiling contradictions. In this vein, a *reductio ad absurdum* argument constitutes a philosophically relevant thought experiment when it functions as a destruction test⁵ for rationality, e.g. when it intentionally and systematically attempts to run up against the limits of language.

3. The first Critique as *Gedankenexperiment*

Let us now take the argument by *reductio ad absurdum* mentioned above as an opportunity for looking at Kant's side of this matter. In 1972 Martin G. Kalin reconsidered Kant's method for validating transcendental principles like the "causal principle", viz. that "all alterations occur in accordance with the law of the connection of cause and effect" (KrV, A 189 / B 232; Kant, 1998, p. 304). Alongside the validation of the causal principle in the Second Analogy, other paradigmatic examples of a transcendental argument are Kant's "Deduction of the Categories" and the "Refutation of Idealism". As Kalin (1972) reminds us, since transcendental principles are necessary conditions of experience, their validation cannot rely upon inductive arguments. Likewise, no dogmatic argument could be effective for validating such principles, for conceptual analysis cannot produce synthetic *a priori* propositions. Kalin then suggests that Kant's attempt to validate the causal principle involves a transcendental argument which, like Wittgenstein's *Tractatus*, displays the logical structure of a *reductio*:

⁵ I borrow this metaphor from Gilbert Ryle (2009, p. 207): "Philosophical arguments of the type described have something in common with the destruction-tests by which engineers discover the strength of materials. Certainly engineers stretch, twist, compress, and batter bits of metal until they collapse, but it is just by such tests that they determine the strains which the metal will withstand."

Если бы -P [принцип причинности] был истинным, то какое-то феноменальное событие в объективном времени не имело бы причины. Но истинность -P также разрушила бы само различие между объективным и просто субъективным временем, оставив «только игру представлений». Поэтому истинность -P подразумевает как существование объективного времени, в котором происходит хотя бы одно беспричинное феноменальное событие, так и его отсутствие, то есть то, что оно остается неотличимым от просто субъективного времени (Kalin, 1972, p. 322).

Здесь Калин имеет в виду использование Кантом примеров с домом (B 235; Кант, 2006, с. 325) и движущейся по течению лодкой (B 237; Кант, 2006, с. 327) для противопоставления соответственно постижения многообразия созерцания, когда ряд восприятий неопределенен, и явлений, постигаемых в детерминированном последовательном порядке. Другими словами, ложность принципа причинности превращает объективное определение положения объекта, скажем, восприятие корабля, движущегося вверх по течению, за которым следует восприятие его положения ниже по течению, в игру представлений с неопределенным порядком, как в случае с домом, воспринимаемым в произвольной очередности. Трансцендентальные аргументы Канта начинаются с несомненной предпосылки — в данном случае с утверждения, что мы испытываем в опыте изменения. Затем он доказывает, что такой опыт был бы невозможен, если бы изменения явлений не происходили в соответствии с законом причины и действия. Как справедливо замечает Хакер, «ссылка на возможный опыт представляет собой необходимый ингредиент трансцендентального доказательства» (Hacker, 2013, p. 128). Необходимо также подчеркнуть, что трансцендентальные аргументы, как их использовал Кант, — это утверждения о всяком возможном человеческом опыте.

Калин делает важное добавление, что эти аргументы «также могут быть охарактеризованы не столь формально, но, возможно, более

If -P [the causal principle] were true, then some phenomenal event in objective time would lack a cause. But the truth of -P also would collapse the very distinction between objective and merely subjective time, leaving “only a play of representations”. Therefore, the truth of -P implies both that objective time exists in which at least one uncaused phenomenal event occurs, and that it does not exist, *viz.* that it remains indistinguishable from merely subjective time (Kalin, 1972, p. 322).

Here Kalin is referring to Kant’s use of the cases of the house (*KrV*, A 190 / B 235; Kant, 1998, p. 306) and the ship downstream (*KrV*, A 191 / B 237; Kant, 1998, p. 307) to contrast, respectively, the apprehension of the manifold of intuition when the series of perceptions are indeterminate and appearances apprehended with a determinate sequential order. In other words, the falsity of the causal principle would transform the objective determination of the position of an object, say the perception of a ship driven upstream followed by the perception of its position downstream, into a play of representations with indeterminate order, as in the case of a house perceived in arbitrary directions. Kant’s transcendental arguments start with an uncontentious premise, in this case with the claim that we experience change. It then proceeds to show that such experience would be impossible if the alterations of appearances did not occur in accordance with the law of cause and effect. As Hacker rightly points out, “reference to possible experience is an essential ingredient in a transcendental proof” (2013, p. 128). And it must also be stressed, transcendental arguments as Kant used them are claims about any possible human experience.

Kalin (1972, p. 322) importantly adds that those arguments “also can be characterized, in a less formal but perhaps more enlightening fashion, as *Gedankenexperimente*”. Follow-

информативно, как *Gedankenexperimente*» (Kalin, 1972, p. 322). Следуя Калину, можно сказать, что все трансцендентальные аргументы, разработанные Кантом, являются мысленными экспериментами, причем действительно философски значимыми. Они часто работают как тест на разрушение структуры нашего опыта. Другими словами, трансцендентальный аргумент — это тип мысленных экспериментов, цель которых состоит в определении наиболее общих принципов, лежащих в основе опыта и делающих его возможным. Экспериментальность трансцендентального аргумента заключается в систематическом изменении опыта (с помощью воображаемых, модальных или контрфактических рассуждений) с целью определения необходимой неаналитической связи понятий. Под мысленным экспериментом Калин понимает метод, используемый для оценки эмпирических последствий, вытекающих из предполагаемой истинности или ложности той или иной гипотезы. Кант, однако, не направляет свои мысленные эксперименты на эмпирические обстоятельства: изменение истинного значения трансцендентального принципа в корне поменяло бы структуру опыта; ложность принципа причинности, например, стерла бы границу между иллюзией и реальностью. Калин называет такую интерпретацию трансцендентального принципа «кантовской версией» мысленного эксперимента (*Ibid.*, p. 323).

М. Буццони идет на шаг дальше и предлагает рассматривать не только «Вторую аналогию», но и всю первую «Критику» как «эксперимент чистого разума, философский мысленный эксперимент, истинность которого гарантируется тем, что человеческий рассудок теряется в антиномиях, когда он выходит за пределы возможного опыта и пытается иметь дело с вещами самими по себе» (Buzzoni, 2018, p. 329). Этот подход согласуется с рядом кантовских описаний как реальных, так и мысленных экспериментов. С одной стороны, прочтение Буццони подразумевает, что мысленный эксперимент может как подтвердить посылку в более широком аргу-

ing Kalin, one may say that all transcendental arguments of the kind developed by Kant are thought experiments and indeed philosophically relevant ones. They often operate as a “destruction-test” for the structure of our experience. In other words, a transcendental argument is a type of thought experiments that purports to determine the most general principles that underlie experience and make it possible. The experimentality of a transcendental argument lies in its systematic variation of experience (guided by imaginary, modal, or counterfactual reasoning) in order to determine a necessary non-analytical connection of concepts. By the latter, he understands a method used for evaluating the empirical consequences derived from the assumed truth or falsity of a given hypothesis. Kant, however, does not aim his thought experiments at “empirical circumstances”, a change in the truth value of a transcendental principle would change fundamentally the structure of experience; the falsity of the causal principle, for example, would delete the limit between illusion and reality. Kalin calls this interpretation of a transcendental principle a “Kantian version” of a thought experiment (*ibid.*, p. 323).

What is more, Marco Buzzoni (2018, p. 329) goes one step further and suggests that not only the “second analogy” but “the whole book [the first *Critique*] can be seen as an experiment of pure reason, a philosophical TE [thought experiment] whose truth is guaranteed by the fact that human understanding loses itself in antinomies when it ventures beyond the limits of possible experience and attempts to deal with things in themselves”. This approach harmonises with a series of Kantian accounts of both real-world experiments and thought experiments. Buzzoni’s reading implies that a thought experiment can either validate a premise in a broader argument or constitute the full argument itself in conjunction with other thought experiments.

менте, так и представлять собой полноценный аргумент в сочетании с другими мысленными экспериментами. Относительно этой двойной логической функции мысленных экспериментов, иногда действующих как предпосылки, а иногда как полные аргументы, С. Вирвидакис утверждает, что Кант использовал как тип мысленных экспериментов с одной посылкой, так и мысленные эксперименты типа составного аргумента (Virvidakis, 2011, p. 130). Й. Фехидже и М. Т. Стюарт предлагают прочтение «Второй аналогии» как предпосылки мысленного эксперимента; возможно, случаи с домом и лодкой были теми мысленными экспериментами, на которые ссылался Калинин (см.: Fehige, Stuart, 2014, p. 201). Более того, прочтение «Критики» как масштабного мысленного эксперимента согласуется с кантовской общей концепцией эксперимента. Согласно К. Р. Вестфалю, «по “анalogии” (B XVI) с научным экспериментом Кант говорит об “эксперименте чистого разума” (B XXI Anm.) и таким образом описывает процесс своей критической философии» (Westphal, 2015, p. 591). Такой «эксперимент чистого разума», эксперимент «с концепциями и принципами», соответствует *измененному методу нашего мышления*, то есть признанию того, что «мы *a priori* познаем о вещах только то, что сами в них вложили» (B XVIII; Кант, 2006, с. 19). Утверждение Вестфалья, что «Критика чистого разума» представляет собой эксперимент чистого разума, и тезис Фехидже и Стюарта о том, что понятие эксперимента разума в раннее Новое время предвосхищает современное понятие *Gedankenexperiment*, согласуются с прочтением Буццони первой «Критики» как крупномасштабного мысленного эксперимента.

Подытожим: «Трактат» Витгенштейна и первую «Критику» Канта можно рассматривать как философские мысленные эксперименты, которые пытаются столкнуться с границами языка и границами возможного опыта соответственно. Преднамеренная ошибка первого эксперимента приводит к бессмыслице, а неудача второго — к антиномиям разума. Более

About this double logical function of thought experiments, sometimes acting as premises and sometimes as full arguments, Stelios Virvidakis (2011, p. 130) claims that Kant made use of the single-premise type as well as the compound-argument type of thought experiments. Yiftach Fehige and Michael T. Stuart (2014, p. 201) propose a full-argument thought experiment interpretation of the “Second Analogy”; arguably, the cases of the house and the boat downstream would be *the* thought experiments to which Kalin refers. Furthermore, the reading of the first *Critique* as a large-scale thought experiment coheres with Kant’s general conception of “experiment”. According to Kenneth R. Westphal (2015, p. 591), “In ‘analogy’ (B XVI) to the scientific experiment, Kant speaks of an ‘experiment of pure reason’ (B XXI) and thus describes the process of his critical philosophy.” Such an experiment of pure reason, an experiment “with concepts and principles”, corresponds to “the altered method of our way of thinking”, i.e. the recognition that “we can cognize of things *a priori* only what we ourselves have put into them” (*KrV*, B XVIII; Kant, 1998, p. 111). Westphal’s claim that “Kant’s *KrV* represents this ‘experiment of pure reason’” (Westphal, 2015, p. 592) together with Fehige and Stuart’s (2014) thesis that the notion of “*Experiment der reinen Vernunft*” is an anticipation of the modern notion of “*Gedankenexperiment*”, clearly lead to Buzzoni’s reading of the first *Critique* as a large-scale thought experiment.

Let us recapitulate: Wittgenstein’s *Tractatus* and Kant’s first *Critique* can be seen as philosophical thought experiments that attempt to run up against the limits of language and the limits of possible experience, respectively. The deliberate misstep of the former experiment results in nonsense, while the “failure” of the latter leads reason to antinomies. Moreover, both experiments attain a self-defeating character by displaying the logical structure of a *reductio*,

того, оба эксперимента приобретают саморазрушительный характер, демонстрируя логическую структуру сведения к абсурду, что возможно благодаря двойному логическому применению мысленного эксперимента, иногда как обоснования предпосылок, иногда как всеобъемлющего рассуждения. И последнее, но не менее важное: мысленный эксперимент и для Канта, и для Витгенштейна является методом критической философии, то есть оценки исходных предпосылок и границ метафизики.

До сих пор ничего не было сказано о том, выдвинул ли Витгенштейн какой-либо аргумент, который можно было бы назвать «трансцендентальным» в кантовском смысле. Тезис Хакера о том, что в лучшем случае в «Трактате» можно найти «ослабленную форму» трансцендентального аргумента, опровергнуть будет крайне сложно. Очевидно, что «Трактат» «не является попыткой обосновать возможность синтетического априорного знания» (Hacker, 2013, p. 128), а в «Философских исследованиях» нет попытки «доказать истинность любых синтетических априорных пропозиций путем ссылки на априорные условия возможности опыта» (Ibid., p. 131). Однако сравнение обоих авторов на других этапах их философского развития может быть полезным для понимания их методологического родства и причин, побудивших принять мысленный эксперимент в качестве средства для решения различных эпистемологических проблем; кроме того, такое сравнение может дать лучшее понимание исторических причин и основополагающих допущений, которые привели к тому, что концепция «трансцендентального аргумента» вошла в современную философию.

4. Докритический Кант и «средний» Витгенштейн как мысленные экспериментаторы

Еще до первой публикации «Логико-философского трактата» в 1921 г. Витгенштейн на некоторое время отошел от философской де-

which is possible thanks to the double logical use that can be made of thought experiments, sometimes as justification for premises, sometimes as all-embracing arguments. Last but not least, thought experimenting is for both Kant and Wittgenstein a method for critical philosophy, i.e. for evaluating the underlying assumptions and limits of metaphysics.

Thus far, nothing has been said about the question whether Wittgenstein put forward any argument that could be called “transcendental” in a Kantian sense. Hacker’s thesis that at best one could attribute to Wittgenstein a “watered down version” of a transcendental argument would be extremely difficult and even otiose to rebut. Clearly, the *Tractatus* is “not an attempt to vindicate the possibility of synthetic *a priori* Knowledge” (Hacker, 2013, p. 128) and there is no attempt in *Philosophical Investigations* “to prove the truth of any synthetic *a priori* propositions by reference to the *a priori* conditions of the possibility of experience” (*ibid.*, p. 131). However, comparing both authors at other stages of their philosophical development could be useful for understanding their methodological affinities and the reasons that led them to adopt thought experimenting as a means for pursuing their own epistemological concerns; likewise, it may generate a better understanding of the historical reasons and underlying assumptions that caused the concept of “transcendental argument” to make its way into contemporary philosophy.

4. The Pre-Critical Kant and the Middle Wittgenstein as Thought-Experimenters

Even before the *Tractatus* was published for the first time in 1921, Wittgenstein had already abandoned philosophical activity for a while. Upon his return to Cambridge in 1929,

тельности. После возвращения в Кембридж в 1929 г. он занялся теми аспектами, которые оказались в «Трактате» не «окончательными» или не «неприкасаемыми», особенно в свете критики со стороны Ф. Рамсея (Ramsey, 1923). Среди них наиболее важной становится непоследовательность, вытекающая из так называемой проблемы взаимного исключения цветов⁸, сформулированной в рамках анализа того, что Витгенштейн называл «высказываниями о степени» (Витгенштейн, 2015б, с. 327). Эта проблема уходит своими корнями в фундаментальную концепцию логической необходимости, поднимаемую в «Трактате». Истинность пропозиции зависит от составляющих ее элементарных пропозиций. Такие пропозиции не являются взаимоисключающими и не могут быть разложены; они представляют собой логические фигуры положений дел, а составляющие их части, в свою очередь, представляют собой имена, обозначающие простые объекты. Как «из существования или несуществования какого-либо одного атомарного факта нельзя заключать о существовании или несуществовании другого атомарного факта» (ЛФТ 2.062; Витгенштейн, 2014, с. 44), так и истинность или ложность элементарной пропозиции не может быть выведена из истинности или ложности другой элементарной пропозиции. Следовательно, ни одна пропозиция, описывающая мир, не может быть обязательно истинной или ложной. Пропозиция лишь утверждает, что нечто возможно; единственными обязательно истинными пропозициями выступают тавтологии, а единственными невозможными — противоречия. Проблема возникает, когда пытаются проанализировать такое противоречие, как соединение пропозиций «А — красное» и «А — зеленое» (Ка & За), ибо невозможно, чтобы пятно в поле зрения имело одновремен-

⁸ О недавнем пересмотре и анализе исследования концепций цвета Витгенштейном на протяжении его философского развития см: (Драгалина-Черная, 2020).

he dealt with the aspects that turned out not to be “definitive” or “untouchable” in the *Tractatus*, particularly in light of the criticisms offered by Frank Ramsey (1923). Among them the most important would be the inconsistency derived from the so-called “colour exclusion problem”,⁶ framed within the analysis of what Wittgenstein called “statements of degree” (Wittgenstein, 1993, pp. 34-35) The problem has its roots in the fundamental conception of logical necessity which Wittgenstein raises in the *Tractatus*. That a proposition is true depends on the elementary propositions that compose it. These elementary propositions are not mutually exclusive, nor can they in turn be decomposed; they are logical figures of states of affairs, and the parts that compose them are names that stand for simple objects. Just as “From the existence or non-existence of one state of affairs it is impossible to infer the existence or non-existence of another” (*TLP* 2.062; Wittgenstein, 1961, p. 9), neither the truth nor the falsity of an elementary proposition can be inferred from the truth or falsity of another elementary proposition. Consequently, no proposition that describes the world can necessarily be true or false. A proposition only affirms that something is possible; the only necessarily true proposition is the tautology, and the only impossibility is that expressed by the contradiction. The problem appears when one tries to analyse a contradiction such as the conjunction of the propositions “A is red” and “A is green” (Ra & Ga), for it is impossible that a patch in the visual field should have simultaneously two different colours (see *TLP* 6.3751; Wittgenstein, 1961, p. 85). Clearly, since elementary propositions are logically independent, they cannot exclude each other. The problem is also evident when carrying out a truth-functional

⁶ For a recent revision and analysis of Wittgenstein’s study of colour concepts throughout his philosophical development see Dragalina-Chernaya (2020).

но два разных цвета (ЛФТ 6.3751; Витгенштейн, 2014, с. 211). Ясно, что, поскольку элементарные пропозиции логически независимы, они не могут исключать друг друга. Проблема также очевидна при проведении функционального анализа истинности — учитывая, что «Ка & За» является противоречием, оценка «ложь — истина — ложь» представляет собой незаконный набор значений истинности для логической функции конъюнкции.

Результатом этой и других неудач стало то, что намеченный в «Трактате» проект установления предела выражения мысли пришлось пересмотреть и впоследствии исправить или дополнить нотацией, которая верно выражает логические отношения, существующие между высказываниями об эмпирической градации. Этот новый трактатовский подпроект получит название «первичный язык», или «феноменологический язык», и займет все время и силы Витгенштейна с января 1929 г., хотя продлится лишь до октября того же года.

М. Сильва объясняет, как крах «Трактата» связан с последствиями скрытой формы холизма, которая выражается в элементарных пропозициях относительно цветов (Silva, 2014, p. 185). Проблема проявляется в онтологической сфере, но ее решение должно находиться на методологическом уровне. Мы полагаем, что обращение Витгенштейна к мысленным экспериментам было в 1929–1930 гг. отчасти его ответом на эту проблему. Есть даже свидетельства того, что Витгенштейн сознавал это, хотя было бы неверно утверждать, что он считал себя «мысленным экспериментатором» в том историческом смысле, который может иметь это выражение. В «Некоторых замечаниях о логической форме» он поднимает тему элементарных пропозиций и демонстрирует необходимость исследования в рамках теории познания их структуры вне сферы символов и прежде всего необходимость метода для такого исследования: «Цель теории познания — обнаружить их [атомарные пропозиции] и понять, как

analysis — given that “Ra & Ga” is a contradiction, the valuation “T-F-T” presents an illicit collection of truth values for the logical function of conjunction.

The result of this and other failures is that the project, outlined in the *Tractatus*, of establishing a limit to the expression of thought in language had to be revised and subsequently corrected or supplemented with a notation that rightly expresses the logical relations that exist between statements about empirical gradation. This new Tractatusian sub-project would receive the name of “primary language” or “Phenomenological Language” and would occupy all the time and energies of Wittgenstein from January 1929, although it would only last until October of the same year.

Silva (2013, p. 185) explains how the *Tractatus* collapses due to the implications of a sneaky form of holism that is evident in the lower propositions relative to the colours. The problem manifests itself in the ontological sphere, but its solution must be on the methodological level. I believe that Wittgenstein’s appeal to thought experiments was partly his answer to that problem in 1929–1930. There is even evidence that Wittgenstein was aware of it, although it would be incorrect to claim that he saw himself as a “thought experimenter” in the historical sense which that expression might have. In *Some Remarks on Logical Form*, he picks up the topic of elementary propositions and manifests the need for research within the theory of knowledge about their structure outside the plane of symbols and, above all, the need for a method to face that investigation: “It is the task of the theory of knowledge to find them [elementary propositions] and to understand their construction out of the words or symbols. This task is very difficult, and Philosophy has hardly yet begun to tackle it at some points. What method have we for tackling it?” (Wittgenstein, 1993, p. 29). Later, in

они конструируются из слов или символов. Эта очень трудная задача, и философия до сих пор едва ли принималась за ее решение хоть в каких-то пунктах. Какой метод есть у нас для ее решения?» (Витгенштейн, 2015б, с. 322). Позже, в «Философских замечаниях», он обращается к той же теории познания, но на этот раз предлагает метод, который имеет поразительное сходство с мысленным экспериментированием:

Теория познания не только не имеет дела с истинностью или ложностью подлинных предложений, но даже является философским методом сосредоточения внимания именно на тех предложениях, содержание которых кажется нам — с физической точки зрения — наиболее невозможным для мышления (например, что кто-то чувствует зубную боль другого человека). Таким образом, теория познания подчеркивает тот факт, что ее область включает в себя все, что может быть мыслимо (ФЗ §60; Wittgenstein, 1990, p. 90).

Переход от истинностной функциональности к холизму, в терминах Сильвы, подчиняется тому, что М. Л. Энгельман описывает как необходимость исследовать специфические условия смысла и бессмыслицы в конкретных логических пространствах, а не в логическом пространстве «Трактата» (Engelmann, 2013). Здесь мы интерпретируем это как переход от одного эксперимента («Трактата») к множествам экспериментов. Особый интерес представляет то, что после упомянутого замечания из ФЗ §60 появляется целый ряд ситуаций, «содержание которых кажется невозможным»: что было бы, если бы мы чувствовали боль только в другом теле? (ФЗ, §60; Wittgenstein, 1990, p. 90); на что была бы похожа боль без обладателя? (ФЗ §65; Wittgenstein, 1990, p. 94); что если бы наше тело состояло из двух отдельных организмов? (ФЗ §66; Wittgenstein, 1990, p. 95); «Предположим, что все части моего тела можно удалить, пока не останется только один глаз, и он будет прочно зафиксирован в определенном положении, сохраняя способность видеть. Каким бы предстал передо

Philosophical Remarks, he refers to the same theory of knowledge, but this time he proposes a “method” that shares striking similarities with thought-experimenting:

Not only does epistemology pay no attention to the truth or falsity of genuine propositions, it’s even a philosophical method of focusing on precisely those propositions whose content seems to us as physically impossible as can be imagined (e.g. that someone has an ache in someone else’s tooth). In this way, epistemology highlights the fact that its domain includes everything that can possibly be thought (PR §60; Wittgenstein, 1990, p. 90).

The passage from truth-functionality to holism, in Silva’s terms, obeys what Engelmann (2013) describes as the need to investigate the specific conditions of meaning and nonsense in particular logical spaces, and not in *the* logical space of the *Tractatus*. Here I interpret it as the passage from an experiment (the *Tractatus*) to several experiments. It has a particular interest that after the mentioned observation of PR § 60 there is a proliferation of situations “whose content seems impossible”: what would happen if we only felt pains in another body? (PR § 60; Wittgenstein, 1990, p. 90); What would a pain be like without a possessor? (PR § 65; Wittgenstein, 1990, p. 94); What if our body consisted of two separate organisms? (PR § 66; Wittgenstein, 1990, p. 95); “Suppose that all parts of my body could be removed until only one eye was left; and this were to be firmly fixed in a certain position, retaining its power of sight. How would the world appear to me?” (PR § 72; Wittgenstein, 1990, p. 100). I claim that Wittgenstein finds in thought experiments a methodological bridge to bring the verifiability principle of the *Tractatus* towards a holistic space, i.e. a way of analysing the systems of propositions that make sense (and which propositions do not) in individual but interconnected logical spaces.

мною мир?» (ФЗ §72; Wittgenstein, 1990, p. 100). Мы утверждаем, что Витгенштейн находит в мысленных экспериментах методологический мост, позволяющий вывести принцип верифицируемости «Трактата» в холистическом пространстве, то есть способ анализа систем пропозиций, которые имеют смысл (и таких пропозиций, которые не имеют смысла) в отдельных, но взаимосвязанных логических пространствах.

Итак, в 1930 г. Витгенштейн переходит от вопроса об истине к вопросу о смысле, и мысленные эксперименты теперь ориентируются на этот второй вопрос. Однако что означает это изменение в конкретных, процедурных терминах? Энгельман предполагает, что Витгенштейн использует «трансцендентальный метод», то есть выдвигает свои тезисы путем построения «трансцендентальных аргументов» (Engelmann, 2013, p. 29–31). Мы утверждаем, что такие аргументы могут быть лучше охарактеризованы как мысленные эксперименты. С этой целью один из примеров, использованных Энгельманом, будет рассмотрен ниже. Это аргумент Витгенштейна, доказывающий, что направленность является несводимым качеством визуального пространства: «Можно также сказать, что зрительное поле — это организованное пространство, пространство, в котором есть верх и низ, право и лево. И этот верх и низ, право и лево не имеют ничего общего с гравитацией или правой и левой рукой. Оно имело бы смысл, если бы мы, например, всю жизнь смотрели на звезды через телескоп» (ФЗ §206; Wittgenstein, 1990, p. 255). В этом рассуждении есть обращение к воображению, которое стремится подорвать одно из предположений, неявно действующих в наших описаниях феноменов, как они появляются в визуальном пространстве⁹. Инерция языка заставляет нас

⁹ Энгельман также называет «трансцендентальными аргументами» другие мысленные эксперименты, введенные Витгенштейном, чтобы показать, что помимо направления расстояние и числа одинаково даны в визуальном пространстве без посредничества других структур (Engelmann, 2013, p. 30–32). См. также: (Витгенштейн, 2015б, с. 325; ФЗ §208, Wittgenstein, 1990, p. 257).

In 1930, then, Wittgenstein moves from the question about the truth to the question about sense, and TEs are oriented towards this second question. However, what does this change mean in concrete, procedural terms? Engelmann (2013, p. 28) suggests that Wittgenstein uses a *transcendental* method, i.e. he constructs “transcendental arguments” (see *ibid.*, pp. 29–31). I claim that such arguments can be better characterised as thought experiments. For this purpose, one of the examples employed by Engelmann will be reconsidered in what follows. This is Wittgenstein’s argument for showing that directionality is an irreducible quality of visual space: “We can also say visual space is an oriented space, a space in which there is an above and below and a right and left. And this above and below, right and left have nothing to do with gravity or right and left hands. It would, e.g., still retain its sense even if we spent our whole lives gazing at the stars through a telescope” (PR § 206; Wittgenstein, 1990, p. 255).

In this argument, there is an appeal to the imagination that seeks to undermine one of the assumptions that operate implicitly in our descriptions of phenomena as they appear in visual space.⁷ The inertia of our language has led us to “mix” propositions about the direction of objects in visual space with other groups of propositions, whether these are about our body, in the case of ordinary language, or relative to gravity, as happens in the language of physics. As a result, groups of propositions seem so essentially connected that we are led to think that every object in visual space moves

⁷ Engelmann (2013, pp. 30–32) also refers to other thought experiments as “transcendental arguments”, introduced by Wittgenstein to show that, in addition to direction, distance and numbers are equally given in visual space without the mediation of other structures. See Wittgenstein (1993, pp. 31–32; PR §208, Wittgenstein, 1990, p. 257).

«смешивать» пропозиции о направлении объектов в визуальном пространстве с другими группами пропозиций, будь то о нашем теле в случае обычного языка или об относительной гравитации в языке физики. В результате группы пропозиций кажутся настолько существенно связанными, что заставляют нас думать, будто каждый объект в визуальном пространстве движется (или останавливается) по отношению к какой-то части нашего тела или к направлению гравитационной силы. Как предполагает Энгельман, аргумент гласит, что даже при абстрагировании от телесных ощущений можно различить направление движения объектов в зрительном поле. Когда мы видим нашу жизнь со звезд через телескоп, явления визуального пространства представлены в абстракции от тела и без влияния земного гравитационного поля. Этот ход мысли, безусловно, напоминает трансцендентальный аргумент, поскольку его цель — показать, что направленность выступает несводимым элементом, который делает возможным наше восприятие объектов в зрительном поле. В некотором смысле это относится к возможному опыту, хотя это явно не утверждение о любом возможном человеческом опыте.

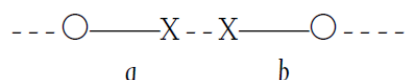
Примечательно также, что Витгенштейн упоминает различие между правой и левой рукой, когда перечисляет два условия, которые не имеют значения для определения направления в визуальном пространстве; второе условие — гравитация. Хотя здесь нет упоминания о Канте, очень вероятно, что Витгенштейн имеет в виду парадокс Канта «правая рука — левая рука» (AA 02, S. 382; Кант, 1964а, с. 378). На самом деле в пропозиции 6.36111 есть предпосылка, что Витгенштейн был знаком с ним:

Кантовская проблема правой и левой руки, которые не могут совпасть при наложении, существует уже в плоскости и даже в одномерном пространстве, где две конгруэнтные фигуры *a* и *b* также не могут совпасть при наложении, не выходя из этого пространства.

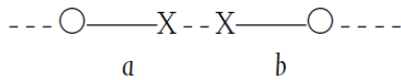
(or halts) in relation to some part of our body or to the direction of a gravitational force. As Engelmann suggests, the argument states that even in abstraction from bodily sensations it is possible to distinguish the direction of objects in the visual field. When we see our lives from the stars through a telescope, the phenomena of visual space are represented in abstraction from the body and without the influence of the terrestrial gravitational field. This train of thought certainly resembles a transcendental argument as it aims to show that directionality is an irreducible element that makes possible our experience of objects in the visual field. In a sense, then, it refers to possible experience, although it clearly is not a claim about *any* possible human experience.

It is also noteworthy that Wittgenstein mentions the right hand-left hand distinction when listing two conditions that are irrelevant for the determination of direction in visual space (the second one is gravitation). Although there is no mention of Kant, it is likely that Wittgenstein referred to Kant's right hand-left hand paradox (GUGR, AA 02, p. 382; Kant, 1992a, p. 371). In fact, there is in TLP 6.36111 textual evidence that Wittgenstein was familiar with it:

Kant's problem about the right hand and the left hand, which cannot be made to coincide, exists even in two dimensions. Indeed, it exists in one-dimensional space:

in which the two congruent figures, *a* and *b*, cannot be made to coincide unless they are moved out of this space. The right hand and the left hand are in fact completely congruent. It is quite irrelevant that they cannot be made to coincide.

Правая и левая рука фактически полностью конгруэнтны. И то, что они не могут совпасть при наложении, не имеет к этому никакого отношения. Правую перчатку можно было бы надеть на левую руку, если бы ее можно было повернуть в четырехмерном пространстве (Витгенштейн, 2014, с. 208).

Проблема правой / левой руки была первоначально предложена Кантом в эссе «О первом основании различия сторон в пространстве»: «Если же представить себе, что первым, что было создано [в мире], была человеческая рука, то это необходимо была либо правая, либо левая рука...» (AA 02, S. 382; Кант, 1964а, с. 378). В диссертации «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира» эта проблема используется, чтобы показать, что пространство должно быть познано через интуицию (AA 02, S. 403; Кант, 1964б, с. 403); в «Пролегоменах...» она используется для иллюстрации того, что пространство является формой внешней интуиции (AA 04, S. 286; Кант, 1965, с. 102). Кант начинает с того, что отмечает существование «неконгруэнтных подобий»: «Такое тело, которое во всем совершенно равно и подобно другому, хотя и не может быть заключено с ним в одни и те же границы» (AA 02, S. 382; Кант, 1964а, с. 376). В качестве примеров Кант упоминает сферические треугольники и наши руки. Предположение, что «первой сотворенной вещью была человеческая рука», развивается как контрпример, опровергающий лейбницевскую реляционную концепцию пространства, согласно которой пространство — это совокупность внешних отношений, существующих между частями материи. Поскольку руки являются «неконгруэнтными подобиями», между их частями существует отношение один-к-одному, то есть такое, что любое описание внутренней связи частей правой

A right-hand glove could be put on the left hand, if it could be turned round in four-dimensional space (*TLP* 6.36111; Wittgenstein, 1961, p. 84).

The right hand-left hand problem was originally proposed by Kant in his essay “Concerning the Ultimate Ground of the Differentiation of Directions in Space”: “Imagine that the first created thing was a human hand. That human would have to be either a right hand or a left hand” (*GUGR*, AA 02, p. 382; Kant, 1992a, p. 371). The problem is invoked in the *Inaugural Dissertation* to show that space must be known through intuition (*MSI*, AA 02, p. 403; Kant, 1992b, p. 396). In *Prolegomena* it is used for illustrating how space is a form of outer intuition (*Prol*, AA 04, p. 286; Kant, 2002, p. 81). In *Directions in Space* Kant starts by noting the existence of “*incongruent counterparts*”: “a body which is exactly equal and similar to another, but which cannot be enclosed in the same limits as the other” (*GUGR*, AA 02, p. 382; Kant, 1992a, p. 370). As examples, Kant mentions spherical triangles and our hands. The assumption that “the first created thing was a human hand” is developed as a counterexample to disprove the Leibnizian relational conception of space, according to which space is the aggregate of external relations existing among the parts of matter. Since hands are incongruent counterparts, there is a one-to-one relationship between their parts, such that any description of the intrinsic relation of the parts of a right hand would be a valid description of the left one and vice versa. In absence of any other created object, however, and assuming true the relational conception of space, such a first and only created hand would be indeterminate concerning direction. That is, the imagined hand would fit equally a right and a left wrist, which is absurd. It is clear that Wittgenstein’s thought experiment has a role analogous to Kant’s right

руки будет действительным описанием левой, и наоборот. Однако в отсутствие любого другого созданного объекта и при условии верности реляционной концепции пространства такая первая и единственная созданная рука была бы неопределенной в отношении направления. То есть воображаемая рука будет одинаково подходить как к правому, так и к левому запястью, что абсурдно. Очевидно, что мысленный эксперимент Витгенштейна играет роль, аналогичную проблеме «правая рука / левая рука» у Канта. Последний хочет показать, что направленность является существенным качеством визуального пространства, первый делает тот же вывод о пространстве в геометрии.

Чтобы получить более четкое представление о связи между аргументацией, используемой «средним» Витгенштейном и докритическим Кантом, обратимся к статье Х. Э. Бройлза о применении фантазии Витгенштейном. Согласно Бройлзу, первое использование фантазии соответствует воображению того, что он называет *ситуационными фактами*: «Когда изменяются ситуационные факты, изменяется ситуация, хотя, конечно, множество других фактов может измениться без изменения ситуации или без ее существенного изменения» (Broyles, 1974, p. 295). Аннотация этой работы содержит 185 слов; если факт меняется, ситуация меняется — например, 200 может быть максимальным количеством слов. Бройлз также называет воображение ситуативных фактов «реалистическими вымыслами»: развлекая свое воображение такого рода фактами, мы думаем о мире, в котором живем. Кроме того, существует более радикальное или причудливое воображение, которое Бройль называет «фантазией». Теперь воображение развлекается с помощью «фактов о строительных лесах»: если бы эти факты были другими, мы были бы в другом мире. Витгенштейн говорит о том, что наши описания зрительного поля были бы чувственными даже в отсутствие ощущения тяжести или

hand-left hand problem. The latter wants to show that directionality is an essential quality of visual space, the former draws the same conclusion about the space of geometry.

In order to get a clearer picture of the connection between the argument employed by the middle Wittgenstein and the pre-critical Kant, let us review Broyles' (1974) account of Wittgenstein's use of phantasy. According to Broyles, one use of phantasy corresponds to the imagining of what he calls *situational facts*: "When situational facts alter, the situation changes, though of course a great many other facts may change without altering the situation or without altering it essentially" (Broyles 1974, p. 295). The abstract of this paper contains 216 words; if the fact changes, the situation changes, e.g. 200 could be the maximum number of words allowed in my abstract. Broyles also refers to the imagination of situational facts as "realist fictions"; when entertaining our imagination with this kind of facts, we think about the world in which we live. Moreover, there is a more "radical or fanciful imagination" that Broyles calls "phantasy". Now imagination is entertained with "*scaffolding facts*": if those facts were different, we would be in a different world. Wittgenstein's point is that our descriptions of the visual field would still be sensical even in the absence of the sensation of gravity or the right hand-left hand distinction. These are highly general facts, and that is why we are not always aware of them. According to Broyles, Wittgenstein frequently appeals to fantasy as a means to make us aware of scaffolding facts. This way, by thinking about possible worlds, we are led to appreciate the world as it actually is.

The imagination of situations like the ones posed by Wittgenstein and Kant makes us aware of facts that serve as a foundation for experience in general (the Second Analogy)

различия между правой и левой руками. Это очень общие факты, и именно поэтому мы не всегда их осознаем. По словам Бройлза, Витгенштейн часто обращается к фантазии как к средству, позволяющему нам осознать факты. Таким образом, размышляя о возможных мирах, мы получаем возможность оценить мир таким, какой он есть на самом деле.

Представление ситуаций, подобных тем, которые использовали Витгенштейн и Кант, позволяет нам осознать факты, служащие основой опыта в целом («Вторая аналогия») или его части, будь то общее описание геометрического пространства (мысленный эксперимент «правая / левая рука») или более узкое описание восприятия визуального пространства (эксперименты Витгенштейна по абсолютному направлению). Таким образом, ни Витгенштейн, ни докритический Кант не использовали трансцендентальные аргументы *sensu stricto*; они не защищали положение, что существуют фундаментальные, нередуцируемые и неизменные суждения, принципы и / или категории, которые лежат в основе всего возможного человеческого опыта и определяют его. Однако с методологической точки зрения и Витгенштейн, и Кант обращаются к мысленному эксперименту для систематической проверки уровня общности исследуемых пропозиций.

5. Заключение

В поисках ответа на вопрос о философском сходстве между Кантом и Витгенштейном мы обнаружили, что оба автора прибегают к мысленным экспериментам способом, который является определяющим для их философских проектов; и «Логико-философский трактат», и «Критика чистого разума» представляют собой попытки преступить соответственно границы языка и границы возможного опыта. «Трактат» написан в сослагательном наклонении, так что бессмыслица принимается за

or part of it, be it the general description of geometrical space (the right hand-left hand thought experiment) or just the narrower perception of visual space (Wittgenstein's experiment on absolute direction). Thus, neither Wittgenstein nor the precritical-Kant used transcendental arguments *sensu stricto*, they were not committed to the assumption that there are fundamental, irreducible, and unalterable propositions, principles, and/or categories that underlie and determine all possible human experience. However, from a methodological point of view, both Wittgenstein and Kant do appeal to thought experimenting for systematically testing the level of generality of the propositions under examination.

5. Conclusion

In searching for an answer to the question of the philosophical affinity between Kant and Wittgenstein I detected that both authors resorted to thought experiments in a way that is determinant for their philosophical projects; both the *Tractatus* and the *Critique of Pure Reason* are, respectively, attempts to trespass the limits of language and possible experience. The *Tractatus* is written in a subjunctive mode so that nonsense is taken for sense and it amounts to having the experience of "catching oneself in talking nonsense". In the case of the first *Critique*, it is reason that loses itself in antinomies. The search for affinities, moreover, was extended to the less-explored philosophical project of the middle Wittgenstein. That path of inquiry led us to Engelmann's interpretation of Wittgenstein's phenomenological project as the adoption of a transcendental method characterised by the employment of transcendental arguments. We were able to discover that, as in the *Tractatus*, the arguments

смысл, и это равносильно опыту «лови себя на бессмыслице». В случае первой «Критики» в антиномиях себя теряет разум. Поиск сходства, кроме того, был распространен на менее исследованный философский проект «среднего» Витгенштейна. Этот путь исследования привел нас к интерпретации Энгельманом феноменологического проекта Витгенштейна как принятия трансцендентального метода, характеризующегося использованием трансцендентальных аргументов. Нам удалось установить, что, как и в «Трактате», аргументы, разработанные Витгенштейном в его последующей попытке определить структуру визуального пространства, не являются трансцендентальными в духе «Второй аналогии», учитывая отсутствие ссылки на любой возможный человеческий опыт. Хакер приводит еще одно возражение против характеристики аргументов Витгенштейна как трансцендентальных: «Расширение таким образом этого кантовского термина не является очевидно плодотворным или проясняющим. Историки философии не считают полезным характеризовать метафизику Платона или Аристотеля... как включающую трансцендентальные аргументы» (Hacker, 2013, p. 127). Распространение кантовского понятия трансцендентального аргумента на «среднего» Витгенштейна было бы столь же одиозным и неверным. Тем не менее при рассмотрении в ограниченной методологической перспективе трансцендентальный характер аргументов Витгенштейна указывает на соответствующие связи с эпистемологией Канта. И Калин, и Хакер изучают вопрос о том, насколько «проясняющим» или «просвещающим» будет распространение того или иного термина на концепции того или иного конкретного автора. Тот же вопрос затрагивался и в данном исследовании, в ходе которого был обсужден ряд взаимосвязанных понятий: аргумент, трансцендентальный аргумент, сведение к абсурду и мысленный эксперимент. Пересмотр и актуализация характеристики тран-

developed by Wittgenstein in his subsequent attempt at determining the structure of visual space are not transcendental in the vein of the Second Analogy, given the absence of a reference to any possible human experience. Hacker (2013, p. 127) mentions one more objection to the characterisation of Wittgenstein's arguments as transcendental arguments: "It is not obviously fruitful or illuminating to extend this Kantian term of art thus. Historians of philosophy have not found it helpful to characterise Plato or Aristotle's metaphysics [...] as involving transcendental arguments". Extending the Kantian notion of transcendental argument to the Third Wittgenstein would be equally otiose and incorrect. Nonetheless, when considered from a restricted methodological perspective, the transcendental flavour of Wittgenstein's arguments points to relevant connections with Kant's epistemology. Both Kalin and Hacker consider the issue of how "illuminating" or "enlightening" the extension of a term to a particular author would be. The same question applies to this inquiry, in the course of which a set of intertwined notions have been discussed: argument, transcendental argument, reduction to absurdity, and thought experiment. Reconsidering and actualising Kalin's (1972) characterisation of Kant's transcendental arguments as *Gedankenexperimente* allowed us to reunite Kant and Wittgenstein around a philosophical (and scientific) method with a rich history and a broad scope of application. Taken together, i) Wittgenstein's use of "pseudo-transcendental" arguments, ii) the characterisability of transcendental arguments as thought experiments and iii) the fact that Kant's notion of experiment of pure reason is a forerunner of the modern notion of thought experiment, lead to a rationally and historically illuminating reading of the

сцендентальных аргументов Канта (1972) как *Gedankenexperimente* позволили нам воссоединить Канта и Витгенштейна вокруг философского (и научного) метода с богатой историей и широкой сферой применения. Вместе взятые, i) использование Витгенштейном «псевдотрансцендентальных» аргументов, ii) характеризующая трансцендентальных аргументов как мысленных экспериментов и iii) тот факт, что понятие эксперимента чистого разума у Канта является предшественником современного понятия мысленного эксперимента, приводят к рационально и исторически проясняющему прочтению близости между обоими философами. В данной работе признание философского родства Канта и Витгенштейна как пользователей мысленных экспериментов оказалось связанным с методологическим аспектом проблемы условий и границ человеческой рациональности. Однако оно может быть расширено и в других направлениях — например, в сторону вопроса о том, как трансцендентальные аргументы используются и понимаются в современной философии, или о том, какую роль сыграло кантианство в развитии концепции мысленного эксперимента.

Список литературы

- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М. : Канон + РООИ «Реабилитация», 2014.
- Витгенштейн Л. Дневники 1914 – 1916. М. : Канон + РООИ «Реабилитация», 2015а.
- Витгенштейн Л. Некоторые замечания о логической форме // Витгенштейн Л. Дневники 1914 – 1916. М. : Канон + РООИ «Реабилитация», 2015б. С. 321–329.
- Драгалина-Черная Е.Г. Цвета в логическом пространстве Людвига Витгенштейна // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 146–156.
- Кант И. О первом основании различия сторон в пространстве // Собр. соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1964а. Т. 2. С. 369–378.
- Кант И. О форме и принципах чувственного воспринимаемого и умопостигаемого мира // Собр. соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1964б. Т. 2. С. 381–425.

affinity between the two authors. In this paper, the recognition of Kant and Wittgenstein's philosophical affinity as thought experimenters proved to be relevant for the methodological aspect of the problem of the conditions and boundaries of human rationality. It, however, could be expanded in different directions, e.g. towards the matter of how transcendental arguments are used and understood in contemporary philosophy, or the question about the role Kantianism has played in the development of the concept of thought experiment.

References

- Brendel, E., 2004. Intuition Pumps and the Proper Use of Thought Experiments. *Dialectica*, 58(1), pp. 89-108.
- Brown, J.R., 1991. Thought Experiments: A Platonic Account. In: T. Horowitz and G. J. Massey, eds. 1991. *Thought Experiments in Science and Philosophy*. Savage, MD: Rowman & Littlefield.
- Brown, J.R., 2004. Why Thought Experiments Transcend Empiricism. In: C. Hitchcock, ed. 2004. *Contemporary Debates in Philosophy of Science*. Malden, MA: Blackwell Pub, pp. 23-43.
- Broyles, J.E., 1974. An Observation on Wittgenstein's Use of Phantasy. *Metaphilosophy*, 5(4), pp. 291-297.
- Buzzoni, M., 2018. Kantian Accounts of Thought Experiments. In: M. T. Stuart, Y. Fehige and J. R. Brown, eds. 2018. *The Routledge Companion to Thought Experiments*. London & New York: Routledge, Taylor & Francis Group, pp. 327-341.
- Diamond, C., 2000. Ethics, Imagination, and the Method of Wittgenstein's Tractatus. In: A. Crary and R. Read, eds. 2000. *The New Wittgenstein*. London & New York: Routledge, pp. 149-173.
- Dragalina-Chernaya, E.G., 2020. Colours in Ludwig Wittgenstein's Logical Space. *Voprosy Filosofii*, 6, pp. 146-156.
- Engelmann, M.L., 2013. *Wittgenstein's Philosophical Development. Phenomenology, Grammar, Method, and the Anthropological View*. London: Palgrave Macmillan.
- Fehige, Y. and Stuart, M.T., 2014. On the Origins of the Philosophy of Thought Experiments: The Forerun. *Perspectives on Science*, 22(2), pp. 179-220.

Кант И. Критика чистого разума // Собр. соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки // Собр. соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 68–210.

Brendel E. Intuition Pumps and the Proper Use of Thought Experiments // *Dialectica*. 2004. Vol. 58, № 1. P. 89–108.

Brown J. R. Thought Experiments: A Platonic Account // *Thought Experiments in Science and Philosophy* / ed. by T. Horowitz, G. J. Massey. Savage, MD : Rowman & Littlefield, 1991. P. 119–128.

Brown J. R. Why Thought Experiments Transcend Empiricism // *Contemporary Debates in Philosophy of Science* / ed. by C. Hitchcock. Malden, MA: Blackwell Pub, 2004. P. 23–43.

Broyles J. E. An Observation on Wittgenstein's Use of Phantasy // *Metaphilosophy*. 1974. Vol. 5, № 4. P. 291–297.

Buzzoni M. Kantian Accounts of Thought Experiments // *The Routledge Companion to Thought Experiments* / ed. by M. T. Stuart, Y. Fehige, J. R. Brown. L. ; N. Y. : Routledge ; Taylor & Francis Group, 2018. P. 327–341.

Diamond C. Ethics, Imagination, and the Method of Wittgenstein's *Tractatus* // *The New Wittgenstein* // ed. by A. Crary, R. J. Read. L. ; N. Y. : Routledge, 2000. P. 149–173.

Engelmann M. L. Wittgenstein's Philosophical Development. Phenomenology, Grammar, Method, and the Anthropological View. L. : Palgrave Macmillan, 2013.

Fehige Y., Stuart M. T. On the Origins of the Philosophy of Thought Experiments: The Forerun // *Perspectives on Science*. 2014. Vol. 22, № 2. P. 179–220.

Hacker P. M. S. Kant and Wittgenstein: The Matter of Transcendental Arguments // *The Textual Genesis of Wittgenstein's Philosophical Investigations* / ed. by N. Venturinha. N. Y. : Routledge, 2013. P. 120–134.

Hanna R. Wittgenstein and Kantianism // *A Companion to Wittgenstein* / ed. by H.-J. Glock, J. Hyman. Chichester : John Wiley & Sons, 2017. P. 682–698.

Kalin M. G. Kant's Transcendental Arguments as Gedankenexperimente // *Kant-Studien*. 1972. Vol. 63, № 1–4. P. 315–328.

Nordmann A. Wittgenstein's *Tractatus*: An Introduction. Cambridge ; N. Y. : Cambridge University Press, 2005.

Norton J. Why Thought Experiments do not Transcend Empiricism // *Contemporary Debates in Philosophy of Science* / ed. by C. Hitchcock. Malden, MA : Blackwell Pub, 2004. P. 44–66.

Hacker, P.M.S., 2013. Kant and Wittgenstein: The Matter of Transcendental Arguments. In: N. Venturinha, ed. 2013. *The Textual Genesis of Wittgenstein's Philosophical Investigations*. New York: Routledge, pp. 120-134.

Hanna, R., 2017. Wittgenstein and Kantianism. In: H. J. Glock & J. Hyman, eds. 2017. *A Companion to Wittgenstein*. Chichester, UK: John Wiley & Sons, pp. 682-698.

Kalin, M.G., 1972. Kant's Transcendental Arguments as Gedankenexperimente. *Kant-Studien*, 63(3), pp. 315-328.

Kant, I., 1992a. Concerning the Ultimate Ground of the Differentiation of Directions in Space. Translated by D. Walford. In: I. Kant, 1992. *Theoretical philosophy, 1755-1770*. Edited by D. Walford. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 365-372.

Kant, I., 1992b. On the Form and Principles of the Sensible and the Intelligible World [Inaugural Dissertation]. In: I. Kant, 1992. *Theoretical philosophy, 1755-1770*. Edited by D. Walford. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 373-416.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated by P. Guyer and A. W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2002. Prolegomena to any Further Metaphysics that Will Be Able to Come Forward as Science, In: I. Kant, 2002. *Theoretical Philosophy After 1781*. Edited by H. E. Allison and P. Heath. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 53-169.

Nordmann, A., 2005. *Wittgenstein's Tractatus: An Introduction*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Norton, J., 2004. Why Thought Experiments do not Transcend Empiricism. In: C. Hitchcock, ed. 2004. *Contemporary Debates in Philosophy of Science*. Malden, MA: Blackwell Pub, pp. 44-66.

Ramsey, F.P., 1923. Critical Notice of L. Wittgenstein's *Tractatus*. *Mind*, 32(128), pp. 465-478.

Ryle, G., 2009. Philosophical Arguments. In: G. Ryle, 2009. *Collected Papers, Volume 2: Collected Essays 1929 – 1968*. London & New York: Routledge, pp. 203-221. <https://doi.org/10.4324/9780203875308>

Silva, M., 2014. Holismo e Verofuncionalidade: Sobre Um Conflito Lógico-Filosófico Essencial. *Philosophos – Revista de Filosofia*, 18(2), pp. 167-200.

Sorensen, R.A., 1992. *Thought Experiments*. New York: Oxford University Press.

Ramsey F. P. Critical Notice of L. Wittgenstein's *Tractatus* // *Mind*. 1923. Vol. 32, № 128. P. 465–478.

Ryle G. *Philosophical Arguments* // *Collected Papers*. L. ; N. Y. : Routledge, 2009. Vol. 2 : *Collected Essays 1929 – 1968*. P. 203–221.

Silva M. *Holismo e Verofuncionalidade: Sobre Um Conflito Lógico-Filosófico Essencial* // *Philosophos*. 2014. Vol. 18, № 2. P. 167–200.

Sorensen R. *Thought Experiments*. N. Y. : Oxford University Press, 1992.

Virvidakis S. On Kant's Critique of Thought Experiments in Early Modern Philosophy // *Thought Experiments in Methodological and Historical Contexts* / ed. by K. Ierodiakonou, S. Roux. Leiden ; Boston : Brill, 2011. P. 127–142.

Westphal K. R. *Experiment* // *Kant-Lexikon* / hrsg. von M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin. Berlin : De Gruyter, 2015. P. 591–594.

Wittgenstein L. *Philosophical Remarks* / ed. by R. Rhees. Oxford : Blackwell, 1990.

Witt-Hansen J. H. C. Ørsted, Immanuel Kant and the Thought Experiment // *Danish Yearbook of Philosophy*. 1976. Vol. 13. P. 48–65.

Об авторе

Серхио Альберто Фуэнтес Гонсалес, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: GFuentes@stud.kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4200-2605>

Для цитирования:

Фуэнтес Гонсалес С. А. О мысленных экспериментах у Канта и Витгенштейна и проблеме трансцендентальных аргументов // *Кантовский сборник*. 2022. Т. 41, № 2. С. 96-121.

doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-4

© Фуэнтес Гонсалес С. А., 2022.

Virvidakis, S., 2011. On Kant's Critique of Thought Experiments in Early Modern Philosophy. In: K. Ierodiakonou and S. Roux, eds. 2011. *Thought Experiments in Methodological and Historical Contexts*. Leiden & Boston: Brill, pp. 127-142.

Westphal, K.R., 2015. Experiment. In: M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr and S. Bacin, eds. 2015. *Kant-Lexikon*. Berlin: De Gruyter, pp. 591-594.

Witt-Hansen, J., 1976. H. C. Ørsted, Immanuel Kant and the Thought Experiment. *Danish Yearbook of Philosophy*, 13, pp. 48-65.

Wittgenstein, L., 1961. *Tractatus Logico-Philosophicus*. Translated by B. McGuinness and D. Pears. London: Routledge & Paul.

Wittgenstein, L., 1969. *Notebooks 1914–1916*. Second Edition. Translated by G.E.M. Anscombe. New York: Harper & Row.

Wittgenstein, L., 1990. *Philosophical Remarks*. Reprint. Translated by R. Hargraves and R. White. Oxford: Blackwell.

Wittgenstein, L., 1993. Some Remarks on Logical Form. In: J. C. Klagge and A. Nordmann, eds. 1993. *Philosophical Occasions, 1912–1951*. Indianapolis: Hackett Pub. Co., pp. 29-35.

Wittgenstein, L., 1997. *Philosophical Investigations*. Second Edition. Translated by G.E.M. Anscombe. Oxford: Blackwell Pub.

The author

Sergio Alberto Fuentes González, Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad, Russia.

E-mail: GFuentes@stud.kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4200-2605>

To cite this article:

Fuentes González, S.A., 2022. Kant and Wittgenstein on Thought Experiments and the Matter of Transcendental Arguments. *Kantian Journal*, 41(2), pp. 96-121.

<http://dx.doi:10.5922/0207-6918-2022-2-4>

© Fuentes González S. A., 2022.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

УДК 17-027.21

**ИЗЛОМАННЫЕ ГРАНИ ЭТИЧЕСКОГО
УНИВЕРСАЛИЗМА.
КОММЕНТАРИЙ К КНИГЕ
«УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ В МОРАЛИ»**

А. В. Углева¹

Автор критически осмысливает некоторые положения коллективной монографии «Универсальность в морали», изданной в 2020 г. под общей редакцией Рубена Апресяна. Книга была написана по результатам масштабного исследования, проведенного профессиональными философами-этиками и посвященного вопросу природы универсальности в морали и механизмов универсализации отдельных максим и норм от Античности до современных этических теорий, представленных прежде всего аналитической традицией. Большой интерес вызывает анализ смежных феноменов в морали, позволяющих определить причины и характер трансформации морали в различные эпохи и сопутствующее ей изменение терминологического аппарата абсолютного этического универсализма, представляющего в качестве отправной точки в анализе ключевых современных концепций моральной универсальности. Автор предлагает к рассмотрению возможные направления продолжения исследований в данной сфере, позволяющие скорректировать общепринятые представления не только об истории понятия универсальности в морали, но и о вкладе отдельных авторов и целых эпох в прогресс человеческой цивилизации. Речь идет прежде всего о моральной теории контрактарианистов и Просвещения. Внимание к их идеям во многом определяет направленность актуальных историко-философских исследований, реконструирующих историю этических учений и отдельных понятий. Придаваемое сегодня значение новому взгляду на теорию общественного договора, рассматриваемого не только с социально-политических, но и с моральных позиций, заставляет по-новому поставить вопрос об универсальности ключевых

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. Поступила в редакцию: 01.02.2022 г. doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-5

**BROKEN FACETS
OF ETHICAL UNIVERSALISM.
COMMENTARY ON THE BOOK
UNIVERSALITY IN MORALITY**

A. V. Ugleva¹

Some ideas expressed in the collective monograph *Universality in Morality (2020)*, edited by Ruben Апресян, are here critically examined. The book is based on the results of a large-scale study by professional ethical philosophers devoted to the question of the nature of universality in morality and the mechanisms of universalisation of individual maxims and norms from antiquity to modern ethical theories, represented above all by the analytical tradition in philosophy. Of great interest is the analysis of related phenomena in morality, which makes it possible to determine the causes and nature of the transformation of morality in different eras and the accompanying change in the terminological apparatus of absolute ethical universalism, considered to be the starting point in the analysis of key modern concepts of moral universality. The article also suggests possible avenues for continued research in this area which could prompt modifications not only to the history of the concept of universality in morality, but also to our assessment of the contribution of individual authors and entire eras to the progress of human civilisation. This concerns above all the moral theory of contractarianism and the Enlightenment. Focus on their ideas goes a long way to determining the direction of current historical-philosophical research that reconstructs the history of ethical teachings and individual concepts. The importance attached today to a new view of the theory of the social contract, considered not only from socio-political but also from moral positions, forces us to approach in a new way the question con-

¹ HSE University. 20 Myasnitckaya st., Moscow, 101000, Russia. Received: 01.02.2022. doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-5

философских категорий, выработанных в рамках этой теории на протяжении всего развития идеологии контрактарианизма. Автор также акцентирует проблему обоснования тезиса о моральном законе как аналоге универсального закона природы, развивая идеи, изложенные в коллективной монографии.

Ключевые слова: этический универсализм, Кант, всеобщий закон природы, категорический императив, прагматическая универсалия, этика дискурса, контрактарианизм, рациональная сделка

Введение

Феномен универсальности, или универсализма, в морали — один из наиболее значимых для развития этической теории объектов, изучаемых профессиональными философами, поскольку от понимания природы универсального в морали напрямую зависит доверие моральным авторитетам, этическим нормам и принципам, обоснованность, объективность и, как следствие, общественное и индивидуальное признание их в качестве трансцендентальных оснований человеческой идентичности, немислимой вне конкретного поведенческого набора максим и законов, регулирующих поведение как отдельного индивида, так и целых сообществ.

И хотя споры об универсальности морального закона идут на протяжении как минимум 200 лет, особую остроту они приобрели во второй половине XX столетия в новых культурно-исторических и социально-политических обстоятельствах. Если когда-то эта идея была источником метафизической целостности, единства мира и человека, то сегодня ее защитников нередко упрекают в том, что на самом деле именно этический универсализм повинен в колониализме и этноцентризме (Callahan, 2000, p. 38, 44), поскольку он идеологически оправдывает угнетение малых народов во имя «цивилизационного прогресса». И даже сегодня универсализм нередко характеризуют как установку, идейно питающую глобализационные процессы и потому

cerning the universality of the key philosophical categories developed within this theory throughout its history. Elaborating the ideas set forth in the monograph, the author also stresses the relevance of the problem of justifying the thesis about the moral law as an analogue of the universal law of nature in the modern context.

Keywords: ethical universalism, Kant, universal law of nature, categorical imperative, pragmatic universal, discourse ethics, contractarianism, rational bargain

Introduction

Universality, or universalism, in morality is one of the most significant concepts in the development of ethical theory of objects studied by professional philosophers. This is because understanding the nature of the universal in morality is the key condition of trust in moral authority, ethical norms and principles, objectivity and, consequently, their social and individual recognition as transcendental foundations of human identity. This is inconceivable without a concrete set of maxims and laws that regulate the behaviour of both individuals and entire communities.

Although arguments about the universality of the moral law are at least 200 years old, they took on particular relevance in the second half of the twentieth century owing to the new cultural-historical and socio-political circumstances. Once a source of metaphysical integrity, the unity of humanity and the world, today ethical universalism is often blamed as colonialism and ethno-centrism (Callahan, 2000, p. 38, 44) because it provides ideological justification of the oppression of small peoples in the name of “civilisational progress”. Even today universalism is often seen as an ideological justification of globalisation process-

осуждаемую теми, кто не смиряется с гомогенизацией и стандартизацией мира. Человеку свойственно изо всех сил защищать тождества и различия, но только до тех пор, пока он не оказывается лицом к лицу с не менее подозрительной и вызывающей недоверие идеей партикуляризма, за которой нередко стоит вульгарный эгоизм и агрессивный национализм. Для универсалиста величайшая опасность — это релятивизм, превращающий этику не более чем в столкновение чувств, эмоций, частных интересов, совокупность некритических культурных практик. Партикуляризм, в свою очередь, опасен своей нечувствительностью к действительным различиям между людьми и отдельными ценностными системами (см.: Macklin, 1999). Вопрос подчас ставится радикально: какое из двух зол выбрать — универсализм или партикуляризм, империализм или коммунитаризм, универсализм или дифференциализм? Кардинальные и бесспорные ценности для одних оказываются циничными инструментами западного империализма для других.

В связи с этим особую актуальность приобретают исследования, направленные на системную историко-философскую реконструкцию представлений об этическом универсализме, а также на раскрытие сущности феномена универсальности и способов его категориального выражения от античных авторов до современных ее интерпретаций. Именно эта задача лежала в основе исследования коллектива авторов, по итогам которого в 2020 г. была опубликована коллективная монография «Универсальность в морали». Удачной можно назвать попытку всего коллектива достичь понятийной и терминологической строгости в описании феномена универсальности в сопоставлении с другими важными для истории морали понятиями. Книга действительно дает представление об эволюции взглядов на «универсальность» в истории этических доктрин и, что не менее важно, открывает пространство для дискуссий, поскольку в ней не только реконструируются

es and therefore is condemned by those who oppose homogenisation and standardisation of the world. People tend to ardently defend identities and differences, but only until they are confronted with an equally suspicious and dubious idea of particularism which often disguises vulgar egoism and aggressive nationalism. The greatest danger for the universalist is relativism, which reduces ethics to a mere clash of feelings, emotions, particular interests and an assortment of uncritical cultural practices. Particularism, in turn, is dangerous because it is insensitive to real differences between people and individual value systems (cf. Macklin, 1999). The question is sometimes put bluntly: Which is the greater evil, universalism or particularism, imperialism or communitarianism, universalism or differentialism? What are cardinal and undisputable values for some turn out to be cynical instruments of Western imperialism for others.

All this lends particular relevance to the studies that seek to reconstruct systemically the history of the ideas of ethical universalism and to explain the phenomenon of universality and the categories in which it has been expressed from ancient to modern times. This was the task the authors of the 2020 collective monograph, *Universality in Morality*, set themselves. Credit is due to the authors for their attempt to adhere to a rigorous terminology in describing the phenomenon of universality in conjunction with other concepts that are important for the history of morality. The book does indeed give an idea of the evolution of the views on “universality” in the history of ethical doctrines and, no less importantly, opens up space for discussion, inasmuch as the contributors do not only reconstruct individual concepts, but offer their own interpretations.

положения отдельных концепций, но и предлагаются их авторские интерпретации. Кроме того, ее прочтение позволяет осознать масштабность проблемы и необходимость продолжения исследований, которые в перспективе могут изменить наши представления не только об истории понятия универсальности в морали, но и о вкладе в сокровищницу мировой культуры отдельных авторов и целых эпох — таких как, например, эпоха Просвещения.

Кант: «всеобщий закон» и «всеобщий закон природы»

Центральное место в данной работе справедливо занимает моральная философия И. Канта, основанная на идее абстрактного универсализма. Эта идея по-прежнему остается уязвимой перед лицом прежде всего ее гегелевской критики², осуждающей абстрактный универсализм моральной философии за его нечувствительность к конкретно-исторической данности практики, за пустой формализм категорического императива, который, опираясь только на собственный эйдос, сублимирует материю максим и производит лишь тавтологические суждения, а также за бессилие чистой воли и чувства долга, остающихся глухими к конкретиям истории, в которой и разворачивается то или иное действие. Наконец, после критики Ф. Ницше, М. Шелера и Н. Гартмана общим местом стали упреки Канту в связи со строгим дуализмом интеллигибельного и эмпирического миров, что сделало невозможным убедительное обоснование единства действия.

Все эти классические возражения против теории Канта, несомненно, имеют неодинаковую ценность, но они в основном вдохновлены тем же мотивом, что и вопрос о дуализме умопостигаемого мира и мира чувственной реаль-

² Эта критика хорошо проиллюстрирована Ю. Хабермасом (Habermas, 1991, S. 9–11).

Furthermore, the reading of the book creates an awareness of the scale of the problem and the need to continue the research which potentially may change our ideas not only of the history of the concepts of universality in morality, but of the contribution of individual authors and entire epochs (e.g. the Enlightenment) to the treasure-trove of world culture.

Kant: “Universal Law” and “Universal Law of Nature”

Kant’s moral philosophy, based on the idea of abstract universalism, rightly occupies the central place in the book. On the one hand, it is still vulnerable especially to Hegelian criticism,² which condemns the abstract universalism of moral philosophy for being insensitive to the concrete historical givenness of practice; the hollow formalism of the categorical imperative which, proceeding only from its *eidōs*, sublimates the matter of maxims and generates nothing but tautological judgments; the impotence of the pure will and pure duty which are deaf to the concreteness of history in which this or that action unfolds. Finally, after the critique by Friedrich Nietzsche, Max Scheler and Nicolai Hartmann, Kant has been routinely accused of the dualism of the intelligible and empirical worlds, which precluded a convincing grounding of the unity of action.

Some of these classical objections to Kant are, of course, more valuable than others but, on the whole, they are inspired by the same motive as the question of dualism of the intelligible world and the world of sen-

² This critique is well illustrated by Habermas (1991, pp. 9-11).

ности³. Однако кантовская этическая модель до сих пор остается классическим референтом для большинства современных моральных теорий, центрированных вокруг идеи универсализма. Многие современные последователи Канта — такие как, например, Р. Хэар (Hare, 1963; 1981), М. Сингер (Singer, 1971), Ю. Хабермас (Habermas, 1991), Дж. Ролз (Rawls, 1971) — видят его преимущество в безоговорочном требовании беспристрастности и обобщении как условий справедливого морального суждения. При этом принцип обобщения упускает из виду существенный мотив кантианской мысли — мотив универсалистской ориентации морали и ее принцип автономии воли, который ставит в более широком плане проблему единства воли⁴. Напротив, авто-

³ Категорический императив, согласно Канту, «касается не материи действия и не того, что из него должно последовать, но формы и принципа, из которого оно само следует; существенно-добрым в этом действии будет умонастроение, исход же может быть каким угодно» (AA 04, S. 416; Кант, 1997а, с. 129). «Но так как *умопостигаемый мир содержит основание чувственного мира, следовательно, основание также и его законов* и, таким образом, в отношении к моей воле (принадлежащей всецело к умопостигаемому миру) является непосредственно законодательствующим и, следовательно, как такой и должен быть мыслим, то я должен буду признать себя в качестве интеллигенции, хотя, с другой стороны, я и принадлежу чувственному миру, подчиненным тем не менее закону первого мира, т.е. закону разума, содержащего в идее свободы закон последней, и, следовательно, подчиненным автономии воли; таким образом, я должен буду рассматривать законы умопостигаемого мира как императивы для меня, а согласные с этим принципом действия — как обязанности» (AA 04, S. 453–454; Кант, 1997а, с. 243–245).

⁴ В частности, Отфрид Хёффе упрекал современных ему интерпретаторов Канта в сведении категорического императива к универсализируемости любых описательных суждений (Хэар) или к обобщению (Сингер). По его мнению, эти интерпретации противоречат первоначальным гипотезам немецкого мыслителя, поскольку имеют своей целью эмпирическое знание, неизбежно контекстуализируя всякое моральное суждение вместо установления чисто рационального принципа действия, свободного от каких-либо его эмпирических коннотаций, и размывая тем самым границы между собственно моральными аргументами и прагматикой действия (Höffe, 1985, p. 107–108), в результате чего происходит сведение категорического императива к универсализму правила. Недостаток позиции Хэара, в частности, видится в том, что он пытался примирить принцип универсализации и с утилитар-

sible reality³. And yet Kant's ethical model is still the classical reference point of the majority of modern moral theories which are informed with the idea of universalism. Many modern followers of Kant, such as Richard Mervyn Hare (1963; 1981), Marcus George Singer (1971), Jürgen Habermas (1991) and John Rawls (1971), credit him with his unconditional requirement of impartiality and generalisation as pre-conditions of a fair moral judgment. However, the principle of generalisation leaves out of sight one essential Kantian motive, viz. the motive of the universalist orientation of morality and its principle of autonomous will which puts the problem of the unity of wills in a broader perspective⁴. In con-

³ The categorical imperative, according to Kant, "concerns not the matter of the action or what is to result from it, but the forms and the principle from which it does itself follow; and the essential good in it consists in the disposition, let the result be what it may (GMS, AA 04, p. 416; Kant, 2011, p. 61). "But since *the world of understanding contains the ground of the world of sense, and hence also of its laws*, and thus is immediately legislating with regard to my will (which belongs wholly to the world of understanding) and thus must also be thought as such, I shall cognize myself as an intelligence, though on the other side as a being belonging to the world of sense, as still subject to the law of the former — i.e. the world of reason, which contains its law in the idea of freedom — and thus to the autonomy of the will; and must consequently view the laws of the world of understanding as imperatives for me, and actions that conform with this principle as duties" (GMS, AA 04, pp. 453-454; Kant, 2011, pp. 135-137).

⁴ For example, Otfried Höffe reproached contemporary interpreters of Kant with reducing the categorical imperative to universalisability of any descriptive judgments (Hare) or to generalisation (Singer). In his opinion, these interpretations run counter to Kant's initial hypotheses inasmuch as they set empirical knowledge as their goal, thus inevitably contextualising any moral judgment instead of establishing a purely rational principle of action, free from any empirical connotations it may carry, and thus effacing the boundaries between moral arguments proper and the pragmatics of action (Höffe, 1983, pp. 107-108); as a result of this the categorical imperative is reduced to universalism of the rule. One shortcoming of Hare's position is arguably his attempt to reconcile the principle of universal-

ры монографии, посвятившие написанные ими разделы разбору положений кантовской этики, акцентируют внимание на «факте разума» (*Faktum der Vernunft*) как фундаментальном основании, с которым связывал Кант авторитетность самого морального принципа.

Так, в главе «Становление понятия универсальности» О. В. Артемьева емко и ясно раскрывает сущность и место универсальности в философии немецкого философа (Универсальность..., 2020, с. 54–85; далее в круглых скобках указываются номера страниц по этому изданию), а Р. Г. Апресян в главе «Принцип универсальности в моральной философии Иммануила Канта» (с. 86–123) подробно анализирует две версии морального закона – в его классической формулировке «Поступай только по такой максиме, относительно которой ты в то же время можешь желать, чтоб она стала всеобщим законом» (с. 87; ср.: AA 04, S. 421; Кант, 1997а, с. 143) и в модифицированной самим Кантом его форме «Поступай так, как если бы максима твоего поведения по твоей воле должна была стать всеобщим законом природы» (с. 87; ср.: AA 04, S. 421; Кант, 1997а, с. 145). В первой версии отражена суть кантовского категорического императива, согласно которому максима поступка как субъективный принцип действия должна быть сообразна со всеобщим законом, который, в отличие от максимы, не ограничен никаким условием, что и делает его универсальным. А во второй версии запечатлена связь между сверхчувственными моральными идеями и чувственно воспринимаемым миром, в котором совершаются конкретные поступки, принадлежащие, соответственно, природе, а значит, они должны соотноситься с определенным порядком вещей благодаря присущей человеку способности воображения.

ризмом действия, и с утилитаризмом правила, полагая малосущественными расхождения между ними (Hare, 1963, p. 130–136). В этом смысле значительно более убедительной кажется позиция Сингера, считавшего, что правило обобщения не позволяет на самом деле оценивать принцип универсализации с утилитаристских позиций (Singer, 1971, p. 203, 206–207).

trast, the contributors to the monograph who analyse the provisions of Kantian ethics stress “the fact of reason” (*Faktum der Vernunft*) as the fundamental source of the authority of the moral principle itself.

Thus, Olga Artemieva in the chapter “Emergence of the Concept of Universality” pinpoints the essence and place of universality in Kant’s philosophy (Apressyan, 2020, pp. 54–85; here and elsewhere the page numbers refer to this edition), and Ruben Apressyan in the chapter “The Principle of Universality in Immanuel Kant’s Moral Philosophy” (pp. 86–123) unpicks two versions of the moral law, in its classical formulation: “act only according to that maxim through which you can at the same time will that it become a universal law” (p. 87; cf. *GMS*, AA 04, p. 421; Kant, 2011, p. 71) and in Kant’s own rewording of it as “act as if the maxim of your action were to become by your will a UNIVERSAL LAW OF NATURE” (*ibid.*). The former version reflects the essence of Kant’s categorical imperative whereby the maxim of an act as the subjective principle of action should be congruent with the universal law which, unlike the maxim, is not limited by any conditions, which in fact makes it universal. The latter version expresses the link between the supra-sensible moral ideas and the sensibly perceived world in which concrete acts are performed belonging to nature and hence related to a certain order of things thanks to the human’s inherent faculty of imagination. This capacity enables the human being to constantly check his subjective maxims for compliance

isation both with the utilitarianism of action and the utilitarianism of the rule, dismissing the differences between the two as inessential (Hare, 1963, pp. 130–136). From that point of view, Singer’s position is much more convincing since he argued that the rule of generalisation makes it impossible to assess the principle of universalisation in utilitarian terms (Singer, 1971, pp. 203, 206–207).

Эта способность позволяет человеку постоянно проверять в ходе мыслительного эксперимента свои субъективные максимы на соответствие моральному закону (с. 88, ср.: AA 04, S. 421; Кант, 1997а, с. 145), что является «правилом способности суждения» (AA 04, S. 69; Кант, 1997б, с. 457). И здесь возникают два важных взаимосвязанных вопроса: 1) чем категорический императив как «всеобщий закон» субстанциально и функционально отличается от «всеобщего закона природы» и 2) что при тестировании максимы на универсальность дает ее соотношение с тем и другим видом закона.

Что касается первого вопроса, то, как отмечает Апресян, в силу непроясненности этого обстоятельства — различия между «всеобщим законом» и «всеобщим законом природы» — у самого Канта его исследователи часто вообще оставляют это различие без внимания или видят в «законе природы» частный случай универсального закона без какого-либо самостоятельного содержания (А.П. Скрипник). Апресян со ссылкой на исследования А.К. Судакова справедливо обращает внимание и на то, что в сопоставлении всеобщего закона с законом природы первый получает коррелят в опыте действия и обоснование объективности закона как такового (с. 94). Однако такая амбивалентность в трактовке принципа универсальности у самого Канта кажется нам вовсе не случайной и не исчерпывается приведенными выше значениями.

Как известно, последней целью природы, согласно Канту, является культура (что более четко выразил позже Шеллинг в своем понимании «второй природы»⁵ как правового по-

⁵ Шеллинг пишет: «Над первой природой должна быть как бы воздвигнута вторая, и высшая, в которой господствует закон природы, но совсем иной, чем в зримой природе, а именно закон, необходимый для свободы. Неуклонно и со столь же железной необходимостью, с которой в чувственной природе за причиной следует действие, в этой второй природе за посягательством на свободу другого мгновенно должно возникать препятствие эгоистическому влечению. Таким описанным здесь законом природы является правовой закон, вторая же природа, в которой этот закон господствует, — правовой строй, дедуци-

with the moral law in the course of thought experiment (p. 88; cf. GMS, AA 04, p. 421; Kant, 2011, p. 71), which is “the rule of power of judgment” (KpV, AA 05, p. 69; Kant, 2002, p. 91). At this point, two important interconnected questions arise: How does the categorical imperative as “the universal law” differ substantially and functionally from “the universal law of nature?” And secondly: What is revealed when the maxim is checked for universality by relating it to one or the other version of the law?

As for the first question, as Апресян notes, because Kant himself is unclear about the difference between the “universal law” and “the universal law of nature”, Kant scholars often ignore the difference or see “the law of nature” as a particular case of “the universal law” that has no independent content (Anatoly Skripnik). Апресян, citing Andrey Sudakov, appropriately draws attention to the fact that in the relation between the general law and the law of nature the former correlates with the experience of action and is grounded in the objectivity of the law as such (p. 94). However, the ambivalence in Kant’s treatment of the principle of universality is arguably not accidental and is not limited to the above meanings.

According to Kant, of course, the ultimate goal of nature is culture (the idea that would be more clearly expressed later by Schelling in his notion of “second nature”⁵ as legal or-

⁵ Schelling writes: “A second and higher nature must, as it were, be set up over the first, governed by a natural law quite different, however, from that which prevails in visible nature, namely a natural law on behalf of freedom. As inexorably, and with the same iron necessity whereby effect follows cause in sensible nature, an attack upon the freedom of another must be succeeded, in this second nature, by an instantaneous counter to the self-interested drive. A law of nature such as that just depicted is to be found in the rule of law, and the second nature in which its authority prevails is the

рядка). Вместе с тем Кант видит в свободе целевую причину человеческих действий и поступков, при этом свою философскую конструкцию он изначально выстраивает на размежевании природы и свободы, считая природу слепой и совершенно безразличной к целям человеческого существования, основанной на лишенной смысла необходимости. Однако особенность человеческих существ, по сравнению с другими живыми организмами, состоит не только в их способности приспосабливаться к окружающей действительности, но и в желании и умении приспособлять эту действительность под себя, действуя как свободное существо, способное положить цель своему существованию: «Обретение разумным существом способности ставить любые цели вообще (значит, в его свободе) — это *культура*» (AA 05, S. 431; Кант, 2001, с. 701). Отсюда и прагматическая антропология Канта, которой он отдает на откуп эмпирическое учение о целях, ибо все, что создает человек, связано не только с его разумной, но и с его естественной природой. Будучи в связи с этим под большим впечатлением от учения Ж.-Ж. Руссо о нравственном чувстве, Кант признает, что в реальной жизни люди, к сожалению, руководствуются не категорическим императивом и не моральным долгом, а чувственно обусловленными побуждениями и мотивами. Однако в отличие от вымышленного «естественного человека» Руссо, у которого французский мыслитель обнаруживает зачатки нравственного сознания, Кант изначально имеет дело с действительным «ци-

рованный поэтому в качестве условия продолжающегося сознания» (Шеллинг, 1987, с. 447). Иначе говоря, возникновение правового порядка — следствие естественного хода вещей, и хотя он создан руками человека, при правильном его функционировании далее действует в соответствии со своими собственными законами. Но то, что служит защите права, не должно зависеть от случая или от партикулярного интереса, и потому для самого Шеллинга все упирается в проблему обоснования тождества между свободой в качестве произвола и объективным законом (Там же, с. 451). Кант как раз и дал ответ на этот вопрос в своем учении о всеобщем законе.

der). At the same time Kant sees freedom as the goal and cause of human acts, his philosophical structure being based from the start on the differentiation between nature and freedom, considering nature to be blind and totally indifferent to the goals of human existence based on meaningless necessity. However, unlike other living creatures, human beings are not only capable of adapting themselves to their environment, but are willing and able to adapt the environment to themselves, acting as free beings capable of setting the goal of their existence: “The production of the aptitude of a rational being for any ends in general (thus those of his freedom) is culture” (KU, AA 05, p. 431; Kant, 2000, p. 299). Hence Kant’s pragmatic anthropology to which he cedes the empirical teaching on goals since everything man creates stems not only from his intelligence, but also from his nature. Impressed in this connection by Rousseau’s teaching on the moral feeling, Kant concedes that, unfortunately, humans are guided not by the categorical imperative and not by moral duty, but by sensibly conditioned impulses and motives. However, as distinct from Rousseau’s imagined “natural man” in whom the French thinker finds the beginnings of moral consciousness, Kant proceeds from the actual “civilised” human being, assuming that only such a human being may in principle need the moral law. With Rousseau, the natural state of the human lay in a carefree happy life, where-

legal system, which is thereby deduced as a condition of the continuance of consciousness” (Schelling, 2001, p. 195). In other words, the emergence of the legal order is the consequence of the natural course of things and, although it is man-made, if it functions correctly, it acts thereafter in accordance with its own laws. But what serves to protect law must not depend on chance or a particular interest, so that for Schelling everything hinges on the problem of grounding the identity between freedom as arbitrariness and the objective law (*ibid.*, p. 195). Kant answers this question in his teaching on the universal law.

вильзованным» человеком, полагая, что только для такого человека в принципе возможно обосновать необходимость нравственного закона.

У Руссо естественное состояние человека предполагало его безмятежную счастливую жизнь, тогда как, согласно Канту, само по себе счастье инстинктивно, то есть укоренено в физической природе, а значит, пребывая в состоянии безмятежности и удовольствия, «естественный человек» еще не является разумным по необходимости. Счастье как гармония человека с природой, утраченная, согласно Руссо, в результате «пробуждения разума» и упоения человека свободой, привело к появлению культурной истории человечества, прогресс в развитии которой способствовал регрессу нравов. Руссо вводит в научный оборот понятие *perfectibilité* как «основополагающую неопределенность быть человеком», исключительную человеческую «привилегию создавать свою собственную природу» (Dévédec, 2015, p. 30). Эта способность к совершенствованию, согласно Руссо, есть условие его свободы, природное качество человека (Виноградова, Углева, 2019, с. 116–117).

Кант развивает эту руссоистскую интуицию, видя в способности к самосовершенствованию основную моральную ценность для человека: благодаря этой способности не оставаться во власти естественной природной необходимости только человеку дана возможность встать на путь индивидуальной истории (благодаря воспитанию) и общественной истории (посредством политики)⁶. В связи с этим не случайно Кант ищет возможности для оправдания культуры, развитие которой, по его

⁶ Такая концепция человека не могла не привести как Руссо, так и Канта в тому, чтобы в несколько иной терминологии обсуждать проблему, которую сегодня именуют расизмом. Если человек проявляется в его способности к самосовершенствованию, то есть сам творит свое Я, и самосовершенствование есть отрицание природы, то есть историчность, которая состоит в отказе от определяющего воздействия естественной причинности, то как именно сегодня возможно мыслить примитивные сообщества?

as for Kant happiness is inherently instinctive, i.e. rooted in physical nature; hence, being in a state of insouciance and pleasure, “the natural man” is not yet reasonable of necessity. Happiness as the human being’s harmony with nature, which according to Rousseau was lost due to the “awakening of reason” and the human’s discovery of freedom, led to the emergence of humanity’s cultural history whose progress was accompanied by a regress of morals. Rousseau introduces the term *perfectibilité* as “the basic uncertainty of being a man”, an exclusively human “privilege of creating his own nature” (Dévédec, 2015, p. 30). This capacity for improvement, according to Rousseau, is the precondition of his freedom, an in-born quality of the human being (Vinogradova and Ugleva, 2019, pp. 116-117).

Kant elaborates this Rousseauist intuition regarding the capacity for self-improvement as the basic human moral value: thanks to this capacity not to be under the dominion of natural necessity the human being alone is capable of embarking on the path of individual history (through education) and social history (politics)⁶. It is no accident that Kant seeks to justify culture whose development alone, he is convinced, enables a person to implement the fundamental goal of the human race: “All of a creature’s natural predispositions are destined eventually to develop fully and in accordance with their purpose” (*IaG*, AA 08, p. 18; Kant, 2006, p. 4), but “In the human being (as the only rational creature on earth), those natural predispositions aimed at the use of its reason

⁶ Such a concept of man could not but lead Rousseau, and Kant, to discuss, albeit in a somewhat different terminology, the problem that is today referred to as racism. If the human being is endowed with the capacity for self-improvement, i.e. creates his Ego, and self-improvement is a negation of nature, i.e. historicity, which consists in denying the determining natural causality, how can primitive communities be thought of today?

убеждению, только и способно привести к реализации этой основополагающей цели человеческого рода: «Все природные задатки [сотворенного] существа предназначены к тому, чтобы когда-нибудь полно и целесообразно развиваться» (AA 08, S. 18; Кант, 1994а, с. 85), но «у человека (как единственного разумного существа на земле) те природные задатки, которые направлены на применение его разума, должны развиваться полностью только в роде, но не в индивидуе» (AA 08, S. 19; Кант, 1994а, с. 85), «человеческий род должен своими усилиями постепенно, из самого себя, вырабатывать все свойства, присущие человеческой природе» (AA 09, S. 442; Кант, 1994б, с. 399), и «каждое поколение, обладая знаниями предыдущего, может все более и более осуществлять такое воспитание, которое пропорционально и целесообразно развивает все природные способности человека и таким путем ведет весь род человеческий к его назначению. Провидению было угодно, чтобы человек воспроизводил добро из самого себя...» (AA 09, S. 446; Кант, 1994б, с. 404). Природа дала человеку способности, необходимые для самосовершенствования, но требует от него развития этих задатков из поколения в поколение: «Кажется, что природа заботилась не о том, чтобы человек хорошо жил, а о том, чтобы вследствие глубокого преобразования самого себя, благодаря своему поведению он стал достоин жизни и благополучия» (AA 08, S. 20; Кант, 1994а, с. 89). Человеку тем самым вменяется в обязанность развитие собственных способностей и, в случае соприкосновения со злом, развитие в себе нравственных качеств: «Обеспечить себе свое собственное блаженство есть долг (по крайней мере, косвенно), так как недовольство своим положением среди массы забот и неудовлетворенных потребностей могло бы легко сделаться сильным искушением к нарушению обязанностей» (AA 04, S. 399; Кант, 1997а, с. 77).

Таким образом, счастье «естественного человека» не может быть последней целью природы — таковой является, согласно Канту, куль-

are to be developed in full only in the species, but not in the individual" (*IaG*, AA 08, p. 19; Kant, 2006, p. 5), "the human species is supposed to bring out, little by little, humanity's entire natural predisposition by means of its own effort" (*Päd*, AA 09, p. 442; Kant, 2007, p. 437), and "Each generation, provided with the knowledge of the preceding ones, is ever more able to bring about an education which develops all of the human being's natural predispositions proportionally and purposively, thus leading the whole human species towards its vocation. — Providence has willed that the human being shall bring forth by himself [...]" (*Päd*, AA 09, p. 446; Kant, 2007, p. 441). Nature has endowed man with the abilities necessary for self-improvement, but it demands that he develop these predispositions across generations: "It seems, however, that nature was not at all concerned that human beings live well, but rather that they work themselves far enough ahead to become, through their behavior, worthy of life and of well-being" (*IaG*, AA 08, p. 20; Kant, 2006, p. 6). Thus the human being is obligated to develop his capacities and, when confronted with evil, to develop his moral virtues: "To secure one's own happiness is one's duty (at least indirectly; for lack of contentment with one's condition, in the trouble of many worries and amidst unsatisfied needs, could easily become a great *temptation to transgress one's duties*)" (*GMS*, AA 04, p. 399; Kant, 1998, p. 27).

Thus, happiness of the "natural man" cannot be the ultimate goal of nature, the ultimate goal, according to Kant, is culture: "Only culture can be the ultimate end that one has cause to ascribe to nature in regard to the human species (not its own earthly happiness or even merely being the foremost instrument for establishing order and consensus in

тура: «...только культура может быть последней целью, которую мы имеем основание приписать природе в отношении человеческого рода (а не его собственное блаженство на Земле и не [его способность] быть главным орудием для достижения порядка и согласия в лишенной разума природе вне его)» (AA 05, S. 431; Кант, 2001, с. 701). При этом природа как будто выталкивает человека из-под собственного тотального влияния, намекая ему на необходимость развития чего-то, что этому освобождению должно способствовать: «Средство, которым пользуется природа, чтобы обеспечить развитие всех задатков людей, есть **антагонизм** между ними в обществе, поскольку он в конце концов становится причиной их законосообразного порядка» (AA 08, S. 20; Кант, 1994а, с. 91). Живя в сообществе людей, человек не только стремится к общению, но и нуждается в уединении, что нередко приводит к противостоянию между людьми, поскольку в уединении человеку свойственно думать самостоятельно, а не категориями коллективного разума. Кроме того, человек заинтересован в удовлетворении прежде всего собственного эгоистичного интереса. Так возникает «необщительная общительность людей» (Там же), говоря словами Канта, вследствие которой человеку приходится напрягать все свои силы, как умственные, так и физические, развивая свои природные задатки с целью подтвердить свою внутреннюю ценность, то есть достоинство, и вступить в коммуникацию с себе подобными, несмотря на постоянное взаимное сопротивление. «Отсюда начинаются первые истинные шаги от грубости к культуре, которая, собственно, состоит в общественной ценности человека» (AA 08, S. 21; Кант, 1994а, с. 93). Таким образом, культура возникает и как следствие общественного антагонизма, и как развитие природы, являя собой по сути результат столкновения различных волей.

Общество становится ареной не для всеобщего счастья, а для развития природных задат-

irrational nature outside him)» (KU, AA 05, p. 431; Kant, 2000, p. 299). Nature seems to be pushing the human being from under its own total influence, nudging him to develop something that would contribute to such liberation: “The means that nature employs in order to bring about the development of all of the predispositions of humans is their antagonism in society, insofar as this antagonism ultimately becomes the cause of a law-governed organization of society” (IaG, AA 08, p. 20; Kant, 2006, p. 6). Living in the community, the human being does not only seek communication, but also needs solitude, which often leads to confrontation between people because in solitude the individual tends to think independently and not in the categories of the collective reason, and the human being seeks first and foremost to meet his selfish interest. This gives rise to “unsociable sociability of human beings” (*ibid.*), to use Kant’s words, due to which the human being has to exert all of his mental and physical powers to develop his natural predispositions in order to confirm his inner worth, i.e. dignity, and enter into communication with his like in spite of constant mutual resistance. “Here the first true steps are taken from brutishness to culture, which consists, actually, in the social worth of human beings” (IaG, AA 08, p. 21; Kant, 2006, p. 7). Thus culture emerges both as a consequence of social antagonism and as the development of nature, being essentially the result of a clash of different wills.

Society becomes an arena not of general happiness, but of the development of the human being’s predispositions through culture which is the main end of nature, in the course of which people seek possibilities for reconciliation. Hence

ков человека в культуре как главной цели природы, в ходе которого люди ищут возможности для примирения, отсюда и

*Величайшая проблема для человеческого рода, разрешить которую вынуждает его природа, — достижение правового **гражданского общества**. ...Лишь в этом обществе может быть осуществлен высший замысел природы — развитие всех природных задатков, вложенных в человечество. Так как общество, в котором *свобода при ее подчинении внешним законам* в наибольшей степени связана с необоримой властью, каково *совершенно справедливое гражданское устройство*, то [такое общество] должно быть высшей целью природы для человеческого рода, ибо природа может достичь остальных своих целей для нашего рода только посредством разрешения и исполнения этой задачи (AA 08, S. 22; Кант, 1994а, с. 95).*

Возвращаясь к вопросу о соотношении между «всеобщим законом» и «всеобщим законом природы», можно сделать вывод, что между ними нет и не может быть противоречия, но они и не тождественны друг другу. «Всеобщий закон природы» с необходимостью предполагает развитие «цивилизованного» человека в культуре, и только при условии достижения автономного цивилизованного состояния человек сможет осознанно следовать «всеобщему закону». Закон природы не является и частным случаем всеобщего закона, между ними нет никакого соподчинения, поскольку они свидетельствуют о порядке вещей в разных мирах — соответственно, ноуменальном и феноменальном. Родство двух законов заключается в том, что они действуют, требуя подчинения. Скажем, совершенно добрая воля (божественная воля) не нуждается ни в каких императивах, принуждающих ее к законосообразным поступкам. Как пишет Кант, «*долженствование* здесь неуместно, так как воление уже само по себе необходимо согласуется с законом» (AA 04, S. 414; Кант, 1997а, с. 121 — 123). Иначе говоря,

*The greatest problem for the human species to which nature compels it to seek a solution is the achievement of a **civil society** which administers right universally. [...] only in society, and more precisely, in a society that possesses the greatest degree of freedom, hence one in which its members continually struggle with each other and yet in which the limits of this freedom are specified and secured in the most exact manner, so that such freedom of each is consistent with that of others. Nature also wills that humankind attain this, like all the ends of its vocation, by its own efforts. Thus a society in which freedom under external laws is connected to the highest possible degree with irresistible power, that is, a perfectly just civil constitution, must be the highest goal of nature for the human species, since it is only by solving and completing this task that nature can attain its other goals for humankind (IaG, AA 08, p. 22; Kant, 2006, p. 8).*

Going back the question of the relation between “universal law” and “universal law of nature,” we can conclude that there is no contradiction (and can never be) between them, but neither are they identical. The “universal law of nature” presupposes the development of the “civilised” man within culture, and man can consciously follow the “universal law” only after achieving an autonomous civilised state. The law of nature is not a particular case of the universal law, there is no subordination relationship between them because they witness to the order of things in different worlds, the noumenal and phenomenal respectively. The relationship between them consists in the fact that they act demanding subordination. For example, the completely good will (divine will) does not need any imperatives that force it to act in accordance with the law. As Kant writes, “here the *ought* is out of place, because *willing* already of itself necessarily agrees with the law” (GMS, AA 04, p. 414; Kant, 2011, p. 57). In

оба закона — и «всеобщий закон» и «всеобщий закон природы» — имеют отношение лишь к несовершенству воли разумного существа.

Тест на универсализацию как условие согласия

Требование Канта относиться к другому всегда как к «цели» (AA 04, S. 428; Кант, 1997а, с. 165) предполагает, что всякое рациональное существо должно действовать, как предписано, и через это предписание иметь доступ ко всему сообществу своих *alter ego*. Нравственный мотив эксплицитно содержится в этом утверждении, тогда как всеобщее усматривается в перспективе морального поступка (царство целей) и в методе, посредством которого субъект формулирует для себя максимум поведения, видя цель не только в себе самом, но и в другом как себе подобном разумном существе. Отсылка в первой формулировке категорического императива «Поступай только по такой максиме, относительно которой ты в то же время можешь желать, чтобы она стала всеобщим законом» (AA 04, S. 421; Кант, 1997а, с. 143) к регулятивной идее «всеобщего закона» предполагает объективное согласие морально добрых волей: все они подчиняются закону практического разума, децентрализованного по отношению к обобщенному Другому. Однако это не подразумевает intersубъективности такого согласия. Всеобщее, присущее общей системе идеально реализованных в мире целей, понимается скорее монадологически, как соглашение, которое объективно и необходимо вытекает из монадологического допущения моральных максим. Автономия воли каждого есть «основание достоинства человеческой и всякой разумной природы» (AA 04, S. 436; Кант, 1997а, с. 191).

В содержании формулируемой им самим максимы поведения субъект запечатлевает свое понимание всеобщности закона, причем его воля, как пишет Кант, «стоит как бы на распу-

other words, both laws — the “universal law” and the “universal law of nature” — have to do with the imperfect will of the thinking creature.

Test for Universalisation as Condition of Consent

Kant’s demand of treating the Other as the “end” (GMS, AA 04, p. 428; Kant, 2011, p. 85) presupposes that any rational being should act as prescribed and through this prescription have access to the whole community of his *alter egos*. The moral motive is explicitly stated in this proposition, while the universal is implied in the perspective of a moral act (the kingdom of ends) and in the method by which the subject formulates for himself the behaviour maxim, seeing the end not only in himself, but also in the reasonable Other who is like himself. The reference, in the first wording of the categorical imperative: “act only according to that maxim through which you can at the same time will that it become a universal law” (GMS, AA 04, p. 421; Kant, 2011, p. 71) to the regulative idea of the “universal law” assumes an objective consent of morally good wills: they all obey the law of practical reason decentralised with regard to the generalised *Other*. However, this does not imply inter-subjectivity of such consent. The universal, which is inherent in the universal system of ideally realised ends, is seen rather in terms of monads, as a compact which flows objectively and necessarily from the monadological assumption of moral maxims. The autonomy of each individual will is “the ground of the dignity of a human and of every rational nature” (GMS, AA 04, p. 436; Kant, 2011, p. 101).

The subject formulates his behaviour maxim that reflects his awareness of the universality of the law, whereas the will, according to Kant, “stands halfway between its a priori

тви между своим принципом a priori, который формален, и своим мотивом a posteriori, который материален, и так как она должна все-таки чем-нибудь определяться, то, если действие совершается по долгу, ее должен определить формальный принцип воления вообще, ибо всякий материальный принцип у нее отнят» (AA 04, S. 400; Кант, 1997а, с. 79–81). Таким образом, по Канту, только объективный всеобщий закон может определять волю, а максима есть «субъективно чистое уважение» к этому закону. Поскольку невозможно его испытывать к объекту воли как к результату поступка, уважение может снискать только само действие воли. Вместе с тем природа и есть царство целей — такова телеология Канта. Царство целей есть теоретическая идея для объяснения того, что есть, но вместе с тем оно есть практическая идея для того, что может быть реализовано подобно этой идее (AA 04, S. 436 Anm.; Кант, 1997а, с. 193, примеч.). Возможность различных интерпретаций этой идеи Канта оставляет пространство для критики его формализма и возможности вывести из его абстрактных понятий более практические следствия.

Так, в некоторых «философиях сознания», выработанных после прагматического поворота в философии языка, стала довольно распространенной категория «семантической универсалии», а в философии Ч. Пирса, К. Поппера, Х. Альберта, К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса — «прагматической универсалии». И если, к примеру, переформулировать на манер кантовской максимы долга принцип «фаллибилизма» Поппера, он мог бы выглядеть так: «Сформулируйте свое утверждение таким образом, чтобы его притязание на истинность всегда могло быть подвержено проверке путем его опровержения с помощью контрпримеров». Или так: «Всегда рассматривай Другого не как своего противника, а как лицо, пассивно внимающее высказываемым тобой мнениям, или как потенциального их критика».

principle, which is formal, and its a posteriori incentive, which is material, as it were at a crossroads, and since it must after all be determined by something, it will have to be determined by the formal principle of willing as such when an action is done from duty, as every material principle has been taken away from it” (GMS, AA 04, p. 400; Kant, 2011, p. 29). Thus, according to Kant, only the objective universal law can determine the will, while the maxim is “subjectively pure respect” for this law. Because it is impossible to experience respect for the object of the will as the result of an act the very action of the will alone can earn respect. At the same time, nature is the “kingdom of ends” — in Kant’s teleology. The “kingdom of ends” is a theoretical idea to explain what is, but at the same time is a practical idea of what can be realised in conformity with this idea (GMS, AA 04, p. 436n; Kant, 2011, p. 101n). The fact that this Kantian idea lends itself to various interpretations leaves space for criticising its formalism and for deriving more practical consequences from his abstract concepts.

Thus, the category of “semantic universals” became widespread in some “philosophies of conscience”, worked out after the pragmatic turn in the philosophy of language, and the category of “universal pragmatics” was widely used in the philosophy of Charles Pierce, Karl Popper, Jones Albert, Karl-Otto Apel and Jürgen Habermas. If, for example, we rephrase Popper’s fallibilism principle in terms of the Kantian duty maxim it would look like this: “Formulate your proposition in such a way that its claim to be true could always be verified by refuting it through counter arguments.” Or else: “Always consider the Other not as an opponent, but as a person passively listening to your opinions, or as their potential critic.”

В том же духе Ю. Хабермас разработал принципы дискурсивной этики, которые филигранно прописаны А. Т. Юнусовым в разделе «Универсальность и универсализация в моральной теории Юргена Хабермаса» (с. 199–227). Ключевая идея Хабермаса в отношении моральной универсальности видится ему в том, что то, что сам Хабермас обычно называет «принципом универсализации», на самом деле представляет собой «принцип универсализируемости», то есть проверки нормы, во-первых, на возможность ее универсального соблюдения и, во-вторых, на выражение ею универсального интереса (с. 220). При этом заинтересованному лицу не предписана никакая цель, необходимая для удостоверения в том, что его действие на самом деле способствует достижению общей цели практического разума — всегда согласовывать свое действие со всеобщим законом в царстве разумных целей. Обычно человек, согласно Хабермасу, довольствуется экспликацией моральной точки зрения для признания валидности той или иной нормы. Но далее А. Т. Юнусов утверждает, что у Хабермаса не находится места «прагматическому» применению практического разума, но только «этическому» и «моральному» (с. 222). Однако это суждение представляется мне весьма спорным.

«Прагматическая универсалия» в этике дискурса Хабермаса

«Прагматическая универсалия» предстает у Хабермаса на самом деле своеобразным горизонтом дискуссии, поскольку в его концепции ведущая роль принадлежит логическому аргументу, который в то же самое время может иметь практическую силу интереса, обосновывающего этот аргумент. Таким образом, у Хабермаса осуществляется переход к процедурной этике. Она не императивна по своему стилю, в отличие от классической этики, поскольку в ней идет речь не о предписании нормы для правильного поступка, а скорее о выработ-

In the same vein, Habermas developed the principles of discursive ethics, which have been described in a filigree fashion by Artem Yunusov in the chapter “Universality and universalization in the moral theory of Jurgen Habermas” (pp. 199-227). He believes that Habermas’s key idea concerning moral universality is that what Habermas himself usually calls “the principle of universalisation” is in reality “the principle of universalisability,” i.e. checking whether the norm, first, can be universally observed and second, that it expresses universal interest (p. 220). The interested person is not provided with any goal necessary to ascertain that his action does indeed contribute toward achieving the common goal of practical reason: always to co-ordinate one’s act with the universal law in the “kingdom of reasonable ends”. Usually, according to Habermas, a person is content with the explication of the moral point of view to recognise this or that norm as valid. But Yunusov goes further to claim that Habermas leaves no room for a “pragmatic” application of practical reason, but only allows room for “ethical” and “moral” application (p. 222). However, I consider this proposition to be debatable, to say the least.

The “Pragmatic Universal” in Habermas’s Ethics of Discourse

“The pragmatic universal” as presented by Habermas is in fact a horizon of discussion, since his concept hinges on the logical argument which, at the same time, can have the practical force of interest which grounds this argument. Thus Habermas switches to procedural ethics. It is not imperative in style, unlike classical ethics, because it does not prescribe the norm for a correct act, but rather frames the point of view concerning the normative validity of certain rules of action. The guiding princi-

ке точки зрения по поводу нормативной обоснованности тех или иных правил действия. В процедурной этике больше не добрая воля является руководящим принципом действия, но предпосылки возможного согласия, а точкой отсчета — не категорический императив, но процедура моральной аргументации.

Такой подход позволяет определить позицию Хабермаса как антидецизионистскую, придающую особое значение дискурсивным элементам рациональных операций, игнорируемых, например, в императивных выражениях вроде «Я должен...». Признавая первенство разума в достижении истинного знания, в том числе знания морального, Хабермас именно в разуме видит законодателя и утверждает, что любое сомнение в этом есть предательство разума.

Разумная природа человека требует решения (*Entscheidung*), понимание которого у Хабермаса несколько отлично от шмиттовского, но очень похоже на гегелевское *Entschluß*, что соответствует моменту решимости к действию⁷. И к этому моменту нельзя подойти ни диалектически, ни дискурсивно. По словам Гегеля, «истинное же... есть огромное перемещение внутреннего во внешнее, встроение разума в реальность, над чем трудилась вся всемирная история и благодаря чему образованное человечество обрело действительность и сознание разумного существования, государственных учреждений и законов» (Гегель, 1990, с. 297). Так и вхождение в «коммуникативное сообщество», по Хабермасу и Апелю, требует индивидуально сделанного первого проспективного шага и не предполагает еще никаких аргументативных процедур. Условия возможной нравственности оба философа обнаруживают только в интерсубъективной прагматической язы-

⁷ «...Предполагается, что чистое знание есть результат конечного знания, сознания. Но если не делать никакого предположения (*keine Voraussetzung*), а само начало брать непосредственно (*unmittelbar genommen werden*), то начало будет определяться только тем, что оно есть начало логики, мышления для себя. Имеется лишь решение (*Entschluß*), которое можно рассматривать и как произвол (*Willkür*), а именно решение рассматривать мышление как таковое» (Гегель, 1997, с. 57).

ple of action in procedural ethics is not so much good will, as prerequisites of possible agreement; the reference point is not the categorical imperative, but the procedure of moral argumentation.

This approach warrants describing Habermas's position as "anti-decisionist"; this attaches special attention to discursive elements of rational operations which are ignored, for example, in imperative expressions such as "I must...". Recognising the primacy of reason in achieving true knowledge, including moral knowledge, Habermas sees reason as the law-maker and maintains that questioning this role amounts to a betrayal of reason.

Human beings' reasonable nature demands a decision (*Entscheidung*), which Habermas invests with a slightly different meaning than Schmitt, but which is very similar to Hegel's *Entschluß*, which corresponds to resoluteness.⁷ The matter cannot be approached either dialectically or discursively. Hegel (1991, pp. 293-294) writes: "The truth, however, [...] is the momentous transition of the inner to the outer, that incorporation [*Einbildung*] of reason into reality which the whole of world history has worked to achieve. Through this work, educated humanity has actualized and become conscious of rational existence [*Dasein*], political institutions, and laws." Thus, incorporation in the "communicative community", according to Habermas and Apel, calls for a first individual prospective step and does not imply any argumentative procedures. Both philosophers see conditions of possible morality only in the inter-subjective pragmatic linguistic meta-structure which ena-

⁷ "[...] the presupposition is of a pure knowledge which is the result of finite knowledge, of consciousness. But if no presupposition is to be made, if the beginning is itself to be taken *immediately*, then the only determination of this beginning is that it is to be the beginning of logic, of thought as such. There is only present the resolve, which can also be viewed as arbitrary, of considering thinking *as such*" (Hegel, 2010, p. 48).

ковой метаструктуре, обеспечивающей субъектам возможность коммуникации⁸, то есть действия и проговаривания перед Другими своих обязательств, отвечая перед ними и перед самими собой за свои слова и поступки. Сомнительно, можно ли выстроить на подобных ненадежных основаниях какую-либо общую и даже частную дискурсивную этику. Зато можно говорить о разных видах этик — субстанциональной, формальной и процедурной, — выделенных в соответствии с тем, какое место в них занимает нормативность.

В субстанциональной этике нормативность относится к содержанию конкретного действия. В формальной этике нормативность заключена в телеолого-практическом принципе действия. В процедурной этике нормативность касается метода, следование которому ведет к справедливости. Отличие формальной этики принципов от процедурной этики дискурса кажется весьма незначительным. Так, формальная этика принципов уже предполагает определенную методологическую установку, хотя эксплицитно не определяет прагматическую процедуру, которой необходимо следовать. Процедурная этика, со своей стороны, предполагает регулятивные принципы, которые являются универсальными, однако без явного обозначения в них семантической идеи как некоего регулятора. Таким образом, различие между формальной этикой принципов и процедурной этикой дискурса не сводится к различию между семантической универсалией и прагматической универсалией. Универсальная семантика основывается на идее, придающей смысл практике, например идее «царства целей».

⁸ Именно у Канта они черпают коммуникативный идеал универсального сообщества (космополитический идеал), восходящий как своему истоку — к определению человека как *ничто*, что есть следствие показательной десубстанциализации субъекта, осуществленной критикой рациональной психологии: если всякая субстанциализация и эссенциализация субъективности представляет собой метафизическую иллюзию, это означает отказ от национальных идентичностей во имя всеобщей коммуникации, или универсализации.

bles subjects to communicate,⁸ hence to act and to articulate their duties to Others, thus answering to them and to themselves for their words and deeds. One doubts if a general or even a particular discursive ethic can be built on this shaky ground. However, we can talk about various kinds of ethics — substantive, formal and procedural — depending on the place normativity occupies in them.

In substantive ethics normativity pertains to the content of a concrete act. In formal ethics normativity is contained in the teleological-practical principle of action. In procedural ethics normativity has to do with method, which leads to justice. The difference between the formal ethics of principles and the procedural ethics of discourse appears to be slight. Thus, the formal ethics of principles already implies a certain methodological attitude although it does not explicitly define the pragmatic procedure to be followed. Procedural ethics, for its part, presupposes regulative principles which are universal but do not expressly indicate the semantic idea as a regulator. Thus, the difference between the formal ethics of principles and the procedural ethics of discourse is not confined to the difference between semantic and pragmatic universals. Universal semantics is based on an idea which lends meaning to practice, for example, the idea of “the kingdom of ends”. Universal pragmatics is part of the procedure which in a certain sense constantly “falsifies” the inter-subjective contract. However, these two aspects are anything but mutually exclusive. That is why the

⁸ They borrow from Kant the communicative ideal of a universal community (the cosmopolitan ideal) which goes back to its source, i.e. the definition of the human being as *nihil*, which is the consequence of demonstrative desubstantialisation of the subject by the critique of rational psychology: if any substantialisation and essentialisation of subjectivity is a metaphysical illusion, this means renunciation of national identities in the name of universal communication, or universalisation.

Прагматическая универсалия включена в процедуру, которая в известном смысле постоянно «фальсифицирует» интерсубъективный договор. Однако эти два аспекта ни в коем случае не исключают друг друга. Вот почему разница между формальной этикой принципов и процедурной этикой дискурса есть не что иное, как две разные версии этики универсального.

Контрактарианизм

Место, которое в этике дискурса занимают универсальность и обобщение, приобретающие значимость для морального агента не благодаря его убежденности в них, а вследствие коммуникативной связи с теми членами сообщества, которых касается эта универсальность, требует, на мой взгляд, восполнить еще одну лауну в исследовании, представленном в монографии «Универсальность в морали». За исключением некоторых пассажей про теорию справедливости Ролза в ней практически ничего не сказано об этическом аспекте теории общественного договора. Между тем этические идеи, «защитые» в это масштабное социально-политическое учение, при их четкой артикуляции могли бы существенным образом обогатить проведенное исследование, в том числе за счет анализа влияния эволюции представлений об этическом универсализме на политический универсализм.

Этическая проблематика теории общественного договора прослеживается изначально в трудах прежде всего Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо и И. Канта, каждый из которых разработал свою теорию справедливости, так или иначе восходящую к трансцендентальным началам. В развитие прежде всего кантовского подхода уже в XX в. свою версию трансцендентально-институционального подхода предложил Ролз в «Теории справедливости» (1971), снабдив разработанную им социальную и политическую теорию моральным инструментарием, получившим название «деонтологический ли-

difference between the formal ethics of principles and the procedural ethics of discourse is none other than that between two versions of universal ethics.

Contractarianism

The place universality and generalisation occupy in the ethics of discourse because they are significant not only for the moral agent who is convinced of them, but owing to the communicative link with the members of the community that are part of this universality, spells the need, in my opinion, to fill yet another lacuna in the study presented in the monograph *Universality in Morality*. With the exception of several passages on Rawls's theory of justice, it hardly says anything about the ethical aspect of the social contract theory. And yet the ethical ideas embedded in this major socio-political teaching, if clearly articulated, would make a significant addition to the study, among other things by its analysis of the impact of the evolution of ideas about ethical universalism on political universalism.

The ethical problems of the social contract theory can be traced back, above all, to the works of Hobbes, Rousseau, and Kant, each of whom worked out his own theory of justice that in one way or another goes back to transcendental principles. In the twentieth century, building on the Kantian approach, Rawls proposed his version of the transcendental-institutional approach in his *Theory of Justice*, providing his social and political theory with a moral toolkit which has come to be known as "deontological liberalism" (1971). The publication of that book triggered a wide discussion of the moral philosophy of contractarianism.

The ethics of contractarianism is also based on the rationality of moral agents who make decisions capable in the comparative perspective of assessing what it would be more rea-

берализм». С выхода этой книги началось широкое обсуждение моральной философии контрактарианизма.

Этика контрактарианизма также основана на рациональности моральных агентов, принимающих решение, способных в сравнительной перспективе оценить то, что было бы разумнее отклонить и с чем было бы разумнее согласиться (Scanlon, 2013, p. 599). В основе моральной философии Ролза лежит понятие общей справедливости, или справедливости основных общественных институтов, к числу которых он относит свободный рынок, систему защиты основных прав и свобод, моногамную семью, частную собственность. Следуя во многом за Кантом, Ролз разрабатывает специфическую методологию достижения общей справедливости. Если Канта интересовало, как возможна мораль как таковая, и он обнаружил основания для нее в нашем практическом разуме, присущем каждому человеку, и сделал вывод о существовании самой морали и высшего нравственного закона, то Ролз, действуя в русле той же кантовской логики, разработал два взаимосвязанных метода — метод рефлексивного равновесия и метод гипотетического договора⁹. Первый имеет своей целью проверку обоснованных интуиций, разделяемых всеми, на соответствие предлагаемым теоретическим конструкциям. Собственно, задача видится в том, чтобы исследовательские интуиции, максимально уточняющие теоретические конструкции, не вступали с последними в противоречие. Второй метод представляет собой мыслительный эксперимент, обладающий известным эвристическим потенциалом в определении способности членов общества выбрать такую модель поведения, которая была бы не только желательна, но и применима на практике. Для достижения

⁹ «Гипотетического в силу того, что, согласно контрактализму, моральный аргумент касается лишь возможности соглашения между лицами, имеющими одно и то же желание одной и той же степени. Однако это допущение контрфактично для мира как такового, но может иметь смысл в мире морали» (Scanlon, 2013, p. 598).

reasonable to decline and what would be more reasonable to accept (Scanlon, 2013, p. 599). Rawls's moral philosophy is based on the concept of universal justice, or the justice of the main social institutions such as the free market, protection of the main rights and freedoms, the monogamous family and private property. Following Kant in many ways, Rawls develops a methodology of achieving universal justice. While Kant sought to know how morality as such was possible, finding grounds for it in the practical reason inherent in every human being and concluding that morality and the highest moral law exist, Rawls, proceeding in the mainstream of the same Kantian logic, developed two interconnected methods: the method of reflective equilibrium and the method of hypothetical contract⁹. The former aims to check the justified intuitions shared by all for correspondence with the theoretical constructs offered. The task is to make sure that the research intuitions that elaborate the theoretical constructs do not contradict the latter. The second method is a thought experiment possessing a certain heuristic potential in determining the ability of society's members to choose a behaviour model that is not just desirable, but applicable in practice. To achieve the greater good, each individual should be capable of cooperation, which Rawls defines as maximisation of rational interest.

Rawls suggests conducting a thought experiment in conditions of a "veil of ignorance":

[...] the parties do not know certain kinds of particular facts. First of all, no one knows his place in society, his class position or social

⁹ Hypothetical because "according to contractualism, moral argument concerns the possibility of agreement among persons who are all moved by this desire, and moved by it to the same degree. But this counterfactual assumption characterizes only the agreement with which morality is concerned, not the world to which moral principles are to apply" (Scanlon, 2013, p. 598).

блага каждый индивид должен быть способен к кооперации, мыслимой Ролзом как максимизация рационального интереса.

Мыслительный эксперимент Ролз предлагает провести в условиях так называемого «завеса неведения»:

[люди] не знают, как различные альтернативы смогут повлиять на их частный случай, и они вынуждены оценивать принципы исключительно на основе общих соображений. Прежде всего, никто не знает своего места в обществе, своего классового положения или социального статуса, не знает, какими достоинствами и способностями наделен от природы, уровня развития своего интеллекта, физической силы и тому подобное. Никто не знает также своей концепции блага, особенностей своего рационального жизненного плана, особенностей своего психологического строения, как то: склонность к риску или расположенность к оптимизму или пессимизму. Более того, я предполагаю, что никто не знает особенностей развития общества, к которому он принадлежит (Rawls, 1971, p. 118).

Во главу угла Ролз ставит кантовское требование беспристрастности. И все выглядит так, что равные и свободные индивиды должны совершить рациональную сделку, естественно стремясь к максимизации своих благ, будучи совершенно равнодушными к судьбе других участников договора. Ролз полагает, что рациональность одержит верх над эгоистичным устремлением каждого получить выгоду только для себя, и стратегия максимина возобладает: «Согласно этому правилу, взятому из арсенала теории игр, предпочтень следует такую альтернативу, наихудшее возможное последствие которой лучше, чем наихудшее возможное последствие любой другой альтернативы» (Кашников, 2004, с. 78). Иначе говоря, в данном случае речь идет о процедурной теории справедливости как развитию процедурной интерпретации категорического императива, в которой главным действующим лицом оказываются свободные и равные индивиды, а не безличный набор универсальных норм и правил.

status; nor does he know his fortune in the distribution of natural assets and abilities, his intelligence and strength, and the like. Nor, again, does anyone know his conception of the good, the particulars of his rational plan of life, or even the special features of his psychology such as his aversion to risk or liability to optimism or pessimism. More than this, I assume that the parties do not know the particular circumstances of their own society (Rawls, 1971, p. 118).

Rawls gives pride of place to the Kantian demand for impartiality. Equal and free individuals should make a rational deal, naturally seeking to maximise their welfare, being totally indifferent to the fate of the other parties to the deal. Rawls believes that rationality will prevail over the selfish desire of each to gain benefit only for himself and that the maximin strategy will prevail. According to this rule, drawn from the games theory arsenal, the alternative that is to be preferred is the one whose worst consequence is still better than the worst possible consequence of any other alternative" (Kashnikov, 2004, p. 78). In other words, we are looking at a procedural theory of justice as the elaboration of the procedural interpretation of the categorical imperative in which the main actors are free and equal individuals and not an impersonal set of universal norms and rules.

David Gauthier, who is basically close to Hobbes, develops this model by offering his version of the rational deal: to him individuals are egoistic self-seeking creatures who are nevertheless capable of making a rational decision as the condition of cooperation among the parties to the deal in the long term. Here, however, in spite of the similarity between Hobbes and Gauthier, an important difference between them comes to the surface. The Hobbesian theory of justice based on the natural state of "the

В развитие этой модели свою версию рациональной сделки предлагает Давид Готье, который изначально близок Гоббсу: индивиды для него — это эгоистичные существа, ищущие собственной выгоды, тем не менее способные на принятие рационального решения как условия кооперации между участниками договора в долгосрочной перспективе. Здесь, несмотря на сходство во взглядах Гоббса и Готье, обнаруживается важное отличие между ними. Теория справедливости Гоббса, основанная на естественном состоянии «войны всех против всех», требует наличия железной руки суверена в качестве гаранта согласованности действий членов общества и соблюдения общих для них норм справедливости. Готье, напротив, утверждает, что справедливость может быть установлена благодаря не воле суверена, а просто потому, что соблюдение ее норм выгодно самим участникам общественных отношений. Вопрос только в том, насколько они способны эту выгоду правильно оценить и следовать ей в своих конкретных поступках. И, как пишет Готье: «Долг превыше выгоды, но следование долгу воистину выгодно» (Gauthier, 1985, p. 2).

Готье, по сути, развивает теорию рационального выбора, но остается дискуссионным вопрос, насколько эту теорию можно считать моральной теорией. Мне представляется, что ничто не мешает рассматривать ее именно в таком качестве, поскольку посыл Готье заключается в том, что, во-первых, свободный характер решения, индивидуально принимаемого каждым членом договора, есть условие его объективности и универсальности. Во-вторых, Готье не разделяет надежд Гоббса на совершенствование нравов благодаря развитию свободного рынка и, в-третьих, задачу своей теории видит в предложении такого способа достижения общественного согласия, который был бы равно приемлемым для праведника и для грешника, для религиозного фанатика, и для сверхчеловека. Наконец, не без оснований Готье отмечает значение разума для достижения эффективной сделки, поскольку полагает, что если мораль зависит от склонности или интереса, то ее принципы не могут быть предписатель-

war of all against all” calls for an iron hand of the sovereign to guarantee coordinated actions of the members of society and compliance with the common norms of justice. Gauthier, in contrast, maintains that justice can be established not by the sovereign’s will, but merely because parties to social relations themselves stand to gain from observance of its norms. The question is to what extent they can correctly determine the benefit and follow it in their concrete acts. As Gauthier (1985, p. 2) writes, “Duty overrides advantageous; but the acceptance of duty is truly advantageous.”

Essentially, Gauthier elaborates the theory of rational choice, but the extent to which this theory can be considered to be a moral theory is debatable. I do not see any reason not to consider it to be just that, inasmuch as Gauthier argues that first, the free character of the decision taken by each party to the deal individually is the condition of its objectivity and universality; second, Gauthier does not share Hobbes’ hope that the free market improves *mores*; and third, Gauthier sees the task of his theory in proposing such a method of achieving social concord that would be equally acceptable to the righteous man and the sinner, to the religious fanatic and to the superman. Finally, Gauthier (2013, p. 572) rightly notes the importance of reason for achieving an effective deal because he believes that if morality depends on disposition or interest its principles cannot be prescriptive. At the end of the day, unlike the maximin strategy which marks the rational choice in Rawls’s model, Gauthier opts for the maximising strategy.

It is based on the principle of maximising subjective preferences. Preference is measured in terms of utility which, in this case, plays a strictly instrumental role. Gauthier pays special attention to the concept of values as sustained

ными (Gauthier, 2013, p. 572). В конечном счете, в отличие от стратегии максимина, которая отличает рациональный выбор в рамках ролзовской этической модели, Готье считает наиболее успешной максимизаторскую стратегию.

В ее основе лежит принцип максимизации субъективных предпочтений. Мерой предпочтения является польза, которая в данном случае играет сугубо инструментальную роль. При этом для Готье особое значение приобретает понятие ценности как устойчивого предпочтения. Он обращает внимание и на стратегичность совершаемого выбора, что требует от субъекта поступка способности рационально рассчитать его последствия, но не с целью достижения наибольшей полезности, а с целью минимизации вреда и исключения ситуации игры с нулевой суммой. Особенность рациональной сделки в интерпретации Готье заключается в том, что она происходит в форме взаимовыгодного обмена и продолжительна по времени, поэтому Готье вводит два ключевых понятия для ее описания — равновесие и оптимальность. Равновесие требует от участников сделки взаимности в стремлении максимизировать взаимный результат, а оптимальность предполагает оценку самого результата, всякое изменение которого приведет к ухудшению положения одного из игроков.

Важность контрактарианистской этической модели для осмысления современных интерпретаций этического универсализма мне видится в том, что эта модель, с одной стороны, развивает некоторые кантовские интуиции, делающие возможной мораль как таковую, и, с другой — позволяет уменьшить разрыв между сущим и должным, в котором как правило упрекают моральную теорию Канта.

Заключение

Даже беглое знакомство с коллективной монографией «Универсальность в морали» позволяет убедиться в ее исключительной информативности для тех, кого интересует философская этика. Эта книга показывает, как новая

preference. He draws attention to the strategic character of the choice, which presupposes the subject's ability to rationally assess the consequences of the act, but not in terms of the greater utility but to minimise harm and rule out the situation of a zero sum game. The distinguishing feature of Gauthier's interpretation of the rational deal is that it takes the form of a mutually beneficial exchange and is extended in time, which is why Gauthier introduces two key concepts in its description, equilibrium and optimality. Equilibrium requires from the parties to the deal reciprocity in seeking to maximise the mutual result, and optimality implies the assessment of the result, any change in which would worsen the position of one of the players.

In my view, the importance of the contractarian ethical model for assessing modern interpretations of ethical universalism consists in the fact that this model, on the one hand, elaborates some of Kant's intuitions which make morality possible as such; and, on the other hand, narrows the gap between the ought and nature, something usually held against Kant's moral theory.

Conclusion

Even a cursory acquaintance with the collective monograph *Universality in Morality* leaves no doubt in the reader's mind that the book is exceptionally informative for those who are interested in philosophical ethics. It shows how a new approach to a problem — in this case the problem of universality in ethical discourse — may give insights into the transformation of morality itself and not only into the use of existing ethical concepts to resolve various ethical dilemmas and address other applied ethical tasks. The book makes it possible to trace the evolution of the very concept of universal-

постановка проблемы — в данном случае проблемы универсальности в этическом дискурсе — может помочь в осмыслении трансформации самой морали, а не только в использовании наличных этических концептов в решении тех или иных этических дилемм и прочих прикладных этических задач. Книга позволяет проследить эволюцию понятия универсальности на протяжении всей истории этики, от Античности до современной аналитической моральной теории, и увидеть, как в этой эволюции отражались универсалистские и партикуляристские тенденции того или иного времени. Снабженный лингвосемантическим разбором ключевых понятий и терминов в рамках отдельных концепций универсальности, историко-философский анализ этого понятия приобретает дополнительное методологическое преимущество, позволяя обнаружить расхождение в толковании универсальности в разных философских традициях и языковых средах.

Универсалистские моральные доктрины условно можно разделить на трансценденталистские и сравнительные. Первые, как правило, не сталкиваются с проблемой выбора между универсалиями, тогда как вторым требуется основанное на публичном рассуждении согласие относительно приоритетности имеющихся альтернатив. Наиболее яркими примерами таких доктрин являются, соответственно, абсолютный этический универсализм Канта и аналитическая теория контрактарианизма. Обе теории центральное место отводят моральной агентности субъекта действия, способного брать на себя ответственность за совершенные действия, что освобождает пространство для требований долга, представляющих собой в целом деонтологические требования. Эти концепции ориентированы на социальную реализацию реальных способностей индивида, что выводит нас к широкому спектру проблем, значимых для анализа различных аспектов справедливости, — от трансцендентального институционализма до идеи глобальной справедливости с опорой на понятие этического и политического универсализма.

ty throughout the history of ethics from antiquity to modern analytical moral theory and to see how this evolution has reflected the universalist or particularist trends of this or that time. The presence of linguistic and semantic analysis of the key concepts and terms within various concepts of universality lends the historical-philosophical analysis of this concept an extra methodological advantage in revealing the divergences in the interpretation of universality in different philosophical traditions and language environments.

Universalist moral doctrines can be roughly divided into transcendentalist and comparative. The former, as a rule, do not encounter the problem of choice between universals, whereas the latter need consent based on public discussion concerning the priority of available alternatives. The most salient examples of such doctrines are, respectively, Kant's absolute ethical universalism and the analytical theory of contractarianism. Both theories put at the centre the moral agency of the subject of action who can assume responsibility for his actions, which makes room for the demands of duty which are generally deontological demands. These concepts are oriented toward realisation of the real capacities of the individual in confronting a wide range of problems that are significant for the analysis of various aspects of justice from transcendental institutionalism to the idea of global justice based on the concept of ethical and political universalism.

The most reliable source of universality in morality is human reason. It is no accident that the majority of modern theories that trace their origin to Kant's absolute universalism recognise Kant's contribution in assessing the rational character of the moral judgment, interpreted as the relation between what is (empirically) desirable and what ought to be. The first formula of the categorical imperative expresses better than anything the contradiction between

Наиболее надежным источником универсальности в морали выступает человеческий разум. Не случайно общим для большинства современных теорий, обнаруживающих преемственность по отношению к кантовскому абсолютному универсализму, является признание исключительной заслуги Канта в оценке рационального характера морального суждения, понимаемого как отношение между тем, что (эмпирически) желательно, и тем, что должно быть. Первая формула категорического императива лучше всего выражает это противоречие между «эмпирической» волей и требованием, специфичным для моральной воли. Ссылка на максимы в этой формулировке ясно предупреждает нас о том, что нравственный принцип не высказывается непосредственно об общих нормах действий, а касается конкретных практических действий, в том числе его значение можно понять лишь опосредованно, через максимы, или субъективные принципы действия. То, что я «могу хотеть» как всеобщий закон, не выводимо *in abstracto*, но находит свое основное отражение в нормативных убеждениях, которые регулируют в том или ином виде социальный контекст, отношения с другими людьми, всегда разворачивающиеся в определенном горизонте нормативных принципов и правил.

Отсюда широкие дискуссии об универсализме, которые развернулись в последние десятилетия. В историчистской и релятивистской перспективе критика абстрактного универсализма была направлена на разрушение иллюзии о существовании неких универсальных ценностей и принципов. С одной стороны, этот тип генеалогии был основан на сомнении в идее человечества как интерсубъективности. С этой точки зрения коммуникация с целью выработки норм, которые могут быть общими для всех, выступает не как свободное обсуждение между субъектами, ответственными за то, что они заявляют, а как сублимация властных отношений, когда универсальной признается ценность, по сути, навязанная властью зависимым от нее индивидам. С другой стороны, реляти-

the “empirical” will and the requirement of the moral will. The reference to maxims in this formula issues a clear warning that the moral principle does not directly deal with the common norms of actions but only with concrete practical actions, and its meaning can only be understood indirectly through maxims or subjective principles of action. That I “can will” cannot be derived as a universal law *in abstracto*, but is mainly reflected in normative convictions which, in one way or another, regulate the social context, the relations with other people which invariably unfold within a certain horizon of normative principles and rules.

Hence the broad discussions of universalism that have marked recent decades. In the historicist and relativist perspective, critique of abstract universalism was directed at shattering the illusion of the existence of some universal values and principles. On the one hand, this type of genealogy was prompted by doubt about the idea of humanity as inter-subjectivity. From that point of view communication with the aim of working out norms that can be shared by all is not a free discussion among the subjects responsible for what they say, but as sublimation of power relations when a value, essentially imposed by force on the individuals that depend on it, is recognised as universal. On the other hand, relative historicism transferred to universalism by genealogical practice has called in question the metaphysical illusion of the constitutive unity of humanity. If it is true that in order to put an end to this illusion of the universal characteristic of the classical moral discourse beginning from the era of Enlightenment, things boil down to historicisation of the entire content of morality, we would have to agree that there is a fundamental disconnect between epochs and figures of thought: if this gap is historical then the challenge is to preserve the meaning of the idea of the unity of the human race.

вистский историцизм, переданный универсализму генеалогической практикой, привел к сомнению в метафизической иллюзии конститутивного единства человечества. Если на самом деле, чтобы положить конец этой иллюзии универсального, характерной для классического морального дискурса начиная с эпохи Просвещения, все сведется к историзации всего содержания морали, то придется согласиться с тем, что существует коренной разрыв между эпохами и фигурами мысли: если этот разрыв историчен, то проблема видится в сохранении смысла идеи единства человеческого рода.

Список литературы

Виноградова О. А., Углева (Ястребцева) А. В. Рождение идеи *perfectibilité*: от Просвещения к трансгуманизму // Философские науки. 2019. Т. 62, № 4. С. 113–131. URL: <https://www.phisci.info/jour/article/view/2591/2437>. doi: 10.30727/0235-1188-2019-62-4-113–131.

Гегель Г. В. Ф. Наука логики. СПб.: Наука, 1997.

Гегель Г. В. Ф. Философия права / ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. на нем. и рус. яз. М.: Ками, 1994а. Т. 1. С. 79–124.

Кант И. О педагогике // Соч.: в 8 т. М.: Чоро, 1994б. Т. 8. С. 399–462.

Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Соч. на нем. и рус. яз. М.: Московский философский фонд, 1997а. Т. 3. С. 39–275.

Кант И. Критика практического разума // Соч. на нем. и рус. яз. М.: Московский философский фонд, 1997б. Т. 3. С. 277–733.

Кант И. Критика способности суждения // Соч. на нем. и рус. яз. М.: Наука, 2001. Т. 4. С. 69–833.

Кашиников Б. Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004.

Универсальность в морали: монография / отв. ред. Р. Г. Апресян. М.: Садра, 2020.

Шеллинг Ф. В. Й. Система трансцендентального идеализма // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. С. 227–489.

Callahan D. Universalism and Particularism: Fighting to a Draw // Hastings Center Report. 2000. Vol. 30, № 1. P. 37–44.

References

Apresyan, R.G., ed. 2020. *Universal'nost' v morali: kollektivnaya monografiya* [Universality in Morality: A Collective Monograph]. Moscow: Sadra. (In Rus.)

Callahan, D., 2000. Universalism and Particularism: Fighting to a Draw. *Hastings Center Report*, 30(1), pp. 37-44.

Dévédéc, N. le, 2015. *La société de l'amélioration : la perfectibilité humaine des Lumières au transhumanisme*. Montréal: Liber.

Gauthier, D., 1985. *Moral by Agreement*. Oxford: Clarendon Press.

Gauthier, D., 2013. Why Contractarianism? In: R. Shafer-Landau, ed. 2013. *Ethical Theory: An Anthology. Second Edition*. Chichester: Wiley-Blackwell, pp. 571-580.

Habermas, J., 1991. Treffen Hegels Einwände gegen Kant auch auf die Diskursethik zu? In: J. Habermas. *Erläuterungen zur Diskursethik*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, pp. 9-30.

Hare, R.M., 1963. *Freedom and Reason*. Oxford: Clarendon Press.

Hare, R.M., 1981. *Moral Thinking. Its Levels, Method, and Point*. Oxford: Clarendon Press.

Hegel, G.W.F., 1991. *Elements of the Philosophy of Right*. Translated by H. B. Nisbeth, edited by A. W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Hegel, G.W.F., 2010. *The Science of Logic*. Translated and edited by G. Di Giovanni. Cambridge: Cambridge University Press.

Höffe, O., 1985. *Introduction à la philosophie pratique de Kant*. Castella: Albeuve.

Kant, I., 2000. *Critique of the Power of Judgment*. Edited by P. Guyer. Translated by P. Guyer and E. Matthews. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2002. *Critique of Practical Reason*. Translated by W. S. Pluhar. Cambridge and Indianapolis: Hackett Publishing Company.

Kant, I., 2006. *Idea for a Universal History from a Cosmopolitan Perspective*. In: I. Kant, 2006. *Toward Perpetual Peace and Other Writings on Politics, Peace, and History*. Edited and with an introduction by P. Kleingeld; translated by D. L. Colclasure. New Haven & London: Yale University Press, pp. 3-16.

Kant, I., 2007. Lectures on Pedagogy. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education*. Edited by G. Zöllner and R. B. Loudon; translated by R. B. Loudon. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 434-485.

Dévédéc N. le. La société de l'amélioration: la perfectibilité humaine des Lumières au transhumanisme. Montréal : Liber, 2015.

Gauthier D. Moral by Agreement. Oxford : Clarendon Press, 1985.

Gauthier D. Why Contractarianism? // Ethical Theory : An Anthology / ed. by R. Shafer-Landau. 2nd ed. Chichester : Wiley-Blackwell, 2013. P. 571–580.

Habermas J. Moralbewusstsein und Kommunikatives Handeln. Frankfurt a/M : Suhrkamp, 1983.

Habermas J. Treffen Hegels Einwände gegen Kant auch auf die Diskursethik zu? // Habermas J. Erläuterungen zur Diskursethik. Frankfurt a/M : Suhrkamp, 1991. S. 9–30.

Hare R. M. Freedom and Reason. Oxford : Clarendon Press, 1963.

Hare R. M. Moral Thinking. Its Levels, Method, and Point. Oxford : Clarendon Press, 1981.

Höffe O. Introduction à la philosophie pratique de Kant. Castella : Albeuve, 1985.

Macklin R. Against Relativism. N.Y. : Oxford University Press, 1999.

Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, MA : The Belknap Press of Harvard University Press, 1971.

Scanlon T. M. Contractualism and Utilitarianism // Ethical Theory : An Anthology / ed. by R. Shafer-Landau. 2nd ed. Chichester : Wiley-Blackwell, 2013. P. 593–607.

Singer M. G. Generalization in Ethics. N.Y. : Atheneum, 1971.

Об авторе

Анастасия Валерьевна Углева, кандидат философских наук, доктор философии, доцент, Школа философии и культурологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: aengovata@hse.ru

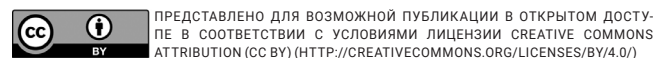
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9146-1026>

Для цитирования:

Углева А. В. Изломанные грани этического универсализма. Комментарий к книге «Универсальность в морали» // Кантовский сборник. 2022. Т. 41, № 2. С. 122–147.

doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-5

© Углева А. В., 2022.

Kant, I., 2011. *Groundwork of the Metaphysics of Morals. German-English Edition*. Translated by M. Gregor, edited by J. Timmermann. Cambridge: Cambridge University Press.

Kashnikov, B.N., 2004. *Liberal'nye teorii spravedlivosti i politicheskaya praktika Rossii [Liberal Theories of Justice and Political Practice in Russia]*. Veliky Novgorod: NovSU Yaroslav Mudryj. (In Rus.)

Macklin, R., 1999. *Against Relativism*. New York: Oxford University Press.

Rawls, J., 1971. *A Theory of Justice*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press.

Scanlon, T.M., 2013. Contractualism and Utilitarianism. In: R. Shafer-Landau, ed. 2013. *Ethical Theory: An Anthology. Second Edition*. Chichester: Wiley-Blackwell, pp. 593-607.

Schelling, F.W.J., 2001. *System of Transcendental Idealism*. Translated by P. Heath, Introduction by M. Vater. Charlottesville: University Press of Virginia.

Singer, M.G., 1971. *Generalization in Ethics*. New York: Atheneum.

Vinogradova, O. and Ugleva, A., 2019. The Birth of the Idea of Perfectibility: From the Enlightenment to Transhumanism. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*, 62(4), pp. 113-131. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2019-62-4-113-131>

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Dr Anastasia V. Ugleva, Associate Professor, School of Philosophy and Cultural Studies, HSE University, Moscow, Russia.

E-mail: aengovata@hse.ru

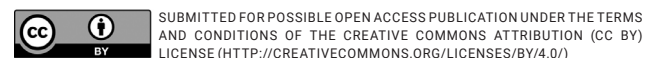
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9146-1026>

To cite this article:

Ugleva, A.V., 2022. Broken Facets of Ethical Universalism. Commentary on the Book *Universality in Morality*. *Kantian Journal*, 41(2), pp. 122-147.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2022-2-5>

© Ugleva A. V., 2022.

Рец. на кн.: Lewin M.
**Das System der Ideen:
 Zur perspektivistischen Begründung der
 Vernunft im Anschluss an Kant und Fichte.**
 Freiburg ; München : Alber, 2021. 378 S.

Л. Ф. Гарсия^{1, 2}

В «Философских лекциях», прочитанных в 1804 г., Фридрих Шлегель проницательно определил одну из центральных трудностей «Критики чистого разума», в которой «критика философии тщательно смешана с критикой нашей способности познания» (Schlegel, 1804, S. 240–241). Та же самая трудность лежит в основе книги «Учение о познании» (*Wissenschaftslehre*) Фихте, которая представляет собой попытку превратить философию в научную доктрину и проследить, как все познавательные способности восходят к единому основополагающему принципу. Если, как утверждает Шлегель, переплетение этих линий является основной трудностью трансцендентальной философии, то они в то же время частично обеспечивают и ее богатство, поскольку показывают, что все это предприятие находится на пересечении, выражаясь сегодняшним языком, *философии разума и метафилософии*.

Однако это богатство не было сохранено полностью на протяжении всей истории рецепции трансцендентальной философии. Действительно, с момента появления неокантианского движения, последовавшего за возникновением в XIX в. новой философской дисциплины — эпистемологии (*Handbook of Epistemology*, 2004, p. 3), в дискуссиях в этой области стала

¹ Мюнхенский университет им. Людвига и Максимилиана.

Германия, D-80539 Мюнхен,
 Гешвистер-Шоль-плац, д. 1.

² Лёвенский католический университет.
 Бельгия, 3000, Лёвен, Оде-маркт, д. 13.

Поступила в редакцию: 03.09.2021 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-6

Book Review: Michael Lewin,
*Das System der Ideen:
 Zur perspektivistischen Begründung der
 Vernunft im Anschluss an Kant und Fichte.*
 Freiburg & München: Alber, 2021, 378 pp.

L. F. Garcia^{1, 2}

In his *Philosophical Lectures* held in 1804, Friedrich Schlegel perspicaciously identified one of the central difficulties of the *Critique of Pure Reason*, namely the fact that in this work “the critique of philosophy is thoroughly mixed with the critique of our faculty of knowledge” (Schlegel, 1804, pp. 240-241). The same difficulty lies at the heart of Fichte’s *Wissenschaftslehre*, which is an attempt both to turn philosophy into a doctrine of science and to trace all cognitive faculties back to one grounding principle. If, as Schlegel claims, the interweaving of these strands is a central difficulty in transcendental philosophy, it is also part of its richness, since it shows that this enterprise lies at the crossroads of what would today be called “philosophy of mind” and “metaphilosophy”.

This richness, however, has not been entirely preserved throughout the history of the reception of transcendental philosophy. Indeed, since the appearance of the neo-Kantian movement, following the advent in the nineteenth century of a new philosophical discipline called epistemology (Woleński, p. 3), the mental strand of transcendental philosophy has overwhelmingly dominated the discussions

¹ Ludwig Maximilian University of Munich.

1 Geschwister-Scholl-Platz, Munich, D-80539, Germany.

² KU Leuven.

13 Oude Markt, Leuven, 3000, Belgium.

Received: 03.09.2021.

doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-6

доминировать ментальная ветвь трансцендентальной философии. Как следствие, трансцендентальная философия постепенно отделялась от метафилософских соображений. В фихтеанской рецепции это проявляется особенно отчетливо в недавней и в целом блестящей реконструкции проекта «Весь Фихте», авторы которого утверждают, что для завершения образа Фихте как трансцендентального философа необходимо рассматривать два других аспекта его мысли — метафилософский и популярный (Österreich, Traub, 2006, S. 11). Таким образом, они предполагают, что метафилософия не является существенной частью трансцендентальной философии. Они, конечно, правы в том, что касается обычного и доминирующего приема в трансцендентальной философии, но, как проницательно заметил Фридрих Шлегель в приведенном выше отрывке, это не то, каким образом трансцендентальная философия была сформулирована изначально. Некоторые недавние работы привлекли внимание к данному метафилософскому аспекту трансцендентальной философии, например блестящая книга Карин де Бёр «Кантовская реформа метафизики» (De Boer, 2020). В аналогичном направлении (однако в исследовании, посвященном в основном Фихте) Михаил Левин проделал превосходную работу по воссоединению ментальной и метафилософской составляющих трансцендентальной философии в своей книге «Система идей: О перспективистском обосновании разума вслед за Кантом и Фихте» (Lewin, 2021; далее в круглых скобках указываются номера страниц по этому изданию).

Книга разделена на две части. Первая посвящена подходу Канта и Фихте к разуму как способности производить идеи, а вторая — возрождению трансцендентальной философии как современной метафилософской исследовательской программы. Первая часть состоит из двух глав (2 и 3): в одной рассматривается подход Канта, в другой — Фихте. Взаимодействие автора с обоими философами завершается форму-

in the field. As a consequence, transcendental philosophy was progressively dissociated from metaphilosophical considerations. In the Fichtean reception, this is particularly clear in a recent and otherwise brilliant reconstruction of Fichte's entire project, *Der ganze Fichte*, where the authors claim it is necessary to complete Fichte's image as a transcendental philosopher by considering two *other aspects* of his thought: the metaphilosophical and the popular (Österreich and Traub, 2006, p. 11). They thus suggest that metaphilosophy is not an essential part of transcendental philosophy. They are certainly right as regards the usual and dominating reception of transcendental philosophy, but this is not the way transcendental philosophy was originally formulated, as Friedrich Schlegel has perspicaciously remarked in the passage above mentioned. Some recent works have contributed to highlight this metaphilosophical aspect of transcendental philosophy, such as Karin de Boer's brilliant *Kant's Reform of Metaphysics* (2020). In a similar direction, but in a work mostly focused on Fichte, Michael Lewin does excellent work to reconnect the mental and the metaphilosophical strands of transcendental philosophy in his *Das System der Ideen* (Lewin, 2021. Further in parentheses are the page numbers of this book).

The book is divided into two parts. The first is dedicated to Kant and Fichte's approach to reason as a faculty of ideas and the second to a revitalisation of transcendental philosophy as a contemporary metaphilosophical research programme. The first part has two chapters (2 and 3): one on Kant and one on Fichte. The author's engagement with both philosophers results in the formulation of a "concept of reason in narrow sense". The second part has six chapters: the first three present this notion of reason in narrow sense as a concrete contemporary "re-

лировкой «концепции разума в узком смысле». Вторая часть включает шесть глав: первые три представляют концепцию разума в узком смысле — как конкретную современную «исследовательскую программу», а в последних трех подробно обсуждаются критические возражения против этой программы с разнообразных современных перспектив. В своем проницательном аргументативном движении автор использует теорию Фихте о пятеричности — о пяти точках зрения разума, чтобы осмыслить некоторые из этих возражений в рамках фихтеанской метатеоретической структуры, которую сам автор называет «рефлексивным перспективизмом».

Первая глава первой части предлагает обновляющий подход к философии Канта. В самом деле, если верно, что центральное место в первой «Критике» занимает аргумент, обосновывающий необходимую связь между чувственностью и рассудком, то есть трансцендентальная дедукция, то столь же верно и то, что работа Канта является критикой *чистого разума*. Таким образом, автор, находящийся в диалоге с недавними исследованиями трансцендентальной диалектики Канта (см., напр.: Willaschek, 2018; Meer, 2019), предлагает подойти к критической философии, опираясь на кантовскую концепцию чистого разума. Согласно Левину, «чистый разум в основном определяется его продуктами — идеями» (S. 42). Он утверждает, что Кант извлекает понятие «идея» из философии Платона, но ограничивает его в двух отношениях: а) сферу его применения, которая включает не объекты возможного опыта, а скорее предполагаемые понятия совершенства, не встречающиеся в опыте (S. 50), и б) его природу, поскольку его онтологический статус подвергается критике, чтобы освободить место для его регулятивной роли «упорядочения интеллектуального знания в наиболее крупные возможные систематические единицы» (S. 99). Следовательно, по мнению автора, каждая из идей связана с конкретной упорядочивающей presupпозицией

search programme”, whereas the last three thoroughly discuss critical objections against such a programme from different contemporary perspectives. In an insightful argumentative movement, the author employs Fichte’s theory of quintuplicity, the five points of view of reason, to make sense of some of these objections within a Fichtean metatheoretical structure that the author calls “reflective perspectivism”.

The first chapter of the first part provides a refreshing approach to Kant’s philosophy. Indeed, if it is true that the central argument of the first *Critique* is the one grounding the necessary connection between sensibility and understanding, i.e. the transcendental deduction, it is no less true that Kant’s work is a critique of pure reason. The author thus suggests, in dialogue with recent research on Kant’s transcendental dialectic (such as Willaschek, 2018 and Meer, 2019), approaching critical philosophy on the basis of Kant’s conception of pure reason. According to Lewin, “pure reason is mainly defined by its products, the ideas” (p. 42). He argues that Kant extracts the notion of idea from Plato’s philosophy, but restricts it in two ways: (i) its scope of application, which does not include objects of possible experience, but rather presupposed concepts of a perfection not to be found in experience (p. 50); and (ii) its nature, since its ontological status is criticised in order to make room for its regulative role of “ordering intellectual knowledge into the largest possible systematic units” (p. 99). Each of the ideas is thus, according to the author, related to the specific ordering presupposition of the field in which it appears, and each of them is related to what the author calls “immanent functions of reason” (p. 102). The author identifies six kinds of ideas in Kant’s

того поля, в котором она появляется, и каждая из них связана с тем, что автор называет «имманентными функциями разума» (S. 102). Левин выделяет шесть видов идей в философии Канта (постулаты, практические идеи, эстетические идеи, трансцендентальные понятия разума, теоретические идеи и архитектурные идеи) и предлагает организовать их все, основываясь на том, что он именуется «седьмым видом», которым является «сам разум как способность идей» (S. 112). Таким образом, этот седьмой вид идей служит ключом к созданию наброска системы идей, который «будет осуществлен гораздо более радикально и систематически» в философии Фихте (S. 113).

Благодаря такому подходу к Канту переход к Фихте получается более плавным и естественным, чем те, которые непосредственно основаны на фихтеанском поиске первоначала. Как указывает автор, вопрос о первоначале является в философии Фихте не как проблема сама по себе, а как ответ на задачу систематизации «функций разума» (S. 114). Левин выделяет две модели систематизации: а) кантовскую, то есть перечисление фактически открываемых фактов сознания, связанных с соответствующими им законами и функциями (S. 116), и б) фихтеанскую, которая заключается в постижении «высшего и самого ясного из актов разума», с которым затем связаны все остальные принципы (S. 117). Согласно Левину, Фихте в ходе своего философского развития разрабатывает две различные стратегии определения этого высшего акта: первая (до 1800 г.) основана на акте, посредством которого разум обретает самосознание (S. 118); вторая (после 1800 г.) опирается на рефлексивность об акте, посредством которого разум порождает свое высшее представление, абсолют (S. 141). Первая стратегия основана на размышлении о моментах самополагания разума, которые автор извлекает из собственного прочтения «*Nova Methodo*» Фихте, а именно: акт, непосредственное сознание, продукт и способность (S. 120). Вторая, по

philosophy (postulates, practical ideas, aesthetic ideas, transcendental concepts of reason, theoretical ideas and architectonic ideas) and proposes to organise all of them based on what he calls the seventh kind, which is “reason itself as a faculty of ideas” (pp. 112). This seventh kind would thus offer a key to sketch a system of ideas which will “be carried out much more radically and systematically” in Fichte’s philosophy (p. 113).

Based on this approach to Kant, the transition to Fichte is smoother and more natural than those directly based on Fichte’s quest for a first principle. As the author indicates, the question of a first principle appears in Fichte’s philosophy not as a problem in itself, but as a response to the challenge of systematising “the functions of reason” (p. 114). Lewin identifies two models of systematisation: (i) the Kantian one, i.e. an enumeration of the factually discoverable facts of consciousness, which are associated with their respective laws and functions (p. 116); and (ii) the Fichtean one, which is the grasping of the “highest and clearest of the acts of reason”, to which all the others are then related (p. 117). According to Lewin, Fichte develops in the course of his philosophical career two different strategies to determine this highest act: (a) one, until 1800, based on the act through which reason acquires self-consciousness (p. 118); (ii) another, after 1800, based on a reflection on the act through which reason generates its highest representation, the absolute (p. 141). The first is based on a reflection on the moments of the self-positing of reason, which the author extracts from his reading of Fichte’s *Nova Methodo*, namely: the act, immediate consciousness, the product and the faculty (p. 120). The second, according to the author, is a Fichtean strategic means to bring the public’s atten-

мнению автора, является для Фихте стратегическим средством привлечь внимание общественности к сложным операциям способности разума, который остается основополагающим принципом системы (S. 143).

Согласно автору, такая реконструкция позволяет избежать, с одной стороны, редукции принципа основания к голой рефлексии, как это делает Дитер Хенрих (Henrich, 1966), или к категорическому императиву, как предлагает Андреас Шмидт (Schmidt, 2004), а с другой – представления о фихтеанском изменении доктрины в результате позитивной переоценки божественного абсолюта, что можно найти, например, у Карен Глой (Gloy, 1998). Как утверждает автор, разум остается «истинным центром» проекта Фихте на протяжении всей его творческой деятельности (S. 158). Именно на основе размышлений об этом центре, по мнению автора книги, Фихте разрабатывает свою теорию пяти сфер действия идей: природы, морали, эстетики, религии и философии (S. 165). Философия здесь ассоциируется с разумом, понимаемым как способность, порождающая и архитектурическую идею, и обосновывающий принцип, – эту концепцию разума автор называет «разумом в узком смысле» (S. 180).

Вторая часть книги посвящена метафилософским следствиям такого отношения к разуму в узком смысле. Первые три главы (с 4-й по 6-ю) направлены на создание концепции разума как исследовательской программы. Согласно автору, разум в узком смысле не следует путать с современным понятием рациональности, поскольку он нацелен на изучение процесса формирования представлений, прослеживая их вплоть до первоисточника, но не охватывая различные области их проявления (S. 190). Он также несводим к понятию культуры, поскольку имеет дело со *способностью* разума, а не с материальными контекстами его проявлений (S. 197). И наконец, его нельзя отождествлять с объективным или абсолютным разумом в гегелевском смысле, поскольку он основан на рез-

tion to the complex operations of the faculty of reason that remains the grounding principle of the system (p. 143).

Following the author, this reconstruction avoids, on the one hand, the reduction of the grounding principle to bare reflection (as defended by Henrich, 1966) or to the categorical imperative (as proposed by Schmidt, 2004), and, on the other hand, the notion of a Fichtean change of doctrine due to a positive reassessment of the divine absolute (as can be found, for instance, in Gloy, 1998). As the author puts it, during Fichte's whole career, reason remains the "true centre" of his project (p. 158). It is based on a reflection on this centre that Fichte, according to the author, develops his theory of the five spheres of operation of ideas: nature, morality, aesthetics, religion and philosophy (p. 165). Philosophy here being linked to reason, understood as the faculty originating both the architectonic idea and the grounding principle – this conception of reason is what the author calls "reason in narrow sense" (p. 180).

The second part of the book extracts the metaphilosophical implications of this engagement with reason in narrow sense. The first three chapters (4, 5 and 6) aim to establish this conception of reason as a research programme. According to the author, reason in narrow sense should not be confused with the contemporary notion of rationality, since it aims to examine the formation of a representation by retracing it to its original source and not the different fields of its manifestation (p. 190). It is also irreducible to the concept of culture, since it deals with the *capacity* of reason and not with the material contexts of its manifestation (p. 197). And finally, it is not to be identified with objective or absolute reason in a Hegelian sense, since it is based on a

ком различии между способностью и ее применением — различии, отсутствующем в подходе Гегеля, который сосредоточен на конкретном развертывании проявлений разума (S. 206).

О том, что значит превратить такое понятие разума в исследовательскую программу, говорится в главе 5. Опираясь на работы философа науки Имре Лакатоса, автор понимает исследовательскую программу как нечто, относящееся как ко всем возможным научным областям, так и к различным теориям внутри одной области (S. 214–215). В основе такой программы лежит *жесткое ядро*, которое «определяется как часть методологического решения» и «защищается от опровержения» благодаря «постоянно модифицируемому» *ремню безопасности* из вспомогательных гипотез (S. 216). Защита происходит на основе двух взаимодополняющих стратегий: *негативной эвристики*, которая имеет дело с возникающими аномалиями программы, и *позитивной эвристики*, которая предвосхищает возможные препятствия (S. 216–218). В силу этой динамической природы исследовательских программ их можно рассматривать как прогрессирующие или деградирующие (S. 219–221). Автор видит в метатеоретическом подходе Лакатоса полезный инструмент для работы с разнообразными философскими течениями и школами, а также с различными теоретическими позициями, или сериями теорий (*Theorienreihen*), внутри каждой из них (S. 224). В частности, автор применяет его к собственному понятию разума в узком смысле, которое он извлекает из своей работы с философией Канта и Фихте. Таким образом, данная исследовательская программа содержит в своей основе *жесткое ядро*, в котором разум — это способность создавать и применять идеи, и нуждается в защите посредством выявления возможных аномалий и предвосхищения проблем и возражений (S. 232–236).

В главе 6 утверждается, что в зависимости от того, как именно понимается *жесткое ядро*, к нему предъявляются различные требования

sharp distinction between a faculty and its use, a distinction abandoned in Hegel's approach, which is focused on the concrete deployment of the manifestations of reason (p. 206).

What it means to turn this notion of reason into a research programme is discussed in chapter 5. Drawing on the works of the philosopher of science Imre Lakatos, the author defines "research programme" as something related to all possible scientific domains as well as to different theories within a field (pp. 214-215). The programme is based on a *hard core* that "is determined as part of a methodological decision" and "protected from refutation", thanks to an "always modifiable" *protective belt* of auxiliary hypotheses (p. 216). The protection occurs based on two complementary strategies: *negative heuristic*, that deals with occurring anomalies of the programme and *positive heuristic*, that anticipates eventual obstacles (pp. 216-218). In virtue of this dynamic nature of research programmes, they can be seen as either in progression or in degeneration (pp. 219-221). The author sees in Lakatos' metatheoretical approach a useful tool to deal with the different currents and schools in philosophy as well as with the diverse theoretical positions, or series of theories (*Theorienreihen*), within each of them (p. 224). In particular, the author applies it to his own notion of reason in narrow sense, which he extracts from his engagement with Kant and Fichte. This research programme is thus based on the hard core that reason is the faculty for creating and applying ideas, which is to be protected through the identifications of eventual anomalies and the anticipation of problems and objections (pp. 232-236).

Chapter 6 argues that, depending on the way the hard core is conceived, different demands and strategies of grounding are re-

и стратегии обоснования (S. 248–264). По мнению автора, когда разум определяется в узком кантовско-фихтеанском смысле, существуют три возможности его обоснования: 1) на основе «определенности актов разума», 2) на основе систематического «встраивания функций разума» (S. 269) или 3) на основе экспликации разнообразия мнений как различных проявлений разума. Именно этот подход, разработанный поздним Фихте, служит ключом к формулировке собственной позиции автора в оставшихся главах книги. Глава 6 завершается предвосхищением возражений против данной исследовательской программы. Автор организует их на основе «пяти тропов» античного философа-пирроника Агриппы против возможности существования первопринципа, а именно: бесконечный регресс, пресуппозиция, кругообразность, несогласие и относительность (S. 278–281). Последние два связаны с четырьмя поздними критическими замечаниями против понятия разума — констатацией его непривлекательности, злоупотребления властью, игнорирования им своих противоположности и интерсубъективности (S. 282–283).

В последних трех главах второй части (с 7-й по 9-ю) автор рассматривает возражения против такой исследовательской программы. Особенно серьезно он воспринимает возражения, связанные с понятиями несогласия и относительности. Его ответ основывается на том, что он назвал «рефлексивным перспективизмом», то есть на метатеоретической позиции, которая, с одной стороны, радикально принимает различия, а с другой — размышляет о них в рамках метафилософии (S. 288). Такова, по мнению Левина, наилучшая стратегия, позволяющая справиться с возражениями и тем самым обосновать разум в узком смысле (S. 289). Этот подход позволяет автору разработать стратегию оценки требований и притязаний, подразумеваемых каждой теоретической позицией (S. 298–299). Данная стратегия в двух последних главах книги становится основой для эффективного противостояния вышеупомянутым возражениям.

lated to it (pp. 248-264). According to the author, when reason is defined in the narrow Kant-Fichtean sense, there are three possibilities of grounding it: (1) based on the “certainty of the acts of reason”, (2) on a systematic “embedding of the functions of reason” (p. 269) or (3) on the explication of the diversity of opinions as different manifestations of reason. This latter is the approach developed by the late Fichte which offers the key to the formulation of the author’s own position in the remaining chapters of the book. Chapter 6 is concluded by the anticipation of objections against this research programme. The author organises them based on the “five tropes” of the ancient pyrrhonist philosopher Agrippa against the possibility of a first principle, namely: infinite regress, presupposition, circularity, dissent and relativity (pp. 278-281). The last two are associated with four recent criticisms against the notion of reason, namely: its unattractiveness, abuse of power, neglect of its counterpart and of intersubjectivity (pp. 282-283).

In the last three chapters of the second part (7, 8 and 9), the author engages with the objections against this research programme. He takes the objections related to the notions of dissent and relativity especially seriously. His response is based on what he calls a “reflective perspectivism”, a metatheoretical position that, on one hand, radically accepts difference, and, on the other hand, reflects on it within the framework of a metaphilosophy (p. 288). This is, according to Lewin, the best strategy to deal with the objections and therefore to ground reason in narrow sense (p. 289). This approach enables the author to develop a strategy to evaluate the demands and claims implied by each theoretical position (pp. 298-299). This strategy offers the background of

Пять тропов Агриппы рассматриваются в главе 8. Ответ на первые три тропа (бесконечный регресс, пресуппозиция и кругообразность) основан на понятии способности, рассматриваемой как возможность реализации чего-либо (S. 303). Разум в этом смысле — не онтологический первопринцип, а способность конструировать и использовать понятия, способность, которая, по мнению автора, *реально проявляется* в собственных операциях (S. 316). Два последних тропа (несогласие и относительность) обсуждаются в рамках теории точек зрения Фихте, которую автор отождествляет с понятием рефлексивного перспективизма. Эта стратегия раскрывает утверждения, предполагаемые каждым из различных мировоззрений, и открывает горизонт для возможностей их примирения в метафилософских рамках. Левин реконструирует фихтеанские определения пяти фундаментальных аффектов, на основе которых формируется видение целого: чувственный, правовой, эстетический, религиозный и рациональный (или научный). Каждый аффект связан с собственными требованиями и притязаниями, лежащими в основу представления обо всех остальных областях (S. 326). Все они по-своему разумны, но только последний является подлинно научным (S. 327).

В главе 9 обсуждаются четыре «общих места» (*topoi*) недавней критики разума. Против обвинения в непривлекательности автор тактически использует приемы перспективизма, чтобы доказать, что могут (и даже должны) существовать различные исследовательские программы, так что та программа, которая связана с разумом в узком смысле, утверждает лишь то, что мы можем рассуждать об идеях и способностях (S. 332). Что касается злоупотребления властью, автор указывает, что подобная критика не относится разуму в узком смысле, понимаемому как субъективная способность конструировать идеи (S. 337). Наконец, по вопросу игнорирования разумом своих противоположности и интерсубъективности Левин утверждает, что фокус на разуме, а не на этих других аспектах явля-

his effective engagement with the above-mentioned objections in the last two chapters of the book.

The five tropes of Agrippa are dealt with in chapter 8. The response to the first three tropes (infinite regress, presupposition and circularity) is based on the notion “faculty”, understood as the possibility of realising something (p. 303). Reason in this sense is not an ontological first principle, but a capacity to build and use concepts — a capacity that, according to the author, *actually appears* in its operations (p. 316). The two final tropes (dissent and relativity) are discussed within the framework of Fichte’s theory of points of view, which the author identifies with the notion of reflective perspectivism. This strategy exposes the claims implied by each different worldview and opens the horizon to the possibility of reconciling them in a metaphilosophical framework. Lewin reconstructs Fichte’s identification of five fundamental affects based on which a vision of the whole is generated: the sensible, the legal, the aesthetic, the religious and the rational (or scientific). Each affect is related to its own demands and claims based on which a view of all the other domains is generated (p. 326). All of them are reasonable in their own way, but only the last one is properly scientific (p. 327).

Chapter 9 discusses the four *topoi* of the recent criticism of reason. Against the accusation of unattractiveness, the author employs a tactical use of perspectivism to argue that there can (and even should) exist different research programmes, so that the one related to reason in narrow sense solely claims that we can talk of ideas and faculties (p. 332). In relation to the abuse of power, the author argues that this criticism does not concern reason in narrow sense, understood as a subjective capacity of build-

ется частью создания данной конкретной исследовательской программы, и это вовсе не исключает других исследовательских программ, которые в конечном итоге могли бы сосредоточиться на указанных других аспектах (S. 338–340).

Подход автора имплицитно поднимает ряд увлекательных вопросов. Какова связь между функциями разума, порождающими идеи, и функциями, порождающими таблицу категорий? Почему существует *семь* видов идей в критической философии Канта и *пять* точек зрения разума в поздней философии Фихте? Все ли они основаны на функциях разума? Что касается Фихте, то какова связь между четырьмя моментами самополагания разума и теорией квинтэссенции, которая была разработана позднее? Если разум и его продукты (идеи) являются путеводной нитью философского пути Фихте, означает ли это, что «Я» ранней философии Фихте — это идея разума? Если да, то как следует понимать его связь с особым видом интуиции (интеллектуальной)? Указывает ли эта связь с интуицией на то, что данная идея не полностью противопоставляется опыту? Более того, в метафилософской части автор предполагает, что различные исследовательские программы находятся в отношениях конкуренции друг с другом (S. 29, 237), тем самым указывая, что «разум в узком смысле» — одна из исследовательских программ среди прочих. Вместе с тем понятие рефлексивного перспективизма, основанное на теории точек зрения Фихте, представляет собой своего рода метатеорию, призванную обеспечить рамки для сосуществования различных точек зрения и тем самым избежать того, что Кант, как известно, назвал «полем битвы этих бесконечных споров» (A VIII; Кант, 1994, с. 9). Является ли исследовательская программа «разума в узком смысле» одной из других программ или это метаисследовательская программа, позволяющая избежать бесконечных споров между программами? Все эти вопросы — знак качества рецензируемой книги, поскольку они показывают, что автор попал в точку, обратившись к аспекту тран-

ing ideas (p. 337). Finally, regarding reason's neglect of its counterpart and intersubjectivity, Lewin claims that the focus on reason and not on these other aspects is part of the establishment of this specific research programme, which does not exclude other research programmes that could eventually focus on these other points (pp. 338-340).

The author's approach implicitly raises some fascinating questions, such as: What is the relationship between the functions of reason originating the ideas and the functions originating the table of categories? Why are there *seven* kinds of ideas in Kant's critical philosophy and *five* points of view of reason in Fichte's late philosophy? Are all of them based on functions of reason? As regards Fichte, what is the relationship between the four moments of the self-positing of reason and the theory of quintuplicity later to be developed? If reason and its products (the ideas) are the guiding thread of Fichte's philosophical path, does it mean that the I of Fichte's early philosophy is an idea of reason? If so, how should its connection with a special kind of intuition (the intellectual one) be understood? Does this connection with intuition indicate that this idea is not entirely opposed to experience? Moreover, in the metaphilosophical part, the author suggests that different research programmes stand in a relationship of competition to one another (pp. 29, 237), thereby indicating that "reason in narrow sense" is one among other research programmes. On the other hand, the notion of reflective perspectivism based on Fichte's theory of points of view is a sort of metatheory to provide a framework for the coexistence of different perspectives, and thus avoid what Kant famously called a "battleground of endless disputes" (*KrV*, A VIII). Is the research programme "reason in narrow

сцендентальной философии, заслуживающему внимания и исследования столь проникательного, как в этой работе. Шеллинг однажды сказал о трансцендентальной философии: ее величайшая заслуга состоит не столько в том, что она позволяет «распутать те проблемы, которые до тех пор представлялись нам неразрешимыми», сколько в том, что она порождает «совершенно новые вопросы» (Шеллинг, 1936, с. 4). Большая заслуга рассматриваемой книги состоит в постановке некоторых из этих совершенно новых проблем по отношению к современной практике философии.

Список литературы

Kant I. Критика чистого разума // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 3.

Шеллинг Ф. Система трансцендентального идеализма. Л. : Соцэкиз, 1936.

De Boer K. Kant's Reform of Metaphysics: The Critique of Pure Reason Reconsidered. Cambridge : Cambridge University Press, 2020.

Gloy K. Bewusstseinstheorien: zur Problematik und Problemgeschichte des Bewusstseins und Selbstbewusstseins. Freiburg ; München : Alber, 1998.

Handbook of Epistemology / ed. by I. Niiniluoto, M. Sintonen, J. Woleński. Dordrecht : Springer, 2004.

Henrich D. Fichtes ursprüngliche Einsicht // Subjektivität und Metaphysik. Festschrift für Wolfgang Cramer / hrsg. von D. Henrich, H. Wagner. Frankfurt a/M : Vittorio Klostermann, 1966. S. 188–232.

Lewin M. Das System der Ideen: Zur perspektivistischen Begründung der Vernunft im Anschluss an Kant und Fichte. Freiburg ; München : Alber, 2021.

Meer R. Der transzendente Grundsatz der Vernunft: Funktion und Struktur des Anhangs zur Transzendentalen Dialektik der „Kritik der reinen Vernunft“. Berlin : De Gruyter, 2019.

Österreich P., Traub H. Die ganze Fichte: Die populäre, wissenschaftliche und metaphilosophische Erschließung der Welt. Stuttgart : Kohlhammer, 2006.

Schlegel F. Philosophische Vorlesungen aus den Jahren 1804 bis 1806. 2. Aufl. Bonn : Weber, 1846. Th. 1.

sense” one among other programmes or is it a meta-research-programme to avoid endless disputes among programmes? All these questions are a sign of the quality of this book, since they show that the author hits a nerve by addressing an aspect of transcendental philosophy that deserves more attention and research, such as the insightful one presented in this work. As Schelling once said about transcendental philosophy: its greatest merit lies not as much in the fact of providing “a ready solution to problems hitherto insoluble”, but rather in the fact of generating “entirely new problems” (Schelling, 2005, pp. 23-24). It is a great merit of this book to pose some of these entirely new problems in relation to the contemporary practice of philosophy.

References

De Boer, K., 2020. Kant's Reform of Metaphysics: The Critique of Pure Reason Reconsidered. Cambridge: Cambridge University Press.

Gloy, K., 1998. Bewusstseinstheorien: zur Problematik und Problemgeschichte des Bewusstseins und Selbstbewusstseins. Freiburg & München: Alber.

Henrich, D., 1966. Fichtes ursprüngliche Einsicht. In: Subjektivität und Metaphysik. Festschrift für Wolfgang Cramer. Edited by D. Henrich and H. Wagner. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, pp. 188-232.

Lewin, M., 2021. Das System der Ideen: Zur perspektivistischen Begründung der Vernunft im Anschluss an Kant und Fichte. Freiburg & München: Alber.

Meer, R., 2019. Der transzendente Grundsatz der Vernunft: Funktion und Struktur des Anhangs zur Transzendentalen Dialektik der Kritik der reinen Vernunft. Berlin: De Gruyter.

Österreich, P. and Traub, H., 2006. Der ganze Fichte: Die populäre, wissenschaftliche und metaphilosophische Erschließung der Welt. Stuttgart: Kohlhammer.

Schelling, F.W.J., 2005. System des transzendentalen Idealismus. In: F.W.J. Schelling, 1976. Historisch-kritische Ausgabe im Auftrag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Edited by T. Buchheim, J. Hennigfeld, W. G. Jacobs, J. Jantzen and S. Peetz. Reihe I: Werke, Band 9, Teile 1-2. Edited by H. Korten and P. Ziche. Stuttgart: Frommann-Holzboog.

Schmidt A. Der Grund des Wissens. Fichtes Wissenschaftslehre in den Versionen von 1794/95, 1804/11 und 1812. Paderborn : Schöningh, 2004.

Willaschek M. Kant on the Sources of Metaphysics. The Dialectic of Pure Reason. Cambridge : Cambridge University Press, 2018.

Об авторе

Луис Феллипе Гарсия, доктор философии, Мюнхенский университет им. Людвига и Максимилиана, Мюнхен, Германия; Лёвенский католический университет, Лёвен, Бельгия.

E-mail: luisfellipegarcia@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2856-4428>

О переводчике

Полина Руслановна Бонадысева, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: PBonadyseva1@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2388-5441>

Для цитирования:

Гарсия Л. Ф. [Рецензия] // Кантовский сборник. 2022. Т. 41, № 2. С. 148—158. Рец. на кн.: Lewin M. Das System der Ideen: Zur perspektivistischen Begründung der Vernunft im Anschluss an Kant und Fichte. Freiburg ; München : Alber, 2021. 378 S.

doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-6

© Гарсия Л. Ф., 2022.

Schlegel, F., 1846. *Philosophische Vorlesungen aus den Jahren 1804 bis 1806*, 1. Teil, 2. Ausgabe. Bonn: Weber.

Schmidt, A., 2004. *Der Grund des Wissens. Fichtes Wissenschaftslehre in den Versionen von 1794/95, 1804/11 und 1812*. Paderborn: Schöningh.

Willaschek, M., 2018. *Kant on the Sources of Metaphysics. The Dialectic of Pure Reason*. Cambridge: Cambridge University Press.

Woleński, J., 2004. The History of Epistemology. In: I. Niiniluoto, M. Sintonen and J. Woleński (eds.). *Handbook of Epistemology*. Edited by Dordrecht: Springer, pp. 3-54.

The author

Dr Luis Felipe Garcia, Ludwig Maximilian University of Munich (LMU), Munich, Germany; KU Leuven, Leuven, Belgium.

E-mail: luisfellipegarcia@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2856-4428>

To cite this article:

Garcia, L.F., 2022. Book Review: M. Lewin, *Das System der Ideen: Zur perspektivistischen Begründung der Vernunft im Anschluss an Kant und Fichte*. Freiburg & München: Alber, 2021, 378 pp. *Kantian Journal*, 41(2), pp. 148-158.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2022-2-6>

© Garcia L. F., 2022.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ОБЗОР КРУГЛОГО СТОЛА
«АКТУАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФИИ
ГЕРМАНА КОГЕНА»

*В. Н. Белов*¹

В предлагаемом обзоре круглого стола, состоявшегося 25 ноября 2021 г. в Российском университете дружбы народов, предпринята попытка объяснить очевидный рост интереса к философии неокантианства в целом и к философии главы Марбургской школы неокантианства Германа Когена в частности. Участники обсуждения в своих выступлениях показали, что сегодняшней интерес к неокантианству носит не только и даже не столько историко-философский характер, но заключается в актуальности многих идей марбургского неокантианства для современной теории познания, философии культуры, этики и философии религии. В ходе обсуждения особое дискуссионное напряжение получил вопрос об актуальности когеновской теории познания, в фундамент которой заложены логические, рациональные основания. Главным итогом состоявшегося обсуждения стало убеждение в том, что потенциал многих идей Когена еще не раскрыт полностью и есть все основания считать их провозвестниками новой философии, которая во многих своих чертах еще только зреет.

Ключевые слова: Коген, неокантианство, критическая философия, религия разума, первоначало, поступок, диалог

Круглый стол «Актуальность философии Германа Когена» был проведен 25 ноября 2021 г. кафедрой онтологии и теории познания РУДН совместно с кафедрой еврейской культуры СПбГУ и Центром университетского преподавания еврейской цивилизации Иерусалимского университета в рамках семинара по неокантианству, состоявшегося в ходе работы школы «Афины и Иерусалим». Встреча прошла в сме-

¹ Российский университет дружбы народов. Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Поступила в редакцию: 22.03.2022 г. doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-7

REPORT OF THE ROUNDTABLE
“THE RELEVANCE
OF HERMANN COHEN’S PHILOSOPHY”

*V. N. Belov*¹

This report of the roundtable that took place on 25 November 2021 at The Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University) attempts to explain the obvious growth of interest in Neo-Kantian philosophy in general and the philosophy of the head of the Marburg School of Neo-Kantianism, Hermann Cohen, in particular. In their contributions, the participants in the discussion demonstrated that the current interest in Neo-Kantianism does not solely or even largely have to do with the history of philosophy but rather with the relevance of many of the ideas of Marburg Neo-Kantianism for the modern theory of cognition, the philosophy of culture, ethics and the philosophy of religion. The course of the discussion highlighted the relevance of Cohen’s theory of cognition based on logic and rationality. The main outcome of the discussion was the conviction that the potential of many of Cohen’s ideas has yet to be fully tapped and there are grounds for considering them to be heralds of a new philosophy which, in many of its features, is only maturing.

Keywords: Cohen, Neo-Kantianism, critical philosophy, religion of reason, first principle, act, dialogue

The roundtable “The Relevance of Hermann Cohen’s Philosophy” was conducted by the Department of Ontology and Theory of Cognition at the RUDN University as part of the Neo-Kantian seminar jointly with the St. Petersburg State University’s Department of Jewish Culture and the International Center for University Teaching of Jewish Civilization at the Hebrew University of Jerusalem in the frame-

¹ RUDN University. 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia. Received: 22.03.2022. doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-7

шанном формате — очно и онлайн. В ней приняли участие как маститые ученые, так и молодые исследователи из России, Германии и Израиля.

Идея совместного обсуждения указанной темы родилась относительно недавно, а именно во время дискуссии по докладу итальянского профессора, одного из ведущих исследователей творчества Германа Когена Андреа Пома² «Будущее критического идеализма» на очередном заседании международного научного семинара «Немецкое и русское неокантианство» в Российском университете дружбы народов в октябре 2021 г., но предпосылки для ее возникновения зрели давно. Дело в том, что сегодня мы являемся не просто свидетелями возрождения интереса к неокантианскому направлению в философии, но настоящего «бума» исследований по неокантианству. И этот своеобразный «разворот к неокантианству» имеет не просто историко-философский подтекст. Неокантианские идеи рассматриваются как вполне актуальные, способные выступить философским основанием для анализа современных социальных процессов, связанных с наукой, человеком, обществом, культурой. И даже среди всего этого бума выделяется интерес к философской системе Когена, частично объясняющийся и отсутствием (по разным, чаще носившим не философский характер, причинам) такого интереса ранее, и систематическим осмыслением кантовской философии, предложенным Когеном, и интересными самостоятельными идеями современных авторов. Одним из важных элементов этого интереса являются исследования по истории русского неокантианства и влияния когеновского учения на его русских учеников и последователей³.

² В России имеется перевод одной книги профессора (Пома, 2012). См. также рецензию на другую его книгу: (Белов, 2018).

³ Данный факт и его значение подтверждает современный немецкий исследователь творчества Когена Герт Эдель, когда одну из своих статей «Актуальность Когена в современной философии» начинает следующим пассажем: «Название моего выступления находится в умышленном противоречии с широко распространенным мнением большинства в этой об-

work of the School “Athens and Jerusalem”. The meeting took place in a mixed format, part-live and part-online. Taking part were prominent scholars as well as young researchers from Russia, Germany and Israel.

The idea of holding a joint discussion of the above topic was born quite recently during the discussion at the regular meeting of the international seminar “German and Russian Neo-Kantianisms” at The Peoples’ Friendship University of Russia in October 2021 of the paper “The Future of Critical Idealism” by Professor Andrea Poma of Italy,² one of the leading scholars of the work of Hermann Cohen. But its birth had been germinating for some time. Most interesting is the fact that today we are witnessing not just a revival of interest in Neo-Kantianism, but a veritable boom of Neo-Kantian scholarship. The implications of this “pivot toward Neo-Kantianism” are not confined to the history of philosophy. Neo-Kantian ideas are seen as highly relevant and capable of providing the foundation for the analysis of modern social processes connected with science, humanity, society and culture. Even in the midst of this boom, interest in Cohen’s philosophical system stands out. This is due in part to the lack of such interest (more often than not for non-philosophical reasons) before the systemic study of Kant’s philosophy proposed by Cohen and some interesting independent ideas of modern authors. One important element of this interest is the studies of the history of Russian Neo-Kantianism and the influence of Cohen’s teaching on his Russian disciples and followers.³

² One of the professor’s books has been translated into Russian (Poma, 2012). See also the review of another book of his: (Belov, 2018).

³ This fact and its significance are corroborated by the contemporary Hermann Cohen scholar, Geert Edel, who opens his article “The Relevance of Cohen in Modern Philosophy” with the following passage: “The title of my reflections deliberately contradicts the widely held opinion of the majority on this topic, whereby Neo-Kantianism as a whole, including Cohen, is seen as ‘obsolete’. To cite just one example of this majority opinion,

Свое выступление ведущий круглого стола В. Н. Белов (РУДН) начал с объяснения такого, с его точки зрения, очевидного факта, как недооценка актуальности когеновской концепции трансцендентальной критической философии. Он выделил две причины недооценки: принадлежность Когена к Марбургской школе неокантианства, в связи с чем его имя многими исследователями воспринимается в «школьном» контексте, только наряду с именами П. Наторпа и Э. Кассирера. Как раз в данном контексте, по мнению В. Н. Белова, следует обращать внимание на наличие серьезных разногласий внутри школы, которые выливались в продолжительные дискуссии о логических и математических основаниях философии, принципе бесконечно малой величины, психологии, религиозном чувстве и т.д. Вторая причина связана с названием этого направления, имплицитно подразумевающим лишь продолжение, развитие — пусть и с некоторыми трансформациями — кантовского проекта философии. Однако как раз в результате своих исследований Канта Коген не только понял всю глубину, фундаментальность и одновременно открытость и эвристичность кантовской системы философии, осознал связность и различие ее буквы и духа, но и смог заложить эти характеристики в свою систему.

Кроме того, В. Н. Белов отметил, что сегодня в исследованиях творчества Когена можно выделить два направления, одно из которых

ласти, согласно которому неокантианство в целом, включая Когена, считается “устаревшим”. Приведу только один пример того, как на это течение смотрит большинство: Петер Яних (в то время наследник кафедры Когена в Марбурге) на конференции по марбургскому неокантианству, состоявшейся летом 2002 г. в Марбурге, утверждал, что философия Когена интересна лишь “марбургскому краеведческому музею”. Я полагаю, тот факт, что на международной конференции “Социальная память и власть”, прошедшей 8–10 октября 2002 г. в Саратове, целая секция была посвящена теме “Марбург и русская философия”, то есть обсуждению философии Когена и ее рецепции в России, однозначно свидетельствует о том, что философы в современной России интересуются Когеном, как и о том, что мнение большинства ошибочно. И большинство может ошибаться» (Edel, 2014, S. 98).

The moderator of the roundtable, *Vladimir N. Belov (RUDN University)*, began his speech by explaining what he considers to be the obvious fact that the relevance of Cohen’s concept of transcendental critical philosophy has been underestimated. He attributes such underestimation to two reasons: first, the fact that Cohen belongs to the Marburg School of Neo-Kantianism, so that many scholars perceive his name only in association with the names of Paul Natortp and Ernst Cassirer. Belov stressed that in this context attention should be paid to the existence of serious disagreements within the school, which spilled out into lengthy discussions about the logical and mathematical foundations of philosophy, the principle of the infinitely small value, psychology, the religious feeling etc. The second reason has to do with the name of this trend which implies mere continuation and development (even if with some transformations) of the Kantian philosophical project. However, as a result of his Kant studies, not only did Cohen understand the depth, the solid nature and at the same the openness and heuristic value of the Kantian system of philosophy and become aware of the connection and difference between its letter and spirit, but he invested these characteristics in his own system.

Vladimir Belov also pointed out two trends in modern studies of Cohen; one of these focuses on a deeper understanding of Cohen’s philosophy, the originality of his ideas and con-

Peter Janich (then Cohen’s successor in Marburg) told a conference on Marburg Neo-Kantianism held in the summer of 2002 in Marburg that Cohen’s philosophy presents interest only for the ‘Marburg local history museum’. I believe the fact that at the international conference ‘Social Memory and Power’ held in Saratov on 8-10 October 2002 a whole panel was devoted to the theme ‘Marburg and Russian Philosophy’, that is, Cohen’s philosophy and its reception in Russia was discussed, attests beyond doubt that philosophers in modern Russia are interested in Cohen, and that the majority opinion is mistaken. Even the majority may be mistaken” (Edel, 2014, p. 98).

акцентирует внимание на углублении нашего понимания когеновской философии, оригинальности ее идей и концептов, ее системности, а другое подчеркивает заложенные в этой философской системе возможности ее развития и обогащения через философию Гегеля, Гуссерля, Н. Гартмана, Хайдеггера, Пирса и др. Условно первое направление можно обозначить как *когеноведение*, представленное такими западными исследователями, как А. Пома, Х. Хольцхай, П. Фиорато, М. Цанк, Г. Эдель, второе — как *постнеокантианство*, развиваемое в исследованиях В. Флаха, К. В. Цайдлера, С. Люфта и др.

З. А. Сокулер (МГУ) в своем выступлении остановилась на двух разных смыслах, которые, по ее мнению, подразумеваются, когда речь заходит об актуальности философии Германа Когена. Она указала на то, что, во-первых, это может быть актуальность самого современного возрождения наследия Когена. Важность обращения к когеновским идеям в историко-философской мысли объясняется современной тягой к справедливости, оно стимулируется желанием восстановить историческую справедливость, что нельзя не приветствовать. Во-вторых, когда обсуждается актуальность философии Когена, может иметься в виду, что *развиваемые им положения* значимы и продуктивны для современных философских дискуссий. При этом докладчик выразила уверенность в актуальности когеновской философии религии как «религии разума», но актуальность его эпистемологии и философии науки поставила под вопрос ввиду того, что бывшее в свое время смелым и интересным в новаторских работах Когена сегодня стало общепризнанным и тривиальным благодаря постпозитивизму и в какой-то мере радикальному конструктивизму. Завершая свое выступление, З. А. Сокулер подчеркнула, что беззаветный рационализм, идеализм и вера в человечество, делающие философию Когена столь *неактуальной* для наших дней, рожают особую ностальгию по тому философскому мышлению, которое мы утратили.

И. С. Дворкин (Иерусалимский университет, СПбГУ) в своем выступлении сравнил философскую позицию Когена с двуликим Янусом, одно

cepts and its systemic character, while the other stresses its inherent possibilities for development and enrichment through the philosophy of Hegel, Husserl, N. Hartmann, Heidegger, Pierce and others. The first trend may be called “Cohen studies”, represented by such Western scholars as A. Poma, H. Holzhey, P. Fiorato, M. Zank and G. Edel, and the second *post-Neo-Kantianism*, represented by W. Flach, K. W. Zeidler, S. Luft and others.

Zinaida A. Sokuler (Lomonosov Moscow State University) pointed out that the term “relevance” with regard to Hermann Cohen’s philosophy may have two different meanings. First, it may mean the relevance of reviving Cohen’s legacy. Cohen’s ideas are relevant in the light of the modern craving for justice and the wish to see historical justice restored. This of course is to be welcomed. Secondly, when the relevance of Cohen’s philosophy is discussed, people may mean that the provisions he elaborates are significant and productive for modern philosophical discussions. The speaker recognised the relevance of Cohen’s philosophy of religion as “the religion of reason” but called in question his epistemology and philosophy of science because what was perceived as bold and interesting in Cohen’s trail-blazing work in his time has become universally recognised and trivial today, thanks to post-positivism and, to some extent, radical constructivism. Z. Sokuler concluded by stressing that rationalism without any caveats, idealism and faith in humanity, which make Cohen’s philosophy so old-fashioned today, prompt a special kind of nostalgia for the philosophical thought we have lost.

Ilya S. Dvorkin (The Hebrew University of Jerusalem / Saint Petersburg State University) compared Cohen’s philosophical position with two-faced Janus, with one face looking to the past and continuing the classical European philosophy of critical idealism and the other looking to the future as a pioneer of a new

лицо которого смотрит в прошлое и продолжает европейскую классическую философию — критический идеализм, а другое — в будущее как один из зачинателей новой философии, во многих своих чертах еще только зреющей. Докладчик указал на существенные новации в теории познания Когена, связанные прежде всего с пониманием познания в качестве динамического процесса, предметом которого оказывается первоначало, исток. И не согласился с мнением З. А. Сокулер о том, что когеновская логика истока, или первоначала (*Logik der Ursprung*), которую Розенцвейг называет «научным подвигом», устарела. Он выразил уверенность в том, что поставленная Когеном задача построения логики бесконечно малых отнюдь не решена современной наукой. Подводя итог своему выступлению, И. С. Дворкин еще раз акцентировал мысль о том, что Коген учел опыт критики кантианства как эмпиризм, так и немецким идеализмом, восстановил значимость кантианства и теоретической философии, переформатировал классическую философию, объединил ее с учением пророков и в итоге создал предпосылки для нового мышления.

М. Е. Соболева (Марбургский университет, Уральский государственный университет) в своем докладе оттолкнулась от вклада неокантианских школ в теорию ценности и теорию культуры и в дальнейшем сосредоточилась на той роли, которую сыграла философия Германа Когена в расширении критики познания до критики культуры. Докладчик обратила внимание на то, что марбургский неокантианец переосмысливает кантовское *a priori* в духе влиятельного в его время историцизма, при этом в поле его внимания попадают как внутринаучные, так и внешние для науки социально-исторические факторы, определяющие ее развитие. И на этом пути, подчеркнула М. Е. Соболева, «критика познания» Когена фактически превращается в теорию науки, содержащую, хоть и в зачаточной форме, идею о зависимости научного знания от общего культурного контекста, из чего, собственно, исходит и вся последующая теория науки И. Лакатоса, Т. Куна, П. Фейерабенда, К. Поппера, М. Хоркхаймера, Т. Адорно и М. Фуко.

philosophy which is in many way still germinating. The speaker pointed to some important innovations in Cohen's theory of cognition, most notably the view of cognition as a dynamic process whose abiding object is the first principle, the source. He challenged Z. Sokuler's opinion that Cohen's logic of the source (*Logik der Ursprung*), which Rosenzweig called "a scientific feat," is outdated. He asserted that modern science is still a long way away from solving the task, set by Cohen, of building a logic of infinitely small values.

Summing up his presentation Dvorkin reiterated his view that Cohen had taken into account the critique of Kantianism both by empiricism and by German idealism, restored the significance of Kantianism and theoretical philosophy, reformatted classic philosophy and combined it with the teachings of the prophets to create prerequisites for new thinking.

Maja E. Soboleva (*University of Marburg / Urals State University*), using as a take-off point the contribution of Neo-Kantian schools to the theory of values and the theory of culture, concentrated on the role of Hermann Cohen's philosophy in expanding the critique of consciousness to the critique of culture. The speaker paid attention to the fact that the Marburg Neo-Kantian reinterprets Kant's *a priori* in the spirit of historicism, which was influential at the time, including in his field of vision not only internal scientific, but also external socio-historical, factors that determine science's development. Following that path, M. Soboleva stressed that Cohen's "critique of cognition" effectively turns into a theory of science containing, if only in embryonic form, the idea of the dependence of scientific knowledge on the general cultural context, something that informs the entire subsequent theory of science developed by Imre Lakatos, Thomas Kuhn, Paul Feyerabend, Karl Popper, Max Horkheimer, Theodor Adorno and Michel Foucault.

Также докладчик предложила обратить внимание на то, что когеновскую критическую теорию познания, его этику и эстетику, то есть сферу культуры, можно анализировать исходя из понятия действия, когда под «действием» понимается производство чего-либо (*Handlung der Erzeugung*). Она отметила и то, что в теории Когена явно различаются три типа действий — теоретические, практические и эстетические, которые можно охарактеризовать под углом зрения процесса и результата, а именно — немецкий неокантианец выделяет аспекты «действия как процесса» (*Handlung*) и «действия как результата» (*Tun*), кладя отношение между понятиями «действие как процесс» и «действие как результат» в основание логики функционирования выделяемых им сфер культуры.

В завершение М. Е. Соболева выразила уверенность в том, что теория науки, теория культуры, диалогическая философия и философия действия, разработанные в рамках философской системы Когена, могут быть интересны для решения сегодняшних проблем, связанных с ролью субъекта в научном исследовании, взаимодействием науки и общества, общества и церкви.

В докладе В. Л. Махлина (ИНИОН РАН) акцент был сделан на специфике того «перелома в мышлении», на который указал Франц Розенцвейг, анализируя творчество Германа Когена. По мнению докладчика, «новое мышление» Розенцвейга стало одновременно разрывом и развитием преемственности с философией его учителя Германа Когена как инициатора так называемой философии диалога. В. Л. Махлин подчеркнул, что, по мысли Розенцвейга (и других «диалогистов»), Коген своим понятием *корреляции* выдвинул новый (относительно Нового времени) принцип в подходе к онтологии, антропологии и теологии, который в интерпретации того же Розенцвейга означает следующее: не бытие и время существуют внутри так называемой вечности (и сущности), а скорее наоборот, метафизическая вечность и умоизобразительная сущность находятся внутри конкретной темпоральности бытия и события истории. Поэтому,

Soboleva drew attention to the fact that Cohen's critical theory of cognition, his ethics and aesthetics, i.e. the sphere of culture, can be analysed proceeding from the concept of action, "action" being understood as "production of something" (*Handlung der Erzeugung*). She also noted that Cohen's theory clearly distinguishes three types of actions: theoretical, practical and esthetic, which can be characterised in terms of process and result, i.e. he identifies "action as process" (*Handlung*) and "action as result" (putting the relation between the concepts "action as process" and "action as result" at the foundation of the logic of the functioning of the spheres of culture he identifies).

In conclusion M. Soboleva expressed confidence that the theory of science, the theory of culture, dialogic philosophy and the philosophy of action, developed in the framework of Cohen's philosophical system, can be relevant to the solution of current problems connected with the role of the subject in scientific research, and the link between science and society, society and church.

Vitaly L. Makhlin (INION RAS) focused on the "turn in thinking" pointed out by Franz Rosenzweig in analysing the work of Hermann Cohen. In his view, Rosenzweig's "new thinking" simultaneously marked both a break and a development of continuity with the philosophy of his teacher, Hermann Cohen, as the initiator of the philosophy of dialogue. V. Makhlin stressed that in the opinion of Rosenzweig (and other "dialogists") Cohen by his concept of *correlation* put forward a new principle (relative to modern times) in approaching ontology, anthropology and theology, which, according to Rosenzweig, means the following: it is not being and time that exist within so-called eternity (and nature) but rather the reverse: metaphysical eternity and speculative essence are within the concrete temporality of being and event of history. Therefore, the speaker argued, the postulate of Rosenzweig himself, citing Goethe,

отметил докладчик, и постулат нового мышления самого Розенцвейга со ссылкой на И. В. Гёте звучит следующим образом: необходимо «принять время всерьез» (*Ernstnehmen der Zeit*), а значит, отказаться от непомерных (нечеловеческих) притязаний и идеалов субстанциального познания в пользу более скромного, зато конкретного «здорового смысла» — мышления *отношениями* «между человеком и человеком» в их *конечном* (экзистенциально-историчном) бытии-событии, в котором индивидуальное сознание свободно в своей причастности трансцендентному.

В выступлении И. Е. Лапшина (РУДН), завершившем работу круглого стола, прозвучала мысль об актуальности исследования вопроса о соотношении религиозного и этического в трудах Когена. Докладчик показал, что Коген отстаивает нехарактерный не только для философии, но и для теологии XX в. взгляд, породивший ряд учений, отказывающихся от традиционных для христианства утверждений о Боге и его качествах (диалектическая теология, «теология слабого Бога» Д. Капуто), а именно — положение о немислимости этики без идеи Бога. Он также отметил, что в своей построенной на иудейских основаниях религии разума марбургский неокантианец хочет совершить движение, обратное произошедшему в эпоху Возрождения, которая, хотя и не была атеистической, все же отодвинула вопрос необходимости Бога для человека на задний план. Это означало, что человеческие качества, составляющие человеческую природу, те качества, которыми мы восхищаемся, нам даны, присутствуют в нас как некая данность. У Когена же, по мнению И. Е. Лапшина, автономия личности — не то, что дано, а то, к чему следует стремиться, и то, что проистекает из идеи Бога.

В заключение своего выступления докладчик указал на то, что в философии религии Коген как бы маневрирует между предопределением Спинозы и крайним субъективизмом Фихте. С одной стороны, он не соглашается с представлениями Спинозы о свободе воли и его пониманием Бога как по сути безличного принци-

sounds like this: it is necessary to “take time seriously” (*Ernstnehmen der Zeit*), hence to give up excessive (non-human) claims and ideals of substantive knowledge in favour of a more modest, but concrete “common sense,” thinking in terms of *relations* “between human and human” in their *ultimate* (existential-historical) being-co-being in which individual consciousness is free in its being involved with the transcendent.

Ivan E. Lapshin (RUDN University), the last speaker, stressed the relevance of the study of the relationship between the religious and the ethical in Cohen’s works. He demonstrated that Cohen upholds the view that ethics is unthinkable without the idea of God, a view uncharacteristic not only of philosophy, but also of theology in the twentieth century, a view that spawned a number of doctrines that renounce traditional Christian premises about God and His properties (dialectical theology, D. Caputo’s “weak God theology”). I. Lapshin argued that Cohen in his religion of reason based on Judaist foundations, seeks to accomplish the reverse of what happened in the epoch of Renaissance which, while not being atheistic, pushed the question of God’s being necessary for man into the background. This meant that the human properties that constitute human nature, the properties we admire, are within us as something given. With Cohen, in I. Lapshin’s opinion, the autonomy of the individual is not what is given but what has to be striven for and what emanates from the idea of God.

In conclusion, I. Lapshin observed that in his philosophy of religion Cohen seems to be manoeuvring between Spinoza’s predetermination and Fichte’s extreme subjectivism. On the one hand, he disagrees with Spinoza’s notions of the free will and his understanding of God as essentially an impersonal principle. On the other hand, Cohen puts the logic of science above the question of self-consciousness and personal freedom, and not vice versa, as does Fichte.

па. С другой стороны, Коген подчиняет логике науки вопросы самосознания и личной свободы, а не наоборот, как это было у Фихте. Таким образом, у Когена, по мнению И. Е. Лапшина, мы находим возможность религии, в рамках которой дихотомия «мемориала Паскаля» — Бог Авраама, Исаака и Иакова или Бог философов и ученых — оказывается преодоленной.

Благодарности. Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Список литературы

Белов В. Н. Актуальны ли еще исследования о постмодернизме? Размышления о книге итальянского философа А. Помы // Кантовский сборник. 2018. Т. 37, №3. С. 97–102.

Пома А. Критическая философия Германа Когена / пер. с ит. О. А. Поповой. М.: Академический проект, 2012.

Edel G. Die Aktualität Cohens in der gegenwärtigen Philosophie // ZENO. Jahrbuch für Literatur und Kritik. 2014. Jg. 35, H. 34. S. 98–108.

Об авторе

Владимир Николаевич Белов, доктор философских наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.

E-mail: belov-vn@rudn.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3833-6506>

Для цитирования:

Белов В. Н. Обзор круглого стола «Актуальность философии Германа Когена» // Кантовский сборник. 2022. Т. 41, № 2. С. 159–166.

doi: [10.5922/0207-6918-2022-2-7](https://doi.org/10.5922/0207-6918-2022-2-7)

© Белов В. Н., 2022.

Thus in Cohen we see the possibility of a religion within which the dichotomy of the “Pascal Memorial” — the God of Abraham, Isaac and Jacob or the God of philosophers and scientists — is overcome.

Acknowledgements. This publication was supported by the RUDN Strategic Academic Leadership Programme.

References

Belov, V.N., 2018. Is Research on Postmodernism Still Relevant? Thoughts on a Book by the Italian Philosopher A. Poma (Rev.: A. Poma. *Cadenzas. Philosophical Notes for Post-modernism*. Cham: Springer, 2017, 244pp.), translated by A.S. Kiselev. *Kantian Journal*, 37(3), pp. 97-102. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2018-3-5>.

Edel, G., 2014. Die Aktualität Cohens in der gegenwärtigen Philosophie. *ZENO. Jahrbuch für Literatur und Kritik*, 35(34), pp. 98-108.

Poma, A., 2012. *Kriticheskaja filosofija Germana Kogena [The Critical Philosophy of Hermann Cohen]*. Translated from the Italian by O. A. Popova. Moscow: Akademicheskii projekt. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgenii N. Filippov

The author

Prof. Dr Vladimir N. *Belov*, RUDN University, Moscow, Russia.

E-mail: belov-vn@rudn.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3833-6506>

To cite this article:

Belov, V.N., 2022. Report of the Roundtable “The Relevance of Hermann Cohen’s Philosophy”. *Kantian Journal*, 41(2), pp. 159-166.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2022-2-7>

© Belov V. N., 2022.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

Научное издание

**КАНТОВСКИЙ СБОРНИК
KANTIAN JOURNAL**

2022

**Том
Vol. 41**

№ 2

Перевод с нем. на рус. *И.Г. Черненко*, с англ. на рус. *П.Р. Бонадысева*
Перевод с рус. на англ. *Е.Н. Филиппов*
Редакторы *Д.А. Малеваная, Е.Т. Иванова*
Выпускающий редактор *И.О. Дементьев*
Корректор *С.В. Ильина*
Компьютерная верстка *А.В. Иванов*

Translated from German by *I.G. Chernenok*, from English by *P.R. Bonadyseva*
Translated from Russian by *E.N. Filippov*
Copy-edited by *D.A. Malevanaya, E.T. Ivanova*
Publishing editor *I.O. Dementev*
Russian version proofread by *S.V. Ilina*
English version proofread by *K. Caskie*
Layout by *A.V. Ivanov*

Формат 84×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 17,5
Тираж 500 экз. (1-й завод 70 экз.). Заказ 74
Свободная цена. Подписной индекс 80623

Size 84×108¹/₁₆. 19.0 sheets
500 copies (first print: 70 copies). Order 74
Free price. Subscription index: 80623

Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта
236001, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
6 Gaidara st., Kaliningrad, 236001, Russia